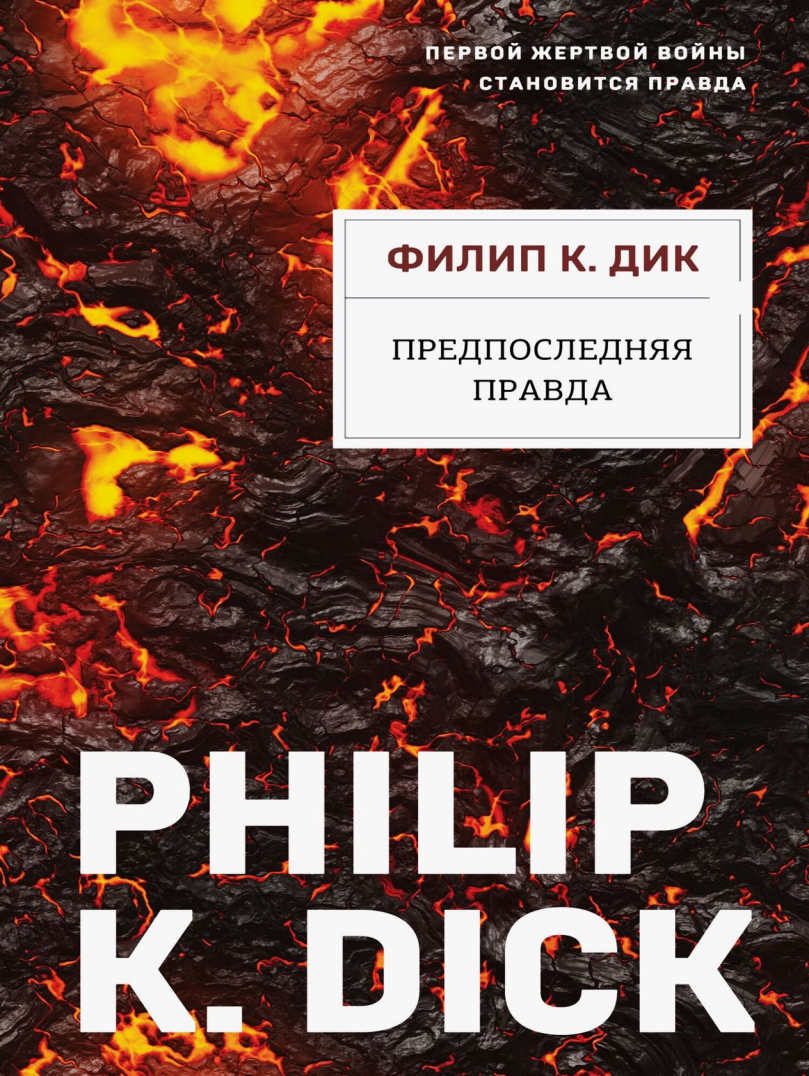
ПЕРВОЙ ЖЕРТВОЙ ВОЙНЫ
СТАНОВИТСЯ ПРАВДА
ФИЛИП К. ДИК
ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ ПРАВДА
PHILIP K. DICK

Предпоследняя правда
Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип Дик. Предпоследняя правда
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23
24
25
26
27
28
29

Аннотация

Что бы вы сделали, обнаружив, что все ваши знания о мире – ложь?

Вот уже пятнадцать лет идет Третья мировая война, воздух заражен смертоносными патогенами и токсинами. Ради выживания людям пришлось спуститься в подземные убежища. Переселенцы конструируют металлических роботов – лиди, и те ведут войну на поверхности вместе с обычными солдатами. С больших экранов жителям бункеров рассказывают о трудностях войны и показывают руины знакомых городов. И они верят.

Однажды в одном из бункеров умирает талантливый конструктор, чье тело тут же замораживают, но его еще можно спасти – нужно лишь раздобыть артифорг, бионический орган для трансплантации, а для этого придется подняться наверх. Житель бункера Николас Сент-Джеймс решается на опасную вылазку. Но что он обнаружит? Смерть или правду, которую очень тщательно скрывают?

«В то время, когда большинство писате-

лей-фантастов XX века кажутся безнадежно устаревшими, Дик дарит нам видение будущего, которое передает ощущение нашего времени». – *Wired*

«Если существует такая вещь, как “черная научная фантастика”, то Филип К. Дик – это Пиранделло, Сэмюэл Беккет и Гарольд Пинтер». – *Харлан Эллисон*

«Дик являлся одним из подлинных провидцев, которых фантастика породила в этом веке». – *L.A. Weekly*

«Лучший американский романист XX века». – *Hartford Advocate*

«Увлекательное и обескураживающее чтение». – *Sunday Times*

«Наполненная мощью, зубами и неожиданностями, как бассейн с аллигаторами». – *Brian Aldiss*

«Живописная панорама будущего, написанная с захватывающей точностью». – *Tribune*

Филип Дик
Предпоследняя правда

Philip K. Dick
The Penultimate Truth

Copyright © 1964, Philip K. Dick
Copyright renewed © 1992, Laura Coelho, Christopher Dick and Isa Hackett. All rights reserved
© В. Кумок, перевод на русский, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

1

Туман может пробраться внутрь и достать тебя; да, он это умеет. У длинного и высокого окна своей библиотеки — озимандийского здания, сложенного из бетонных блоков, что раньше, в прежнюю эпоху, составляли выезд на Бэйшор Фривэй, — Джозеф Адамс застыл в раздумьях, наблюдая за туманом, пришедшим с Тихого океана. И, поскольку был вечер и мир понемногу погружался во тьму, этот туман пугал его столь же сильно, как и другой туман — тот, что был внутри, что не вторгался извне, а просто ширился, шевелился и заполнял пустые пространства тела. И обычно назывался одиночеством.

— Сделай мне коктейль, — жалобно попросила Колин сзади.

— Руки отсохли? — осведомился он. — Лимон себе выжать не можешь?

Он отвернулся от окна, от вида на мертвые деревья и океан за ними и отражения океана в небе, от висящей и наползающей темноты — и на секунду действительно задумался, не сделать ли ей коктейль. Но потом он понял, что должен

сделать и где должен быть.

Он уселся за стол с мраморной столешницей, что удалось вынести из разбомбленного дома на Рашн-Хилл в бывшем городе Сан-Франциско, и включил риторизатор.

Недовольно буркнув, Колин удалилась в поисках кого-нибудь, кто сделает ей коктейль. Джозеф Адамс со своего рабочего места услышал, как она ушла, — и обрадовался этому. По какой-то причине — но здесь он очень уж не хотел заниматься особенным самокопанием — Колин Хаккетт не спасала от одиночества, а скорей как раз наоборот. Да и все равно воскресными вечерами коктейли у него никогда не получались; всегда выходили слишком сладкими, словно бы кто-то из его лиди откопал бутылку токайского, а он использовал ее в коктейле вместо сухого мартини. Забавно, но лиди, оставленные без контроля, сами по себе никогда не допускали такой ошибки… уж не дурной ли это знак, задумался Джо Адамс. Уж не становятся ли они умнее нас?

Он аккуратно набрал на клавиатуре риторизатора основное слово. *Белка.* Затем, через добрых две минуты тяжелого, медленного раздумья, — ограничивающий эпитет *умная*.

— Окей, — сказал он вслух и откинулся, нажи-

мая кнопку ввода.

Колин вошла обратно в библиотеку, уже с бокалом джин-тоника, а риторизатор тем временем начал для него выдачу в аудиоформате.

— Это старая мудрая белка, — механическим голосом заговорил он (колонка была всего лишь двухдюймовая), — и все же мудрость этой крохи не принадлежит только ей; природа одарила ее…

— О гос-споди! — злобно рявкнул Джо Адамс, шлепком выключая изящный аппарат из стали и пластика; тот смолк. Тут он заметил Колин. — Извини. Я просто устал. Отчего бы им, Броузу, или генералу Хольту, или маршалу Харензани, ну хоть *кому-нибудь* на высоких ответственных должностях, не перенести воскресный вечер куда-нибудь между днем пятницы и…

— Дорогой, — со вздохом сказала Колин. — Я ведь слышала, ты ввел только две семантические единицы. Дай машине больше.

— Сейчас дам, мало не покажется. — Он нажал кнопку возврата и набрал целую фразу, а Колин стояла у него за плечом, потягивая коктейль и наблюдая. — Так годится?

— Знаешь, я иногда не могу понять, — сказала Колин. — То ли ты страстно любишь свою работу,

то ли ненавидишь ее. — Она прочла вслух то, что он написал: — Хорошо информированная дохлая крыса возилась под онемевшим розовым бревном.

— Слушай, — сказал он хмуро. — Я хотел бы посмотреть, что эта дурацкая приблуда, которая влетела мне в пятнадцать тысяч ЗапДем-долларов, с этим сейчас сделает. Я совершенно серьезно, и я жду. — Он резко ткнул в кнопку ввода.

— А когда должна быть готова речь? — спросила она.

— Завтра.

— Просто встань пораньше.

— Ну нет. — С утра я ненавижу все это еще больше, подумал он.

Риторизатор подбавил певучей народности в свой стрекочущий голосок.

— Всем известно, крыс мы считаем недругами. Но гляньте, сколько от них пользы хотя бы при одном только изучении рака. Скромная крыса внесла свою лепту и сослужила неоценимую службу человечест…

И вновь раздраженный жест заставил машину замолчать.

— …ву, — равнодушно закончила Колин; она рассматривала настоящий бюст Эпштейна, от-

копанный когда-то давно и теперь занимающий место в нише, что разделяла полки с книгами у западной стены, на которых Джозеф Адамс хранил свои справочные материалы по телерекламе прошлого, ушедшего великого двадцатого века, в особенности творения Стэна Фреберга, вдохновленные религией и батончиками «Марс».

— Жалкая метафора, — промурлыкала она. — Лепта… «лепта» — значит «легкая» по-гречески, это мелкая монета, сотая часть драхмы, но я могу поспорить, что даже такой профессионал, как ты, этого не знал. — Она кивнула явившемуся на ее вызов лиди. — Принеси мой плащ, и пусть мой флэппл подгонят к главному входу. — Она продолжила, обращаясь уже к Джо: — Я возвращаюсь на свою виллу.

Когда он не отреагировал, она спокойно сказала:

— Джо, попробуй без этого приспособления, напиши всю речь своими словами. И тогда тебе не придется злиться на крыс с лептами.

Искренне сомневаюсь, что получится своими словами, без помощи машины, подумал он. Я уже подсел, уже без нее не могу.

На улице туман одержал сокрушительную победу; один лишь взгляд вскользь, и стало ясно,

что туман заселил весь мир целиком, вплоть до окна его библиотеки. Ну и хорошо, решил он, зато обойдемся без очередного сияющего от радиоактивной-пыли-на-веки-вечные заката.

— Ваш флэппл, мисс Хаккетт, — объявил лиди, — у главного входа; и по удаленной связи я слышу, что ваш шофер, лиди тип два, придерживает дверь открытой для вас. Ввиду вечерней сырости один из служителей мистера Адамса будет обдувать вас теплым воздухом, пока вы благополучно не окажетесь внутри.

— Господи, — сказал Джозеф Адамс и покачал головой.

— Это ты обучал их, дорогой, — заметила Колин. — Это создание восприняло свои драгоценно-жаргонные лингвистические привычки прямиком от тебя.

— Потому что, — сказал он с горечью, — я люблю стиль, пафос и ритуалы. — И, оправдываясь перед ней, продолжил: — Броуз написал мне в служебной записке — она поступила в Агентство прямиком из его бюро в Женеве, — что эта речь должна использовать белку в качестве понятия-оператора. Ну что можно сказать о белках такого, что никто до тебя не говорил? Они делают запасы; они скряги. Это мы знаем. Но делают ли они еще

хоть что-то доброе, о чем мы знаем, — такое, на что можно *нацепить* эту проклятущую *мораль?*

А еще, подумал он, они все мертвы. Эта форма жизни больше не существует. Но мы все еще превозносим их достоинства… истребив их полностью как класс.

И он быстро и точно набрал на клавиатуре риторизатора две новые семантические единицы. *Белка.* И — *геноцид*.

Вскоре машина начала рассказ.

— Удивительно смешное происшествие стряслось со мной вчера по пути в банк. Я случайно проходил через Центральный парк, а вы знаете, как…

Не веря собственным ушам, Джо злобно взглянул на машину.

– *Ты* вчера проходил через Центральный парк? Четырнадцать лет, как нет никакого Центрального парка.

— Джо, это же просто машина. — Уже в плаще, Колин забежала на минутку, чтобы поцеловать его на прощание.

— Но эта штука сошла с ума, — возразил он. — И она сказала «смешное», когда я задал *геноцид*. Ты…

— Она вспоминает, — попыталась объяснить

ему Колин; на мгновение присев, она коснулась его лица пальцами и заглянула ему прямо в глаза.

— Я люблю тебя, — сказала она, — но ты так умрешь; взорвешься от перенапряжения. Я отправлю Броузу формальный запрос через свой офис в Агентстве, попрошу дать тебе две недели отпуска. У меня есть кое-что для тебя, подарок; один из моих лиди выкопал это близ моей виллы; в законных границах моего поместья, после того небольшого обмена, что мои лиди устроили с соседями с севера.

— Книга. — Он почувствовал внутри себя проблеск, вспыхнувшее пламя жизни.

— И притом исключительно хорошая, настоящая довоенная, не ксерокопия. И знаешь о чем?

— «Алиса в Стране чудес». — Он так много о ней слышал; всегда хотел прочесть ее, иметь у себя.

— Еще лучше. Одна из тех невероятно смешных книжек из шестидесятых годов — и в хорошем состоянии, целы передняя и задняя обложки. Книжка по самосовершенствованию; «Как я привел себя в норму при помощи лукового сока» или что-то подобное. «Как я заработал миллион долларов, ведя для ФБР двойную с половиной жизнь».

Или…

Он сказал:

— Колин, я как-то выглянул в окно и увидел белку.

Она уставилась на него.

— Не может быть.

— Этот хвост; ты ни с чем его не спутаешь. Круглый, и толстый, и серый, как ершик для бутылок. И они прыгают — вот так. — Он постучал пальцами о ладонь, показывая ей, но и сам пытаясь заново это увидеть. — Я завопил; я погнал четверых своих лиди туда с… — Он пожал плечами. — И все равно в итоге они вернулись и доложили: — Там нет такой вещи, доминус, или еще как-то, черт бы помнил.

Он помолчал. Конечно, это была гипногаллюцинация — слишком много спиртного, слишком мало сна. Он это знал. И лиди знали. А теперь и Колин тоже узнала.

— И все же только представь, — упрямо закончил он.

— Вот и напиши своими словами, что ты почувствовал. Вручную, на бумаге — не диктуй на магнитофон. Что означало для тебя увидеть живую и здоровую белку. — Она пренебрежительно махнула в сторону его дорогущего риторизато-

ра. — Не то, что *он* думает. И тогда…

— И тогда Броуз самолично вычеркнет это, — сказал он. — Может, я и пробью это через компьютер, в симулякр, а потом и на пленку; да, это может пройти так далеко. Но это никогда не пройдет Женеву. Потому что по факту мои слова не будут значить «Давайте, ребята; двигаем дальше». А будут они значить… — Он задумался над тем, чтобы для разнообразия успокоиться. — Хорошо, я попробую, — решил он и встал, оттолкнув свое старинное плетеное кресло. — Ладно, я даже запишу это от руки; найду… как они называются?

— Шариковую ручку. Посмотри на свою руку, ты можешь ею задать кому-то взбучку. Рука и взбучка: вот и получится ручка.

Он кивнул.

— И запрограммировать компьютер напрямую через рукопись. Может быть, ты и права; это загонит меня в депрессию, но хотя бы тошнить так не будет; ненавижу эти желудочные спазмы. — Он начал искать по библиотеке — как бишь она это назвала?

Все еще выполняющий программу риторизатор пищал сам для себя:

— …и вот эта маленькая зверюшка; в крохотной головке умища запаковано жутко много.

Может быть, мы с вами и представить не сможем, насколько много. И я думаю, мы можем у нее поучиться.

И так далее и тому подобное. Внутри машины тысячи мельчайших деталей раскручивали проблему, пользуясь дюжиной инфобарабанов; это могло тянуться буквально без конца, но Джо Адамс был занят; он уже нашел ручку, и теперь оставалось найти чистый лист белой бумаги. Черт, ну *это-то* у него точно должно было быть; он подозвал лиди, который ждал Колин, чтобы проводить ее в свой флэппл.

— Подними весь персонал, — приказал он, — на поиски писчей бумаги для меня. Прочешите все комнаты виллы, включая спальни, даже неиспользуемые. Я отчетливо помню, что видел том или пакет бумаги, или в чем она там выпускалась. Его точно откопали.

По прямой радиосвязи лиди передал команду дальше, и Джо Адамс почувствовал, как здание зашевелилось, все пятьдесят с лишним комнат, как его персонал бросился выполнять команду с того места, на котором она его застала. Он, доминус, буквально собственными ступнями почувствовал кипящую в этом его доме жизнь, и даже внутренний туман отчасти рассеялся, пусть

они все и были лишь теми, кого чехи называли *роботами*, странным славянским словом, означающим *рабочие*.

Но снаружи туман по-прежнему скребся в стекло.

А когда Колин уедет — знал он, — туман станет царапаться и скрестись еще упорнее, пытаясь попасть внутрь.

Он страстно захотел, чтобы уже настал понедельник, чтобы он уже был в Агентстве, в своем офисе в Нью-Йорке, чтобы его окружали коллеги. И тогда жизнь вокруг не была бы движением мертвых — ну хорошо, неживых — вещей. А самой реальностью.

— А я отвечу тебе, — сказал он неожиданно. — Я люблю свою работу. Собственно говоря, я должен работать; кроме нее, ничего ведь и нет. Не это же все… — Он обвел жестом комнату, в которой они стояли, потом указал на серое, затянутое туманом окно.

— Как наркотик, — сказала Колин проницательно.

— Окей, — кивнул он. — Используя старинное выражение, могу сказать, что ты прям в девятку.

— Эх ты, лингвист, — мягко сказала она. — Правильно — *в десятку*. Может быть, тебе все же

стоит использовать эту машину?

— Нет, — тут же сказал он. — Ты была права; я собираюсь пройти назад до самого начала и попробовать напрямую, лично от себя.

Уже вот-вот кто-то из его персонала должен был, цокая, подойти с чистой белой бумагой; он был уверен, что где-то у него она хранится. А если и нет, то всегда можно поменяться на что-нибудь с соседом, совершить путешествие — безусловно, в окружении и под защитой своей свиты — на юг, в усадьбу и виллу Ферриса Грэнвилла. А уж у Ферриса бумага точно есть; он на прошлой неделе рассказывал им всем на видеоконференции о том, что, господи прости, пишет мемуары.

Что бы, черт продери — или подери, или раздери, — ни значило слово «мемуары».

2

Пора ложиться спать. Так говорили часы, но что, если электричество снова отключалось, как почти на целый день на прошлой неделе; тогда часы могли ошибаться хоть на полдня. И на самом деле, болезненно подумал Николас Сент-Джеймс, вполне могло быть время вставать. А метаболизм его тела, даже после всех этих лет под землей, ни о чем ему не сообщал.

В совмещенном санузле их ячейки, 67-В комплекса «Том Микс», бежала вода; его жена принимала душ. Так что Николас отыскал ее часики на туалетном столике; сравнив время, он обнаружил, что оно совпадает. Ну, значит, так тому и быть. И все же ему абсолютно не хотелось спать. Это дело Мори Соузы, понял он; именно оно терзало его, как орел Прометея, но выклевывало не печень, а мозг. Наверное, так и чувствовали себя заразившиеся Пакетной чумой, подумал он. Проникшие вирусы раздували голову до тех пор, пока она не лопалась, как надутый бумажный пакет. Да, может, я и болен, подумал он. На самом деле. Еще и потяжелее, чем Соуза. А Мори Соуза,

главный механик их убежища, «танка», возрастом уже за семьдесят, — сейчас как раз умирал.

— Я выхожу, — крикнула Рита из душа. Вода, однако же, все еще лилась; она еще не выходила. — Я имею в виду, ты можешь зайти почистить зубы, или положить их в стаканчик, или что с ними ты там делаешь.

Что я делаю, подумал он. Болею Пакетной чумой… возможно, тот последний поврежденный лиди, которого они посылали вниз, не был обеззаражен как следует.

А может, я подхватил Вонючее иссыхание — эта мысль заставила Николаса физически содрогнуться всем телом; он представил, как его голова уменьшается в размерах, сохраняя пропорции черт лица, до размеров алебастрового шарика.

— Окей, — ответил он задумчиво и принялся расшнуровывать свои рабочие ботинки. Он чувствовал потребность в чистоте; он тоже примет душ, несмотря на жестокие водные ограничения, действующие сейчас в комплексе по его же собственному указу. Не чувствуешь себя чистым, осознал он, — и ты обречен. Особенно с учетом того, что именно может сделать нас нечистыми, этих микроскопических *штук*, падающих на нас, которых какой-то разгильдяйский самоходный

металлический комплект запчастей поленился вычистить как следует перед тем, как нажать тумблер «вниз» и отправить к нам триста фунтов зараженной материи, горячей и грязной одновременно… горячей от радиации и грязной от микробов. Отличная комбинация, подумал он.

Но на фоне всех этих невеселых раздумий, где-то на заднем плане, все время всплывала одна и та же мысль: Соуза умирает. Что может быть важнее? Просто потому что — ну сколько мы продержимся без этого старого ворчуна?

Примерно две недели. Потому что через две недели их квота поступит на аудит. И на этот раз — а он знал свою и своего танка удачу — это будет один из агентов министра внутренних дел, Стэнтона Броуза, а не генерала Хольта. Ротация. Как однажды сказало изображение Янси на большом экране, это предотвращает коррупцию.

Он набрал на аудиофоне номер клиники танка.

— Как он?

На другом конце линии доктор Кэрол Тай, их терапевт, возглавляющая маленькую клинику, ответила:

— Без изменений. Он в сознании. Спустись к нам; он сказал мне, что хотел бы с тобой пого-

ворить.

— Окей.

Николас прервал связь, крикнул — сквозь шум льющейся воды — Рите о том, что уходит, и вышел из ячейки; в общем коридоре он проталкивался мимо людей, возвращающихся из магазинов и комнат отдыха в свои ячейки, чтобы лечь спать: часы действительно не врали, ибо он видел на многих купальные халаты и стандартного образца шлепанцы из синтетического меха вуба. Да, понял он, и в самом деле пора ложиться. Вот только он точно знал, что все равно не сможет уснуть.

Тремя этажами ниже, в клинике, он прошел через пустые приемные покои — клиника была закрыта, действовал лишь стационар, — а затем мимо сестринского поста; медсестра почтительно встала, приветствуя его, как-никак Николас был их избранным президентом; и, наконец, оказался перед дверью палаты Мори Соузы с закрепленной на ней табличкой «Тихо! Не беспокоить!». Он вошел внутрь.

На широкой белой кровати лежало нечто настолько плоское, настолько раздавленное, что оно могло лишь глядеть строго вверх, словно было отражением, чем-то смутно видимым в

пруду, что поглощал свет, а не отражал его. Пруд, в котором лежал старик, был поглотителем всех видов энергии, понял Николас, когда подошел к кровати. Перед ним была одна лишь оболочка; высохшая, словно до нее добрался паук; паук всего мира, или для нас, точнее, подземный паук подземного мира. Но все равно пьющий человеческую жизнь. Даже так глубоко под землей.

Из своей опрокинутой навзничь неподвижности старик сумел шевельнуть губами:

— Привет.

— Привет, старый ты дурачина. — Николас подвинул стул поближе к кровати. — Как ты себя чувствуешь?

Спустя немалое время, словно слова Николаса шли к нему через огромные бездны космоса, старый механик ответил:

— Не слишком хорошо, Ник.

Ты даже не знаешь, подумал Николас, что у тебя. Разве что Кэрол сказала, после того как мы с ней в последний раз говорили о тебе. Он глядел на старика и задумывался, существует ли инстинкт. Он знал, панкреатит смертелен почти в ста процентах случаев, Кэрол сказала ему. Но, конечно, никто не сказал и не скажет об этом Соузе, потому что чудеса случаются.

— Да ты прорвешься, — неловко сказал Николас.

— Послушай, Ник. Сколько лиди мы сделали в этом месяце?

Он прикинул, солгать ли ему или же сказать правду. Соуза не сходил с этой кровати вот уже восемь дней, так что наверняка уже потерял все контакты и не смог бы проверить и уличить его. Поэтому он солгал:

— Пятнадцать.

— Тогда… — Повисла пауза; старик явно прикидывал. Он смотрел вертикально вверх, не переводя взгляд на Николаса, словно бы пряча глаза от стыда. — Мы все еще можем выполнить квоту.

— Мне без разницы, — сказал Николас, — выполним ли мы нашу квоту. — Он знал Соузу, был заперт вместе с ним тут, в «Том Микс», все время войны — пятнадцать лет. — Мне важно понимать, выйдешь ли… — О боже, он проговорился, и уже ничего нельзя было сделать.

— Выйду ли я отсюда, — тихо сказал Соуза.

— Само собой, я имел в виду *когда*. — Он был дьявольски зол на себя самого. Вдобавок он заметил у дверей Кэрол, выглядящую чертовски профессионально в своем белом халате, туфлях

на низком каблуке, держащую папку, в которой, без сомнения, была карта Соузы. Не говоря более ни слова, Николас встал, прошел мимо Кэрол и вышел в коридор.

Она последовала за ним. Они стояли вдвоем в пустом коридоре, и Кэрол сказала:

— Он проживет еще неделю, а потом умрет. Ты случайно это ляпнул или…

— Я сказал ему, что наши мастерские в этом месяце уже выпустили пятнадцать лиди; проследи, чтоб никто не сказал ему иного.

— Я слышала, что скорее пять.

— Семь. — Он сказал ей не потому, что она была их врачом и на ней многое держалось, а из-за Отношений. Он всегда рассказывал Кэрол все; это был один из тех эмоциональных крючков, что крепко зацепил его, удерживал его рядом с ней: она, как никто, замечала любую ложь, даже повседневную, мелкую и невинную. Так чего ради врать сейчас? Кэрол никогда не были нужны сладкие слова; она жила правдой. И вот здесь и сейчас она получила правду еще раз.

— Это значит, что мы не выполним квоту, — сказала она. Констатировала факт.

Он кивнул.

— Отчасти из-за того, что нам заказали три ти-

па семь, а это тяжело; это очень напрягает наши мастерские. Если бы весь заказ состоял только из типов три и четыре… — Но он не состоял; так никогда не было и не будет впредь. Никогда.

Пока существует поверхность.

— Ты знаешь, — помолчав, сказала Кэрол, — что на поверхности существуют искусственные поджелудочные железы, артифорги. Ты, безусловно, рассматривал эту возможность со стороны своей официальной должности.

— Это нелегально, — ответил Николас. — Только военные госпитали. Приоритет. Рейтинг 2-А. Нам не положено.

— Говорят, что можно попробовать…

— И быть пойманным. — Торговля на черном рынке однозначно влекла за собой пародию на суд в виде сессии военного трибунала — а затем расстрел. И это еще в том случае, если тебя не поленятся и возьмут живым.

— Ты боишься выбраться наверх? — спросила Кэрол в своей резкой и алмазно-твердой манере вести допрос.

— Угу. — Он кивнул; так оно и было. Две недели — и смерть от радиационного поражения костного мозга, разрушения его кроветворных тканей. Одна неделя — Пакетная чума, или Во-

нючее иссыхание, или еще что-нибудь, а он уже чувствовал вирусофобию; вот только что его буквально трясло при одной мысли о заражении — как, в общем, и любого другого танкера, даром что в реальности в «Том Микс» не было ни единой вспышки инфекций.

— Ты можешь, — сказала Кэрол, — собрать людей — ну ты знаешь, тех, кому можешь доверять. И спросить, нет ли добровольцев.

— Провались оно все, если уж кому и идти, так мне. — Но он не хотел никого посылать, потому что знал, каково оно там, наверху. Не вернется никто, потому что если и не трибунал, то какое-нибудь гомотропное, нацеленное на человека оружие выгонит его из убежища и станет преследовать его до конца жизни. Возможно, целых несколько минут.

А охотники на людей, гомотропы, были на редкость поганым изобретением. И расправлялись с людьми они тоже на редкость поганым способом.

— Я знаю, как сильно ты хочешь спасти старика Соузу, — сказала Кэрол.

— Я люблю его, — сказал он. — Вне зависимости от мастерских, квоты и всего прочего. Вспомни, за все то время, что мы провели здесь, внизу, вза-

перти — он хотя бы раз кому-то в чем-то отказал? В любое время дня и ночи — протечка водопровода, перебои в энергии, забившийся пищепровод — он каждый раз приходил, и стучал молотком, и ставил заплаты, и сшивал обратно, и перематывал по новой, и возвращал все в строй. — И ведь Соуза был официально главным механиком и мог легко послать любого из полусотни подчиненных и храпеть себе дальше. Именно от старика Николас научился правилу — сделай работу сам, не сбрасывай на подчиненного.

Как все эти военные заказы, подумал он, сброшенные на нас. Строительство металлических бойцов восьми базовых типов и тому подобного; и притом правительство Эстес-парка, функционеры ЗапДема и лично Броуза дышат нам прямо в спину.

И, словно бы эти непроизнесенные слова магическим образом заставили проявиться нечто из незримого присутствия, к нему с Кэрол через холл заспешила чья-то серая хрупкая фигурка. Ну точно, комиссар Дэйл Нуньес, весь такой пылкий, занятый, вечно по уши в собственных делах.

— Ник! — Задыхаясь, Нуньес прочел прямо с листка бумаги: — Через десять минут большая речь; включить передачу по всем ячейкам и со-

брать всех в Колесном зале; мы будем смотреть все вместе, потому что потом будут вопросы. Это серьезно. — Его быстрые птичьи глаза взлетели в тревожной судороге. — Как бог свят, Ник, по тому, что до меня дошло, — это конец Детройту; пробили последнее кольцо.

— Иисусе, — ахнул Николас. И рефлекторно двинулся к ближайшему аудиовводу сети, которая покрывала своими динамиками каждый этаж и каждое помещение в «Том Микс». — Но ведь сейчас время сна, — сказал он комиссару Нуньесу. — Большинство раздевается или уже в постели; разве они не могут посмотреть речь на собственных приемниках в ячейках?

— Все дело в вопросах, — возбужденно сказал Нуньес. — Из-за падения Детройта неизбежно поднимутся квоты — вот чего я боюсь. И если это будет так, то я бы хотел, чтобы каждый точно знал почему. — Он выглядел откровенно несчастным.

— Но, Дэйл, ты же знаешь нашу ситуацию. Мы не можем даже…

— Просто собери их в Колесном зале. Окей? Мы можем поговорить и позже.

Николас поднял микрофон и сказал, адресуясь каждой ячейке в танке:

— Люди, это президент Сент-Джеймс, и мне

очень жаль, но через десять минут всем надо быть в Колесном зале. Приходите в чем вы есть, не беспокойтесь насчет этого — купальный халат вполне сойдет. У нас дурные новости.

— Говорить будет Янси. Это точно; мне сообщили, — тихо сказал Нуньес.

— Как я понимаю, Протектор обратится к нам, — сказал Николас в микрофон и услышал, как его голос грохочет из обоих концов пустынного коридора клиники — точно так же, как и везде в огромном подземном антисептическом танке на полторы тысячи душ. — И он примет ваши вопросы.

Он повесил трубку, ощущая себя разбитым. Это было неподходящее время, чтобы сообщать им плохие новости. А еще Соуза, и квота, и предстоящий аудит…

— Я не могу оставить своего пациента, — сказала Кэрол.

— Но мне приказано собрать всех, доктор, — расстроенно сказал Нуньес.

— Тогда, — ответила Кэрол с той несравненной быстротой ума, что одновременно пугала Николаса и заставляла обожать ее, — мистеру Соузе придется тоже встать и прийти. Если указ должен быть исполнен в точности.

И это достигло цели; Нуньес, при всей его бюрократической закостенелости, его почти невротической решимости до последней буквы исполнять каждый спущенный им всем — через него — приказ, кивнул:

— Окей, оставайтесь тут. — Николасу же он сказал: — Пойдем. — И он отправился в путь, отягощенный их общей совестью; основной его задачей было обеспечивать их лояльность: Нуньес был политкомиссаром танка.

Пять минут спустя Николас Сент-Джеймс уже сидел с официальным застывшим видом в своем президентском кресле — на небольшом возвышении в первом ряду Колесного зала; позади него собрались они все, и ворочались в креслах, и шуршали, и переговаривались, и шевелились, и все, включая и его, не отрывали взгляд от огромного, во всю стену, видеоэкрана. Это было их окно — их единственное окно — в мир наверху, и они довольно серьезно относились к тому, что появлялось на его гигантской поверхности.

Он задумался, слышала ли Рита объявление или же до сих пор блаженно плескалась в душе, время от времени отпуская в его адрес какие-то реплики.

— Нет улучшений? — шепнул Нуньес Никола-

су. — Ну, у старика Соузы?

— При панкреатите? Да ты шутишь, что ли? — Политкомиссар был просто идиот.

— Я послал им наверх пятнадцать служебных записок, — сказал Нуньес.

— И ни в одной из пятнадцати, — заметил Николас, — не содержалось формального запроса на искусственную поджелудочную, которую Кэрол могла бы ему имплантировать.

— Я всего лишь клянчил отсрочку аудита. Ник, — умоляюще продолжил Нуньес, — политика есть искусство возможного; нам могут дать отсрочку, но точно не дадут искусственную поджелудочную; их просто не достать. Вместо этого нам просто придется списать Соузу и выдвинуть на его место кого-то из младших механиков, Уинтона, или Боббса, или…

Внезапно гигантский общий экран из невыразительно-серого стал ослепительно-белым. И из динамиков донеслось: «Добрый вечер!»

Полуторатысячная аудитория в Колесном зале нестройно откликнулась: «Добрый вечер!» Это была просто привычная формальность, поскольку приемников все равно не было и трансляция шла всегда только вниз. С самого верха до самого низа.

«Сводка новостей», — продолжал голос ведущего. На экране появился стоп-кадр: здания, пойманные и застывшие в момент обрушения. С этого же кадра начался сам видеоролик. И здания с гулом, подобным стуку далеких и враждебных барабанов, сложились в пыль и обрушились; обломки словно растворились в занявшем их место дыму, а населявшие Детройт бесчисленные лиди выплеснулись и побежали, словно муравьи из опрокинутой склянки. Невидимые силы то и дело давили их.

Аудиотрек прибавил в громкости; барабаны стали ближе, а камера, наверняка с разведспутника ЗапДема, сфокусировалась на одном из общественных зданий — может быть, библиотеке, а может быть, церкви, школе или банке; а может быть, и всем этом сразу. Было видно в несколько замедленном воспроизведении, как крепкое здание рассыпалось на молекулы. Все объекты в поле зрения превратились в пыль, «возвратились в прах», по библейскому выражению. И ведь это могли быть мы, а не лиди, подумал он, вспомнив, что сам, будучи ребенком, провел в Детройте целый год.

Благодарение господу от всех, и от комми, и от американцев, за то, что война сперва разразилась

на колониальном мире — свара за то, кто именно, ЗапДем или НарБлок, отхватит львиную долю в нем. Потому что именно за этот первый год войны на Марсе население Земли удалось увести в подземелья. И, подумал он, хоть мы и тут до сих пор, но так в любом случае лучше, нежели *это*; он завороженно смотрел в экран и заметил, как группка лиди расплавляется — словно и впрямь сделанная из свинца[1], — но все еще пытается, о ужас, бежать, плавясь. Он отвел взгляд.

— Кошмар. — Нуньес рядом с ним посерел лицом.

Неожиданно на пустом стуле справа от Николаса обнаружилась Рита, в халате и шлепанцах; с ней пришел и младший брат Николаса Стю. Оба напряженно вглядывались в экран, словно бы Николаса и не было рядом. И каждый человек в Колесном зале чувствовал себя в одиночестве, лично воспринимая катастрофу на гигантском телеэкране, и ведущий тогда сказал — за них и для них:

— Это — был — Детройт. Девятнадцатое мая. Год господень 2025-й. Аминь.

Лишь только защитный экран вокруг города

[1] Примечания: 1

Leady (*англ.*) — содержащий или напоминающий свинец (*прим. перев.*).

был взломан, потребовалось всего несколько секунд, чтобы проникнуть внутрь и совершить все это.

Пятнадцать лет Детройт оставался невредимым. Ну что же, маршал Харензани, встречаясь в надежно защищенном Кремле с Верховным Советом, мог теперь заплатить художнику за изображение еще одного шпиля на дверях их кабинета. Как символа прямого попадания. Записать на свой счет еще один американский город.

Но в разум Николаса, пробиваясь сквозь ужас увиденного, уничтожения одного из немногих оставшихся центров западной цивилизации — в которую он искренне верил и которую любил, — стучалась все та же мелочная, эгоистичная и недостойная мысль. *Это будет означать повышение квоты.* Все больше придется производить под землей, поскольку с каждым днем наверху оставалось все меньше.

Нуньес прошептал:

— Янси объяснит сейчас. Как это могло случиться. Будь готов. — И Нуньес, конечно же, был прав, потому что Протектор никогда не сдавался; Николаса восхищало в этом человеке его упорное, упрямое нежелание признать, что этот удар был смертельным. И все же…

Они все же достали нас, понял Николас… и даже ты, Тэлбот Янси, наш духовный, политический и военный лидер, достаточно смелый, чтобы жить в своей наземной крепости в Скалистых горах; даже ты, дорогой друг, не сможешь обернуть вспять произошедшее.

— Друзья мои, американцы, — раздался голос Янси — и в нем не слышалось даже усталости! Николас моргнул от неожиданности, настолько бодро это прозвучало. Казалось, Янси абсолютно не взволнован, проявляя стоицизм в лучших традициях своего родного Вест-Пойнта; он увидел все, понял и принял, но не позволил эмоциям вмешаться в свою холодную рассудительность.

— Вы все видели, — продолжал Янси своим глубоким голосом человека пожившего, опытного старого воина, бодрого телом и духом, далекого от дряхлости… столь непохожего на умирающую оболочку человека на больничной койке, у которой дежурила Кэрол, — ужасное событие. От Детройта не осталось ничего, а как вы знаете, его прекрасные автоматические фабрики вырабатывали серьезную долю военной продукции все эти годы; и сейчас все это потеряно. Но мы не потеряли ни одной человеческой жизни, той единственной ценности, от которой мы не можем

отказаться и никогда не откажемся.

— Хорошо подмечено, — пробормотал Нуньес, лихорадочно записывая.

Внезапно рядом с Николасом появилась Кэрол Тай, все в том же белом халате и туфлях; он инстинктивно встал, встречая ее.

— Он скончался, — сказала Кэрол. — Соуза. Вот только что. Я немедленно заморозила его; поскольку была рядом с ним, потери времени не было вовсе. Ткани мозга не пострадают. Он просто ушел. — Она попыталась улыбнуться, и глаза ее наполнились слезами. Николас был шокирован; он ни разу не видел Кэрол плачущей, и что-то внутри него ужаснулось этому зрелищу, как дурному, опасному, недоброму знаку.

— Мы выдержим и это, — продолжалась кабельная аудиотрансляция из крепости Эстес-парк, а на экране появилось лицо Янси; картины войны, картины рушащейся или превращающейся в раскаленный газ материи постепенно поблекли на заднем плане. И вот уже на экране был только прямой и строгий человек за большим дубовым столом, в каком-то тайном месте, где Советы — даже их кошмарные новые ракеты «Сино-20» с лазерным наведением — никак не смогут его найти.

Николас усадил Кэрол и привлек ее внимание к экрану.

— С каждым днем, — сказал Янси — и сказал с гордостью, спокойной и рассудительной гордостью, — мы становимся сильнее. Не слабее. *Вы* становитесь сильнее. — И тут он — Николас готов был поклясться чем угодно — взглянул прямо на него. И на Кэрол, и на Дэйла Нуньеса, и на Стю с Ритой, и на всех остальных здесь, в «Том Микс», на каждого, кроме Соузы, который был мертв; а уж если ты мертв, понял Николас, то никто, даже Протектор, не может тебе сказать, что ты становишься сильнее. И еще, когда ты умер только что, мы тоже умерли. Если только мы не достанем эту поджелудочную — любой ценой, от любого гнусного барыги с черного рынка, что обкрадывает военные госпитали.

Раньше или позже, осознал Николас, несмотря на все запрещающие это законы, мне придется выйти на поверхность.

3

Когда образ «неимоверно-круче-тебя» Протектора Янси, его лицо из стали и дубленой кожи исчезли с экрана и тот обрел свою первозданную матовую серость, комиссар Дэйл Нуньес вскочил на ноги и обратился к собравшимся:

— Ну а теперь, ребята, — вопросы.

Аудитория осталась неподвижной. Настолько неподвижной, насколько могла быть — чтобы за это ей ничего не было.

Выборная должность требовала — и Николас поднялся и встал рядом с Дэйлом.

— Между нами и правительством в Эстес-парке должен быть диалог, — сказал он.

Чей-то резкий голос сзади — не разобрать, мужской или женский, — задал вопрос:

— Президент Сент-Джеймс, умер ли Мори Соуза? Я вижу, что доктор Тай здесь.

— Да, — сказал Николас. — Но он в быстрой заморозке, так что надежда еще есть. Люди, вы слышали Протектора. А перед этим вы видели вторжение в Детройт и его гибель. Вы знаете, что мы уже отстаем от нашей квоты; в этом месяце

мы должны собрать двадцать пять лиди, а в следующем…

— В каком еще следующем? — выкрикнул голос из толпы, горько и отчаянно. — В следующем месяце нас здесь уже не будет.

— Мы будем, — ответил Николас. — Мы можем пережить аудит. Позвольте вам напомнить. Первый штраф — это всего лишь урезание на пять процентов пищевого рациона. И только после этого на любого из нас может прийти повестка, и даже тогда призыв не превысит уровня децимации — один человек из каждых десяти. И только если мы три месяца подряд не выполним план, только тогда мы можем — подчеркиваю, *можем* — столкнуться с риском закрытия. Но у нас всегда есть юридический способ бороться; мы можем отправить своего адвоката в Высокий Суд Эстес-парка, и я заверяю вас, что так мы и сделаем вместо того, чтобы покорно принять закрытие.

Еще один голос выкрикнул:

— А вы запрашивали повторно о том, чтоб нам прислали замену для главного механика?

— Да, — сказал Николас. Но во всем мире нет второго Мори Соузы, подумал он. Ну, может быть, в других танках. Но из — сколько там их было в последний раз? — из ста шестидесяти тысяч

убежищ в Западном полушарии никто не станет даже обсуждать вопрос о том, чтобы отпустить действительно стоящего главного механика, даже если мы могли бы каким-то образом связаться с несколькими из них. Да буквально пять лет назад соседи с севера, «Джуди Гарланд», пробурили к нам тот горизонтальный штрек и умоляли — буквально умоляли — отпустить Соузу к ним взаймы. Всего на один месяц. И мы отказали.

— Ну хорошо, — энергично сказал комиссар Нуньес, поскольку добровольных вопросов не последовало. — Я проведу случайную проверку, чтобы выяснить, дошло ли до вас послание Протектора. — Он указал на молодую супружескую пару. — Какой была причина крушения нашего защитного экрана вокруг Детройта? Встаньте и представьтесь, пожалуйста.

Пара неохотно поднялась; мужчина сказал:

— Джек и Майра Фрэнкис. Наша неудача связана с созданием НарБлоком новой многоблочной ракеты «Галатея-3», которая способна проникать внутрь на субмолекулярном уровне. Я так полагаю. Нечто в этом роде. — Он с облегчением уселся обратно, потянув за собой и свою жену.

— Хорошо, — сказал Нуньес; это и в самом деле было приемлемо. — А как вышло, что техноло-

гии НарБлока временно опередили наши? — Он огляделся вокруг и выбрал следующую жертву для допроса. — Не промах ли это нашего руководства?

Выбранная им средних лет старая дева встала.

— Мисс Гертруда Праут. Нет, причиной этого не является промах нашего руководства.

Она тут же села обратно.

— А что же тогда является причиной? — по-прежнему обращаясь к ней, спросил Нуньес. — Не могли бы вы встать, мадам, когда отвечаете? Благодарю вас.

Мисс Праут снова встала.

— В этом *наша* вина? — подсказал ей Нуньес. — Не конкретно нашего танка, но всех нас, танкеров, работников оборонной промышленности, в целом?

— Да, — сказала мисс Праут своим хрупким покорным голосом. — Мы не смогли обеспечить… — Она запнулась, не в силах вспомнить, что же именно они не смогли обеспечить. Повисла неловкая, гнетущая тишина.

Николас взял дело в свои руки.

— Друзья, мы производим базовый инструмент, при помощи которого и ведется война; именно потому, что лиди могут жить на радиоактивной

поверхности, среди многочисленных штаммов бактерий и нервно-паралитического газа, разрушающего хлинэстеразу…

— Холинэстеразу, — поправил Нуньес.

— …мы и живы до сих пор. Мы обязаны нашим жизням тем конструкциям, что строятся в наших мастерских. Только это и имеет в виду комиссар Нуньес. Жизненно важно понимать, почему мы должны…

— Я решу этот вопрос сам, — тихо сказал Нуньес.

— Нет, Дэйл. Я.

— Ты уже произнес одно непатриотичное утверждение. Газ, разрушающий холинэстеразу, — американское изобретение. И я могу просто *приказать* тебе сесть.

— И я не сяду, — сказал Николас. — Люди устали; сейчас не время давить на них. Смерть Соузы…

– *Сейчас* и есть подходящий момент, чтобы давить на них, и меня учили, Ник, в берлинском Институте психологического оружия, лучшие врачи миссис Морген, и я *знаю.* — Он повысил голос, обращаясь к аудитории: — Как все вы понимаете, наш главный механик был…

Но в ответ из рядов донесся враждебный, изде-

вательский голос:

— Слышьте, комиссар, мы вам дадим мешок репы. Политкомиссар Нуньес, *сэр*. И посмотрим, как вы из нее выжмете бутыль крови. Окей? — По рядам покатился негромкий одобрительный шум.

— Что я и говорил, — сказал Николас комиссару, который вспыхнул и судорожными движениями пальцев начал комкать свои записи. — Ну теперь ты отпустишь их обратно по койкам?

Нуньес громко объявил:

— Между вашим избранным президентом и мною возникли некоторые разногласия. В качестве компромисса я задам всего один, последний вопрос. — Он сделал паузу, разглядывая их; люди ждали с усталым страхом. Единственный отчетливо враждебный голос сейчас молчал; Нуньес имел над ними власть, поскольку — единственный в убежище — был не обычным гражданином, а чиновником самого ЗапДема, и мог вызвать живых полицейских-людей сверху. Или, если агентов Броуза вдруг не оказалось бы поблизости, — группу коммандос, состоящую из вооруженных ветеранов-лиди генерала Хольта.

— Комиссар, — объявил Николас, — задаст только один вопрос. А после этого, слава богу, мы все пойдем спать. — Он уселся.

Нуньес, как бы размышляя вслух, спросил медленным и холодным голосом:

— Как мы можем компенсировать для мистера Янси наши недоработки?

Николас внутренне застонал. Но никто, даже Николас, не имел ни законной, ни какой-то иной власти, чтобы остановить человека, которого враждебный голос из аудитории только что верно назвал их политкомиссаром. И все же по Закону это было не совсем уж плохо. Потому что через комиссара Нуньеса существовала прямая и живая связь между их убежищем и правительством Эстес-парка; теоретически они могли отвечать через него, и даже сейчас, в самом сердце мировой войны, мог существовать диалог между танками и правительством.

Но танкерам было непросто подчиняться урапатриотической линии Дэйла Нуньеса в любой момент, когда тот — а точней, его начальство с поверхности — считал нужным. Например, сейчас, во время отдыха. И все же альтернатива могла быть еще хуже.

Ему уже предлагали (и он тут же, весьма и весьма постаравшись, навсегда вычеркнул из памяти имена предлагавших) сделать так, чтобы их комиссар однажды ночью бесследно исчез.

Но Николас ответил — нет. Это не поможет. Они пришлют следующего. И — Дэйл Нуньес был просто человеком. Не властью. И что, было бы лучше, если бы вы столкнулись с Эстес-парком как с *властью*, которую вы можете видеть и слышать на телеэкране… но до которой не можете ничего донести?

И поэтому, как ни раздражал его комиссар Нуньес, Николас признавал необходимость его присутствия в «Том Микс». Радикалов, которые пробрались к нему как-то ночью со своей идеей быстрого и легкого решения проблемы с комиссаром, удалось надежно и твердо переубедить. Николас, по крайней мере, на это надеялся.

В любом случае Нуньес был все еще жив. Так что, судя по всему, ему удалось донести до радикальных граждан свою аргументацию… а дело было уже три года назад, когда Нуньес впервые включил пылкого борца и энтузиаста.

Он задумался: а догадывался ли об этом сам Нуньес? Представлял ли себе, как близко он был от смерти и что именно Николас спас его, отговорил потенциальных убийц?

Любопытно было бы знать, какой была бы реакция Нуньеса на это. Благодарность?

Или презрение.

И в этот момент Кэрол подала ему знак, подзывая на виду у всех собравшихся в Колесном зале. Как раз когда Дэйл Нуньес шарил взглядом по рядам, выискивая, кто же ответит на его вопрос, Кэрол — невероятно! — жестом сообщила Николасу, что им надо срочно уйти вместе.

Рядом с ним Рита, его жена, тоже заметила этот знак, этот призыв; с застывшим лицом она уставилась прямо перед собой, притворяясь, что ничего не видит. И Дэйл Нуньес, выбрав свою цель, тоже заметил. И нахмурился.

И все же Николас послушно двинулся за Кэрол вверх по проходу, а затем из Колесного зала, в опустевший коридор.

— Что, ради всего святого, тебе нужно? — спросил он, когда они остались наедине. Нуньес так посмотрел на них, когда они покидали собрание… это ему еще откликнется в свое время; комиссар не забудет.

— Я хочу, чтобы ты подписал документы о смерти, — сказала Кэрол, шагая в сторону лифта. — На бедного старого Мори.

— Но почему именно сейчас? — За этим скрывалось что-то еще; он чувствовал.

Она не ответила; оба они молчали всю дорогу до клиники, до морозильной камеры, где лежа-

ло застывшее тело — он мельком заглянул под покрывало и тут же вышел из камеры, чтобы подписать формуляры, что разложила для него Кэрол, все пять копий, аккуратно отпечатанных и готовых к отправке по видеолинии чиновникам на поверхности.

Затем из-за пазухи, из-под своего застегнутого на все пуговицы белого халата, Кэрол достала крохотный электронный аппарат, в котором он узнал записывающее устройство скрытого ношения. Она вынула из него кассету с записью, выдвинула стальной ящик одного из шкафов, в котором на первый взгляд хранились медицинские принадлежности, — и на краткий миг ему открылся вид других кассет с записями и другой электронной аппаратуры, которая явно никак не касалась медицины.

— Что происходит? — спросил он, на сей раз более сдержанно. Очевидно, она хотела сделать его свидетелем, показать записывающее устройство и склад записей, который держала под замком, в тайне от всех. Он прекрасно знал Кэрол, знал очень близко, как и любой другой обитатель «Том Микс», — и все же это оказалось для него неожиданностью.

Кэрол сказала:

— Я записала на пленку речь Янси. Ту часть, ради которой я и пришла, по крайней мере.

— И остальные кассеты с записями в этом шкафу?..

— Да, все это Янси. Предыдущие его выступления. Здесь больше чем за год.

— А это вообще законно?

Кэрол собрала вместе все пять копий свидетельства о смерти Мори Соузы и вложила их в приемное устройство телефакса, который вот-вот должен был отправить их по проводам в архивы Эстес-парка.

— Я проверяла. Фактически да, это законно.

Николас облегченно выдохнул.

— Иногда мне кажется, что ты чокнулась.

Ее мысли вечно устремлялись в каких-то неожиданных и странных направлениях, а блеск и сила ее могучего разума постоянно ставили его в тупик; он никогда не поспевал за ней и потому все больше почтительно благоговел перед ней.

— Объясни, — попросил он.

— Заметил ли ты, — сказала Кэрол, — что в своей речи в прошлом феврале Янси, используя выражение *coup de grâce*, «удар милосердия», произнес его как «грас»? А вот в марте, — она достала из стального ящика табличку, с которой

сверилась, — …да, двенадцатого марта — он произнес «ку-де-гра». А потом, в апреле, пятнадцатого числа, снова прозвучало «грас». — Она подняла глаза и испытующим взглядом уставилась на Николаса.

Он устало и раздраженно пожал плечами.

— Отпусти меня спать, давай поговорим об этом как-нибудь в другой…

— Затем, — непреклонно продолжала Кэрол, — в своей речи от третьего мая он еще раз использовал этот термин. Та памятная речь, в которой он сообщил нам, что Ленинград полностью уничтожен… — Она вновь оторвалась от своей таблицы. — И это снова было «ку-де-гра». Не «грас». Возврат к прежнему произношению. — Она вернула таблицу в ящик и вновь закрыла его. Николас заметил, что это потребовало — наряду с поворотом ключа — еще и нажатия пальца. Замок открывался только по ее отпечаткам пальцев, и даже с дубликатом ключа — или ее ключом — остался бы закрытым. И открылся бы только для нее.

— И что?

— Я не знаю, — сказала Кэрол. — Но это должно что-то означать. Кто ведет войну на поверхности?

— Лиди.

— А где же все люди?

— Ты что, решила поиграть в комиссара Нуньеса? Допрашивать людей после отбоя, когда они должны быть давно…

— Все люди в убежищах, антисептических танках, — сказала Кэрол. — Под землей. Как мы. И тут ты просишь артифорг, и тебе заявляют, что они доступны только для военных госпиталей — судя по всему, на поверхности.

— Я не знаю, где находятся военные госпитали, да и знать не хочу, — сказал он. — С меня довольно того, что у них есть приоритет, а у нас нет.

— Если войну ведут лиди, то кто же находится в военных госпиталях? Лиди? Нет. Поврежденных лиди спускают вниз, на ремонт в мастерские, в том числе и к нам. А ведь лиди сделаны из металла, и поджелудочной железы у них нет. Да, наверху есть *немного* людей, конечно; правительство Эстес-парка. А в НарБлоке — Совет. Для них, что ли, нужны поджелудочные?

Николас молчал; Кэрол была кругом права.

— Что-то, — сказала она, — очень сильно не так. Военных госпиталей не должно быть, потому что нет ни гражданских, ни солдат, что были бы ранены в боях и нуждались в артифоргах. И тем

не менее артифоргов нам не дают. Например, мне для Соузы; хотя они прекрасно знают, что без Соузы нам не выжить. Подумай об этом, Ник.

— Хммм, — промычал он.

Кэрол тихо сказала:

— Тебе придется отреагировать, Ник. Хмыканьем тут не отделаешься. И сделать это придется очень скоро.

4

На следующее утро, едва проснувшись, Рита сказала:

— Я видела, как ты прошлым вечером ушел с этой женщиной, этой Кэрол Тай. Зачем?

Николас, заспанный и взъерошенный, еще даже не бритый, не успевший ни ополоснуть лицо, ни почистить зубы, пробурчал:

— Нужно было подписать свидетельства о смерти Соузы. Чисто деловой вопрос.

Он прошлепал к ванной комнате, которую они с Ритой делили с ячейкой справа, и обнаружил, что та заперта изнутри.

— Окей, Стю, — сказал он. — Кончай бриться и открывай дверь.

Дверь открылась; и в самом деле там был его младший брат — и действительно стоящий у зеркала и изо всех сил бреющийся с виноватым видом.

— Не обращай на меня внимания, — сказал Стю. — Заходи, и…

Из соседней ячейки донесся визгливый голос его жены Эди:

— Мы сегодня первые в ванную, Ник; твоя жена вчера вечером заняла ее на целый час со своим душем. Так что подожди, пожалуйста.

Сдавшись, он захлопнул дверь в ванную и побрел в кухню — которую они ни с кем не делили, ни справа, ни слева, — и поставил кофе на плиту. Кофе был вчерашний; у Николаса не было сил заваривать свежий, да и синтетических кофейных зерен уже почти не оставалось. До конца месяца они точно исчерпают все свои запасы, и придется клянчить, выменивать или брать взаймы у соседей, предлагая свой рацион сахара — они с Ритой, к счастью, мало его употребляли — в обмен на странные маленькие и коричневые эрзац-зерна.

А уж настоящих кофейных зерен, подумал он, я мог бы употребить сколько угодно. Если бы они существовали. Но, как и все остальное, зерна синтекофе (так они числились в накладных) были жестко нормированы. За все прошедшие годы его разум смирился с этим. Но тело требовало еще.

Он все еще помнил вкус настоящего кофе — с прежних времен, до убежища. Мне было девятнадцать, подумал он; я был первокурсником в колледже и только начал пить кофе вместо детских молочных коктейлей. Я только-только начал становиться взрослым… и тут все это случилось.

Но, как сказал бы Тэлбот Янси, улыбаясь или хмурясь, как посчитал бы правильным:

— Как минимум нас не сожгло, чего мы все опасались. Потому что у нас и правда был целый год, чтобы спрятаться под землю, и это нельзя забывать.

Вот Николас и не забывал; разогревая вчерашний синтекофе, он думал о том, что мог сгореть пятнадцать лет назад или холинэстераза в его теле распалась бы от жуткого американского нервно-паралитического газа, худшего из всего, что на тот момент придумали идиоты на высоких постах, там, где был когда-то Вашингтон, округ Колумбия, сами снабженные антидотом, атропином и потому находящиеся в безопасности… в безопасности от газа, что выпускался в Ньюпорте, в западной Индиане, на тамошнем химическом заводе по контракту с печально известной корпорацией FMC, но не от советских ракет. И он ценил этот факт и благодарил за то, что жив и может пить здесь этот синтекофе, каким бы горьким он ни был.

Дверь ванной открылась, и послышался голос Стю:

— Я закончил!

Николас двинулся в ванную. И тут раздался

стук во входную дверь ячейки.

Склоняясь перед обязанностями, что налагала его выборная должность, Николас открыл дверь, и перед ним предстал — он сразу это понял — комитет. Йоргенсон, Холлер, Фландерс — снова у его дверей местные активисты, а за ними Питерсон, и Гранди, и Мартино, и Джиллер, и Кристенсон; их группа поддержки. Он вздохнул. И позволил им войти.

Бесшумно — у них хватило на это ума и такта — делегация втянулась в его ячейку, заполнив ее. Как только входная дверь закрылась, Йоргенсон сказал:

— Вот как мы собираемся решить этот вопрос, президент. Мы сегодня до четырех утра спорили насчет него, — говорил он негромко, но твердо и решительно.

— Спорили насчет чего? — спросил Николас. Но он знал ответ заранее.

— Мы разберемся с этим политкомиссаром, этим Нуньесом. На двадцатом уровне мы инсценируем драку; доступ на двадцатый затруднен, там неудачно сложены ящики с деталями лиди. Ему понадобится полчаса, чтобы остановить драку. И это даст вам время. То время, которое вам нужно.

— Кофе? — спросил Николас, возвращаясь на кухню.

— Сегодня, — сказал Йоргенсон.

Не отвечая, Николас пил свой кофе. И жалел о том, что не находится в ванной. Как бы он хотел закрыться там от всех — жены, брата, его жены и этого комитета. Чтобы никто его там не достал. Даже Кэрол, подумал он. Так хотелось бы — хотя бы на минуту — закрыться от всех них. И просто сидеть в одиночестве и тишине ванной; просто существовать.

И тогда, если бы ему дали просто посидеть спокойно, возможно, он смог бы и подумать. Найти себя. Не Николаса Сент-Джеймса, президента убежища «Том Микс», антисептического танка, но себя самого, человека и мужчину. И тогда он бы знал, знал наверняка, прав ли комиссар Нуньес и закон есть закон. Или все же права Кэрол Тай, и действительно происходит что-то непонятное или неправильное — на что бы она ни наткнулась со своей коллекцией записей речей Янси за последний год. *Ку-де-грас*, удар милосердия, подумал он. Вот и он, прямо тут, для меня, смертельный удар по голове.

Он повернулся, не выпуская из руки чашку с кофе, чтобы взглянуть на активистов.

— Сегодня, — сказал он, передразнивая Йоргенсона, которого откровенно недолюбливал; Йоргенсон был краснорожий крепкий тип, любитель пива с сухариками.

— Мы знаем, что нужно торопиться, — взял слово Холлер; он говорил тихо, и его явно нервировало присутствие Риты, что причесывалась у зеркала, — да и все заговорщики вели себя нервно. Конечно, они боялись полицейского, то есть политкомиссара. И все же они пришли сюда.

— Давайте я объясню вам ситуацию с искусственными органами, — начал Николас, но Фландерс перебил его тут же:

— Мы знаем все, что нужно знать. Все, что мы *хотим* знать. Слушайте, президент; *мы знаем о заговоре, что они состряпали.* — Все прибывшие — шестеро или семеро — глядели на него с тревогой, со злобой и раздражением; крохотная — или, точнее, стандартная — ячейка, в которой жил и сейчас стоял Николас, буквально переполнилась эмоциями гостей.

— Кто — «они»? — спросил он.

— Большие шишки из Эстес-парка, — ответил Йоргенсон. — Те, что всем рулят. Указывают своим микроскопическим подручным вроде Нуньеса, в кого ткнуть пальцем.

— А заговор-то в чем?

— Заговор, — сказал Фландерс, почти заикаясь от своей предельной напряженности, — заключается в том, что им не хватает продовольствия и им нужен повод, чтобы разогнать какие-то из убежищ; мы не знаем, сколько именно они хотят закрыть и выгнать танкеров на поверхность, на верную смерть — может быть, много убежищ, а может быть, всего несколько… это зависит от того, насколько их припекло с рационами.

— Так вот, смотрите, — просительно сказал Холлер Николасу (сказал в полный голос, но сосед тут же чувствительно толкнул его, и он понизил голос до шепота), — им нужен повод. И они его получат, как только мы не выполним план, нашу ежемесячную квоту по выпуску лиди. А вчера вечером, после кадров погибающего Детройта, когда Янси объявил о том, что квоты повысятся, — вот так мы это и вычислили; они планируют поднять квоты, и все танки, что не выполнят новые нормы, будут закрыты. Вроде нас. А там, наверху… — Он ткнул пальцем в потолок. — Мы все умрем.

Рита грубо откликнулась от своего зеркала:

— Точно так же и Николас умрет, когда отправится за этим артифоргом — вы же все этого

хотите.

Резко обернувшись, Холлер ответил:

— Миссис Сент-Джеймс, он наш президент; мы выбрали его — и вот именно *поэтому* выбрали, чтобы он — ну, вы понимаете. Помог нам.

— Ник не ваш отец, — огрызнулась Рита. — И не волшебник. И не колесико в правительстве Эстес-парка. Он не может сам изготовить искусственную поджелудочную. Он не может…

— Вот деньги, — сказал Йоргенсон. И сунул Николасу пухлый белый конверт. — Здесь полусотенные, ЗапДем-доллары. Сорок штук. Двадцать тысяч ЗапДем-долларов. Сегодня ночью, пока Нуньес сладко спал, мы прошли по всем ячейкам и собрали это. Это были зарплаты половины танка за… — Он не мог сосчитать, момент был слишком напряженным. Но за долгое, долгое время. Комитет поработал на славу.

Рита обратилась к заговорщикам, резко и неприязненно:

— Вот сами и делайте это, раз уж вы собрали деньги. Бросьте жребий. Не втягивайте моего мужа в это. — Ее голос слегка смягчился: — Нуньес вряд ли быстро заметит отсутствие кого-то из вас. Может быть, даже несколько дней пройдет, пока он догадается проверить; но как только Ник

исчезнет, Нуньес заметит сразу, и…

— И что, миссис Сент-Джеймс? — Холлер выбрал вежливый, но решительный тон. — Нуньес ничего не сможет сделать, пока президент Сент-Джеймс будет на поверхности.

— Когда он вернется, Джек, — ответила Рита. — Тогда Нуньес его казнит.

Хуже всего то, что, вероятней всего, я даже не вернусь, подумал Николас.

Йоргенсон с явной, очевидной неохотой полез в карман своего рабочего комбинезона и достал небольшой плоский предмет, смахивающий на портсигар.

— Мистер президент, — сказал он формально и с достоинством, будто официальный глашатай, — вы знаете, что это такое?

А как же, подумал Николас. Это бомба, сработанная в мастерских. И если я не пойду, причем именно сегодня, вы вмонтируете ее где-то здесь, в моей ячейке или в моем офисе, поставите на нее взрыватель часового типа или проводное управление, и она взорвется и разнесет меня на куски, а заодно, вероятно, мою жену и даже, возможно, моего младшего брата и его жену, или кто там будет из посетителей на тот момент, если это будет мой офис. А вы все, ребята, — достаточно многие

из вас как минимум — как раз электрики, профессионалы по монтажу и сборке, как и все мы тут в какой-то степени… и вы знаете, как сделать правильно, чтобы вероятность успеха была стопроцентной. И вот, выходит так, осознал он, если я не пойду наверх, то ваш комитет абсолютно точно уничтожит меня — плюс еще, возможно, невинных людей рядом, — а если я пойду, то Нуньесу обязательно шепнет какая-нибудь сволочь из полутора тысяч обитателей танка, и тот пристрелит меня на полдороге наверх; я даже не успею совершить свой незаконный — а в военное время действует военное положение — выход на поверхность.

— Послушайте, президент, — сказал Фландерс, — я знаю, вы полагаете — вам придется подниматься вверх по шахте, а у выхода из нее все или почти все время пасутся лиди с очередным поврежденным собратом, чтобы скинуть его нам… *но послушайте.*

Туннель, понял Николас.

— Да. Мы пробурили его сегодня рано утром, когда подъехала автоматическая зарядная станция, чтобы замаскировать звук бура и других инструментов, что нам пришлось использовать. Он абсолютно вертикальный. Шедевр.

— Он начинается в потолке комнаты ВАА на первом уровне, — сказал Йоргенсон, — это склад коробок передач для лиди типа два. По нему идет цепь, и она закреплена — надежно, я гарантирую, я клянусь! — на поверхности, спрятанная среди…

— Лжи, — сказал Николас.

Йоргенсон заморгал.

— Не, честно…

— За два часа вы не могли пробурить вертикальный туннель до поверхности. Скажите правду.

После длинной и унылой паузы Фландерс пробормотал:

— Ну, мы начали этот туннель. И прошли метров двенадцать. Мобильный ковш остался там, закреплен. Рассчитывали отправить вас туда с кислородным оборудованием, а потом запечатать его снизу, чтобы заглушить вибрации и шум.

— Получается, — сказал Николас, — я поселюсь в этом туннеле и буду копать, пока не выберусь наверх. И вы наверняка рассчитали, сколько времени это у меня займет — в одиночку и с маленьким ручным ковшом, без тяжелого оборудования?

После паузы кто-то из членов комитета про-

бурчал:

— Два дня. У нас заготовлены пища и вода, а точнее, один из тех автономных космических костюмов, что использовались при полетах на Марс. Перерабатывает все отходы жизнедеятельности, выдыхаемый воздух — все. Это все равно лучше, чем пытаться пробиться вверх по шахте, которую точно патрулируют наверху лиди.

— А внизу, — сказал Николас, — Нуньес.

— Нуньес будет разнимать драку на двадцатом…

— Окей, — сказал Николас. — Я это сделаю.

Все буквально вытаращились на него.

Рита едва слышно всхлипнула; это был крик отчаяния.

Николас обратился к ней:

— Это лучше, чем если нас разнесут вдребезги. А они сделали бы это. — Он указал на маленький плоский предмет в руках у Йоргенсона. *Ipse dixit*, подумал он. *Настолько* я все же знаю иностранные языки. Утверждение, не требующее доказательства, «он так сказал». И в этом конкретном случае я бы не хотел видеть доказательства; даже наш политкомиссар Нуньес пришел бы в ужас от того, что может сделать эта штуковина, когда взорвется.

Он вошел в ванную, захлопнув — и закрыв на замок дверь за собой. Ради этого, сколь угодно краткого, момента тишины. Ради того, чтобы побыть простым биохимическим организмом, а не президентом Сент-Джеймсом, президентом подземного антисептического убежища-общежития, «танка», под названием «Том Микс», основанного в июне 2010 года во время Третьей мировой войны. 2010 года от Рождества Господня, подумал он; чертовски позднее время пополудни — После Христа.

Что мне надо сделать, решил он, так это вернуться, но не с артифоргом, а с Пакетной чумой для всех вас. Для каждого, без исключения.

Его злоба поразила даже его самого. Но, конечно, она была лишь поверхностной. Потому что, и он понял это, включая горячую воду, чтобы побриться, реальность такова, что я запуган. У меня нет никакого желания вкалывать сорок восемь часов в этом вертикальном туннеле, ожидая услышать, как Нуньес проламывает затычку внизу или как отряд полицейских Броуза сверху нацеливается на звук моего ковша; и даже если этого не произойдет, то все равно выбраться наверх в радиоактивность, в руины, в войну. В ту моровую язву смерти, от который мы бежали,

спрятались. *Я не хочу подниматься на поверхность, даже по неотложному делу.*

Он презирал себя за это; до такой степени, что даже глядеть на себя в зеркало, намыливая щеки, было очень трудно. Невозможно. Поэтому он открыл дверь ванной со стороны Стю и Эди и громко спросил:

— Эй, я могу воспользоваться вашей электробритвой?

— Не вопрос, — ответил его младший брат и достал требуемое.

— В чем дело, Ник? — спросила Эди с необычным — для нее — сочувствием. — Господи боже, ты выглядишь просто ужасно.

— Я ужасен, — ответил Николас и уселся на их неубранную измятую постель, чтобы побриться. — Чтобы я сделал правильное дело, — непонятно объяснил он, — меня надо заставлять силой. — Больше ему объяснять совсем не хотелось; он брился замкнуто и молчаливо.

5

Над зеленью — над полями, лугами, открытым миром североамериканских лесов с редкими вкраплениями жилых домов, поместий в странных и непредсказуемых местах — Джозеф Адамс летел на флэппле из своей собственной усадьбы на тихоокеанском побережье, где он был доминусом, в Нью-Йорк, где он был одним Янси-мэном из многих. Его рабочий день, его долгожданный и наконец выстраданный понедельник, настал.

Рядом с ним на сиденье лежал кожаный портфель с его золотыми инициалами, и в том — написанная вручную речь. Сзади, сгрудившись на заднем сиденье, находились четверо лиди из его личной свиты.

По дороге он болтал по видеофону о работе с коллегой по Агентству Верном Линдбломом. Верн не был генератором идей, не был человеком текста — но, как художник в визуальном смысле, мог гораздо лучше Адамса понять, уловить, какую сцену имеет в виду их начальник в Москве, Эрнест Айзенбладт; что он хочет увидеть в студии.

— Следующим будет Сан-Франциско, — сказал

Линдблом. — Я сейчас его строю.

— В каком масштабе?

— Без масштаба.

— В *натуральную* величину? — поразился Адамс. — И Броуз дал добро на это? То есть это не просто очередная легкомысленно-гениальная креативная идея Айзенбладта…

— Лишь фрагмент. Ноб-Хилл и вид на залив. Не торопясь, за месяц построим. Они только вчера вечером прогнали эту тему с Детройтом, времени полно.

Линдблом выглядел вполне расслабленно. Будучи профессиональным ремесленником, он мог себе это позволить. Генераторы идей шли по четверти посткредита за дюжину, но реальные исполнители — о, они были закрытой гильдией, которую даже Броуз со всеми своими агентами не смог взломать. Словно гильдия стеклодувов где-нибудь во Франции в тринадцатом веке — исчезни они, и секрет красного стекла исчезнет вместе с ними.

— Хочешь послушать мою новую речь?

— Ни за какие коврижки, — добродушно отозвался Линдблом.

— Ручная работа, — смиренно доложил Адамс. — Я вышвырнул этот прибор; одни шаб-

лоны.

— Слушай, — сказал Линдблом, внезапно посерьезнев. — До меня тут дошли слухи… Тебя снимают с речей и отправляют на спецпроект. Не спрашивай какой; мой источник сам не знал. — И после паузы добавил: — У меня информация от сотрудника Фута.

— Хмм. — Он попытался выглядеть спокойным, изобразить хладнокровие. Но внутри его всерьез замутило. Безусловно — поскольку имело приоритет над его обычной работой, — это назначение происходило из бюро Броуза. А в самом Броузе и в его спецпроектах было нечто отталкивающее. Но вот что именно…

— Тебе должно понравиться, — сказал Линдблом. — Что-то насчет археологии.

Адамс усмехнулся.

— Понятно. Советские ракеты собираются разрушить Карфаген.

— А тебе предстоит запрограммировать Гектора, Приама и всех этих ребят. Доставай своего Софокла. Свои шпаргалки, подсказки или что у тебя там.

— Друзья мои, — изобразил Адамс серьезный и торжественный тон. — У меня нерадостные новости для вас, но мы все равно победим. Новая

советская межконтинентальная баллистическая ракета «Гардеробщица А-3» с боеголовкой типа С рассеяла радиоактивную поваренную соль на территории в пятьдесят квадратных миль вокруг Карфагена, но это лишь показывает нам… — Он призадумался. — Что у нас производили автоматические фабрики Карфагена? Вазы? — В любом случае дальше уже была работа Линдблома. Выставка фотографий, которую отсканирует многолинзовая система телекамер в невероятно огромных и запутанных — и заполненных абсолютно любым возможным реквизитом — павильонах московской студии Айзенбладта. — Вот, мои дорогие друзья и сограждане, вот и все, что осталось; но генерал Хольт только что доложил мне, что наш удар возмездия с использованием нового наступательного оружия устрашения, игрушечного ружья «Полифем Х-В», полностью уничтожил весь военный флот Афин, и с божьей помощью мы…

— Знаешь, — задумчиво сказал Линдблом из крохотного спикера бортовой видеосвязи. — Если бы кто-то из людей Броуза подслушивал наш разговор, то ты выглядел бы исключительно бледно.

Словно жидкое серебро, огромная река под ним

запетляла с севера на юг, и Адамс наклонился, чтобы взглянуть на Миссисипи и оценить ее красоту. Это не было делом рук восстановительных бригад; под утренним солнцем блестел один из элементов первозданного творения. Того исходного мира, который не нужно было воссоздавать или реконструировать, потому что он никуда и не уходил. Вид этот, так же как и вид Тихого океана, всегда приводил его в чувство, отрезвлял, ибо означал, что нечто оказалось сильнее; нечто смогло выстоять.

— Да и пусть мониторят, — сказал Адамс, полный бодрости; он черпал силу из вьющейся серебряной полоски под ним — достаточно силы, чтобы сбросить вызов и отключить видеосвязь. Просто на случай того, что Броуз *и впрямь* подслушивал.

А потом, уже за Миссисипи, он увидел некое сосредоточение созданных человеком вертикальных и крепких строений и вновь испытал странное ощущение. Потому что это были гигантские озимандийские[2] жилые дома, возведенные

[2] Примечания: 2

Озимандия — фараон (Рамсес II), персонаж классического сонета Шелли; здесь и в иных местах автор вводит в язык образованное от его имени прилагательное в значении «огромный, но обреченный на забвение» (*прим. перев.*).

неустанным строителем Луисом Рансиблом. Той состоящей из одного человека муравьиной армией, что на своем пути не сгрызала все своими челюстями, но, напротив, множеством своих металлических рук строила повсюду одну и ту же исполинскую жилую структуру — с детскими площадками, плавательными бассейнами, столами для пинг-понга и мишенями для дартса.

И познаете истину, подумал Адамс, и истина даст вам власть порабощать. Или, как сказал бы об этом Янси, «Друзья мои, американцы. Здесь передо мной сейчас лежит документ столь священный и судьбоносный, что я собираюсь просить вас…» И так далее. А вот теперь он почувствовал себя уставшим, а ведь он еще даже не добрался до Пятой авеню в Нью-Йорке, до Агентства, не начал свой рабочий день. В одиночестве, в своем поместье над океаном, он чувствовал, как вьющийся, словно водоросли, туман одиночества растет днем и ночью, забивая глотку, не давая сказать ни слова; здесь же, в пути через возрожденные и пока еще не возрожденные (но, господи, вот уже скоро!) области — и, конечно, все еще горячие точки, что встречались время от времени на его маршруте, словно лишайные круги, — он чувствовал этот неловкий стыд. Стыд

тлел в нем, но не потому, что восстановление было злом, но — *это* было злом, и он знал, кем и чем *это* было.

Как было бы хорошо, если бы осталась одна-единственная ракета, сказал он себе. На орбите. И чтобы мы могли нажать одну из тех причудливых старинных кнопок, что были тогда в распоряжении генералов, и чтобы эта ракета сказала *фуууууум!* Прямо по Женеве. Прямо по Стэнтону Броузу.

Господи боже, подумал Адамс, может быть, в один прекрасный день я запрограммирую компьютер не на речь, даже на такую хорошую, что лежит тут рядом со мной, что я все же выдал вчера вечером, а на самое простое и спокойное объявление о том, что на самом деле происходит. И я прорвусь через компьютер в сам симулякр, а потом на аудио– и видеозапись, потому что он ведь автономный и редактуры там нет, разве что Айзенбладт вдруг заглянет случайно ко мне… и даже он, технически, не имеет права изменять речь на аудиозаписи.

И вот тогда небо рухнет на землю.

Должно быть, будет очень интересно наблюдать, размечтался Адамс. Если ты успеешь удрать достаточно далеко, чтобы посмотреть.

— Слушайте, — ввел бы он в программу Мегавака 6-V. И тогда внутри у компьютера закрутились бы все эти его маленькие хитрые причиндалы, и изо рта симулякра прозвучало бы именно это — но в трансформированном виде; простое слово обрело бы ту тонкую, подтверждающую детализацию, которая придала бы правдоподобие тому, что было бы иначе — давайте посмотрим правде в глаза, подумал он ядовито, — *невероятно* наглой и неубедительной историей. То, что вошло бы в Мегавак 6-V как обычное слово, *логос*, явилось бы перед телекамерами и микрофонами замаскированным под заявление, причем такое, которому никто в здравом уме — особенно находясь в подземном заточении пятнадцать лет — не осмелился бы не поверить. И это стало бы парадоксом, поскольку сам Янси освятил бы это заявление; как в старом софизме «Все, что я говорю, есть ложь», оно само противоречило бы себе, завязалось бы, гибкое и скользкое, в добрый и тугой морской узел.

Но чего этим можно будет добиться? Поскольку, само собой, Женева немедленно опровергнет это… и нам это совсем не нравится, услышал Джозеф Адамс внутренний голос, тот голос, который он наравне с другими Янси-мэнами

давным-давно впустил внутрь себя. Супер-эго, как называли это довоенные интеллектуалы, а до этого — укусами внутренней вины или каким-то иным старинным и наивным средневековым термином.

Совесть.

Стэнтон Броуз, забившийся в свой *Festung*, в подобную замку крепость в Женеве, словно некий алхимик в остроконечной шляпе, что, по поговорке, «могуч и вонюч», словно гниющая и разлагающаяся, бледно-светящаяся морская рыба, мертвая макрель с затуманенными будто глаукомой глазами… но выглядел ли Броуз так на самом деле?

Лишь дважды в своей жизни он, Джозеф Адамс, реально видел Броуза во плоти. Броуз был стар. Сколько там ему, восемьдесят два? Но отнюдь не хрупок. Не жердь, обмотанная лентами высушенной, выдубленной плоти; в свои восемьдесят два Броуз весил тонну, перекатывался и колыхался, качался будто корабль на волнах, изо рта у него текло и из носа тоже… и все же его сердце билось, поскольку, само собой, было артифорг-сердцем, плюс артифорг-селезенка и артифорг-и-так-далее.

И тем не менее настоящий Броуз существо-

вал. Потому что его мозг был не искусственным — таких просто не было; изготовить артифорг-мозг — сделать это тогда, еще до войны, когда существовала та фирма из Финикса, «Арти-Ган Корпорейшн», — означало бы ввязаться в то, что Адамс любил про себя называть «торговлей неподдельным имитированным серебром»… используя личный термин для того, что он считал хоть и недавней, но значимой реалией в панораме бытия и ее многочисленного и разнообразного потомства: всей вселенной аутентичных фейков.

И эта вселенная, подумал он, в которую, казалось бы, можно зайти всего на пару минут, войти через вход и выйти через выход… эта вселенная, словно кучи реквизита в московской студии Айзенбладта, была бесконечной, тянулась комната за комнатой; и выход из одной комнаты был всего лишь входом в следующую.

И теперь, если верить Верну Линдблому, если верить его источнику из частной разведслужбы «Уэбстер Фут, Лимитед оф Лондон», открылась некая новая входная дверь, и открыла ее рука, при всей своей старческой дрожи дотянувшаяся из Женевы… в мозгу Адамса эта метафора выросла и визуализировалась, стала пугающе осязаемой; он буквально почувствовал дверной проем впереди,

ощутил дыхание тьмы, исходящее из него — из лишенной света комнаты, в которую он вскоре войдет, столкнувшись с бог весть какой задачей, что все же не будет кошмаром, таким как эти черные равнодушные туманы внутри него и снаружи, бесформенные, но…

Но слишком явственные. По буквам продиктованные, записанные словами, не допускающими двоякого толкования, в служебной записке, исходящей из этого проклятого логова чудовищ, Женевы. Генерал Хольт, да даже маршал Харензани, который все-таки был офицером Красной армии, а уж никак не нюхающим цветочки эстетом, даже Харензани иногда *слушал*. Но эта еле ползущая, слюнявая, закатывающая глаза старая туша, битком забитая артифоргами — Броуз жадно поглощал артифорг за артифоргом из крохотных и тающих мировых запасов, — у этой туши просто не было ушей.

В прямом смысле. Эти органы чувств отсохли уже годы назад. И Броуз отказался от искусственных заменителей; ему *понравилось* ничего не слышать.

Когда Броуз просматривал каждую, до единой, телезапись речей Янси, он не слушал; ужасно, по крайней мере так казалось Адамсу, но этот

разжиревший полуживой организм получал аудиочасть выступления по прямой связи: через подсаженные, искусственно имплантированные годы назад электроды в нужной части его старческого мозга… того единственного изначального органа, что и *являлся* Броузом, тогда как остальное сейчас было, словно у Железного Дровосека, просто коллекцией арти-гановских пластиковых, сложных, но никогда не подводящих (до войны они гордились пожизненной гарантией на свою продукцию, причем в этом бизнесе значение слова «пожизненный», а именно вопрос, чья жизнь имеется в виду, предмета или владельца, было восхитительно прозрачным) заменителей, на которые его подчиненные, Янси-мэны в целом, имели формальное, номинальное право — строго говоря, запасы артифоргов, хранящиеся в подземных складских помещениях под Эстес-парком, принадлежали всем Янси-мэнам как классу, а не Броузу лично.

Но так оно отчего-то не работало. Потому что когда отказала почка у Шелби Лэйна, чье поместье в глубине Орегона Адамс частенько навещал, — для мистера Лэйна не оказалось искусственной почки, хотя на складах их числилось три. Похоже было на то — и по какой-то причине лежащего

в своей постели в хозяйской спальне поместья и окруженного свитой взволнованных лиди Лэйна этот аргумент не особенно убедил, — что Броуз уже наложил на эти три искусственные почки нечто, официально именующееся *заказом*. И он заказал эти чертовы органы, закрепил за собой, вывел из оборота при помощи сложной полузаконной «предварительной» заявки… Лэйн в отчаянии вынес вопрос на рассмотрение Постоянного Дисциплинарного совета, заседавшего в Мехико и выносившего постановления по поводу земельных споров между владельцами поместий, совета, в котором были представлены по одному лиди от каждого типа; Лэйн, собственно, даже не проиграл этот спор, но уж точно его и не выиграл, поскольку умер. Умер, ожидая рассмотрения законности этого «заказа». А Броуз жил себе дальше в уверенности, что сможет пережить еще три полных отказа почек и все равно выжить. А любой, кто отправится с этим вопросом в Дисциплинарный совет, наверняка умрет, как Лэйн, и рассмотрение со смертью истца прекратится.

Жирная старая гнида, подумал Адамс и увидел впереди Нью-Йорк, его шпили, уже послевоенные небоскребы, эстакады и туннели; а еще слетающиеся, подобно плодовым мушкам, флэпплы,

которые, как и его собственный, несли сотрудников службы Янси в свои офисы, чтобы начать понедельник.

И мгновение спустя он и сам завис, словно плодовая мушка, над особенно высоким зданием. Пятая авеню, 580, Агентство.

Конечно, Агентством был весь город; здания со всех сторон были точно такой же частью механизма, как и этот гигантский пуп земли. Но именно тут находился его личный офис; здесь он окопался и держал оборону от конкурентов по классу. У него была работа в верхнем эшелоне… а в его портфеле, который он сейчас с предвкушением поднял, лежал — он знал точно — абсолютно первосортный материал.

Может быть, Линдблом был прав. Может быть, русские как раз собирались бомбить Карфаген.

Он добрался до лифта, ведущего вниз с посадочной площадки на крыше, нажал кнопку скоростного спуска и провалился отвесно вниз на свой этаж, в свой офис.

Когда же он вошел в офис, держа в руке портфель, то без малейшего, даже самого крохотного предупреждения очутился лицом к лицу с горой резины, что мигала и моргала, хлопала псевдоподиями, точно тюлень ластами, и зыркала на

него, а щелевидный ее рот раззявился в улыбке, в наслаждении его ужасом; в наслаждении пугать как своим физическим обликом, так и…

— Мистер Адамс. На два слова, сэр.

Этим чудовищем, что каким-то образом смогло вместиться в кресло за его столом, был Стэнтон Броуз.

6

— С удовольствием, мистер Броуз, — сказал Джозеф Адамс, и его слюнные железы под языком сжались в спазме тошноты; тогда он повернулся и поставил свой портфель, удивляясь своей физической тошноте, ответу организма на встречу с Броузом здесь, в своем собственном офисе. Он был не напуган; не обескуражен, даже не зол на то, что Броуз ухитрился войти внутрь, несмотря на сложную систему замков, что он вошел и расположился, — нет, ничего этого не было, потому что болезненные содрогания его тела вышибли прочь все остальные реакции.

— Вам ведь нужно немного времени, чтобы прийти в себя, мистер Адамс? — Этот голос, вкрадчивый и тонкий, словно злой дух воздуха играет на растяжке телемачты.

— Д-да, — сказал Адамс.

— Простите? Я не слышу, знаете ли; мне нужно видеть ваши губы.

Мои губы, подумал Адамс. Он повернулся.

— Мне нужно, — сказал он, — немного времени. Немного укачало в полете. — Тут он вспомнил,

что оставил четверых своих верных спутников, лиди-ветеранов из своей свиты, в припаркованном флэппле. — Нельзя ли… — начал было он, но Броуз перебил его, даже не невежливо, а так, словно бы он вообще не говорил.

— Появился новый довольно важный проект, — сказал Броуз своим голосом дрожащей струны. — Вам предназначено написать для него читаемую часть. Она состоит из… — Броуз прервался, затем отыскал гигантский, жуткого вида носовой платок, которым утер себе рот, словно возвращая к правильной форме черты своего лица — как мягкий пластик консистенции зубной пасты. — По этому проекту запрещается составлять письменные документы или вести любые удаленные переговоры; *никаких записей.* Строго личное общение между основными участниками; вами, мною и Линдбломом, который будет делать артефакты.

Ха, подумал Адамс и возрадовался. «Уэбстер Фут, Лимитед», базирующееся в Лондоне частное детективное агентство, уже пронюхало, уже вывело в мир эту новость. Броуз, несмотря на свои явно психопатические заморочки с безопасностью, проиграл еще до начала. Ничто не могло бы обрадовать Адамса более; он почувствовал,

как тошнота отступает, и даже раскурил сигару, вышагивая туда и обратно, понимающе кивая и всячески выражая свою готовность участвовать в этом жизненно важном секретном предприятии.

— Да, сэр, — сказал он.

— Вы знаете Луиса Рансибла?

— Это строитель жилых домов, конаптов, — сказал Адамс.

— Смотрите на меня, Адамс.

Повернувшись лицом, Джозеф Адамс произнес:

— Я пролетал над одним из его конапт-центров. Его башен.

— Что же, — забренчал голос Броуза, — они сделали выбор и поднялись. Но у них нет возможности присоединиться к нам; и мы не можем их использовать, так что ничего не остается, кроме этих маленьких зданий ряд за рядом. Ну хотя бы им есть во что играть, у них есть эти китайские шашки. Да и компоненты гораздо проще выпускать, чем собирать из них целых лиди.

— Просто, — сказал Адамс, — между моими усадьбой и офисом три тысячи миль травы, и я летаю над ними каждый день. Дважды. И иногда я задумываюсь. И вспоминаю, как все выглядело раньше, до войны, до того, как их убедили спуститься вниз, в эти их убежища.

— Не спустись они туда, Адамс, и они были бы мертвы.

— О, — произнес медленно Адамс, — я знаю, что они были бы мертвы; они бы стали пеплом, и из этого пепла лиди делали бы строительный раствор. Просто иногда я думаю о Шоссе 66.

— Что это, Адамс?

— Шоссе. Которое соединяло города.

— Фривэй!

— Нет, сэр. Просто шоссе; но не стоит о нем. — И он почувствовал вдруг усталость настолько сильную, что на долю секунды и впрямь решил, что с ним случился инфаркт или какой-то другой тяжелый приступ; он очень аккуратно перестал курить свою сигару и уселся в гостевом кресле у стола, заморгал, задышал, задумался о том, что произошло.

— Окей, — продолжил Адамс. — Я знаю Рансибла, он загорает в Кейптауне и старается — реально старается, я точно знаю, — обеспечить танкеров, что выходят на поверхность; они получают встроенные электроплиты, свибблы, ковры из вубфура от стены до стены, трехмерные телевизоры, на группу в десять квартир выделяется один лиди для работ типа уборки… что не так, мистер Броуз? — Он ждал, тяжело дыша от страха.

Броуз сказал:

— Недавно остыло одно из горячих пятен в южной Юте, близ Сент-Джорджа, того места, где он был… он все еще есть на картах. У границы с Аризоной. Там еще эти Красные утесы рядом. Счетчики Рансибла засекли спад радиации раньше всех, и он получил это место, оформил свою заявку, ну и все остальное. — Броуз махнул рукой пренебрежительно, но и признавая поражение. — Через несколько дней он собирается отправлять туда свои автоматические бульдозеры и начинать разравнивать местность под очередную застройку, под новый комплекс конаптов… ну вы знаете, он по всему миру таскает эту свою огромную примитивную строительную технику.

— Без нее не обойтись, — сказал Адамс, — если строишь такие здания, как строит он. Эти конапты возводятся быстро.

— Короче, — сказал Броуз, — нам нужен этот участок.

Ты врешь, подумал Адамс. Он встал, повернулся к Броузу спиной и сказал вслух:

— Ты врешь!

— Я не слышу.

Обернувшись, Адамс сказал:

— Но ведь там просто скалы. Кто захочет построить там усадьбу? Боже мой, у некоторых из нас поместья по полтора миллиона акров!

Он сердито уставился на Броуза. Это не может быть правдой, сказал он себе. Рансибл успел туда первым просто потому, что всем было наплевать на этот район, никто не отслеживал там уровень радиации; никто не заплатил Уэбстеру Футу за то, чтоб его оперативники и техники вели там мониторинг, и Рансибл получил территорию без конкуренции. Так что не пытайся врать мне, сказал он мысленно и почувствовал ненависть к Броузу; сейчас, когда тошнота уже прошла, на ее месте стали возникать настоящие эмоции.

Очевидно, тот заметил что-то по лицу Адамса.

— Я полагаю, там в целом бросовая земля, — признал Броуз. — И до войны была такой.

— Если вы хотите, чтобы я вел аудиочасть этого проекта, — сказал Адамс — и едва не сошел с ума, услышав, как он говорит это Броузу прямо в лицо, — вам лучше бы сказать мне правду. Потому что я чувствую себя нехорошо. Я не спал всю ночь и писал эту речь — от руки. И меня раздражает туман. Туман достает меня; мне не стоило устраивать свое поместье на побережье к югу от Сан-Франциско. Надо было попробовать

район Сан-Диего.

— Я расскажу вам, — сказал Броуз. — Вы правы; нам плевать — любому Янси-мэну, у которого все дома, было бы наплевать — на эту скалистую пустыню у старой границы Юты и Аризоны. Посмотрите вот на это. — Он замахал своими ластами-псевдоподиями и ухитрился ухватить некий пакет, что принес с собой; документ развернулся, словно рулон с образцами обоев у коммивояжера.

Вглядевшись, Адамс увидел рисунки — аккуратные и очень милые. Он словно просматривал рулон восточной шелкографии… из будущего? Изображенные на них предметы, заметил он, были несуществующими, нереальными. Какое-то фантастическое оружие с выдуманными наплывами и переключателями. Какое-то электронное оборудование — интуиция, основанная на опыте, подсказывала, что фиктивное, неработоспособное.

— Я не понимаю, — сказал он.

— Это артефакты, — сказал Броуз, — которые смастерит мистер Линдблом; он прекрасный ремесленник, и это не составит ему труда.

— Но для чего? — И тут Адамс понял. Это было поддельное оружие пришельцев. И не только

оружие; по мере того как свиток развертывался в руках Броуза, он увидел и другие артефакты.

Черепа.

Некоторые из них принадлежали людям.

Некоторые — нет.

— Все это, — продолжал Броуз, — смастерит Линдблом. Но для начала необходимо проконсультироваться с вами. Потому что прежде, чем их найдут…

— Найдут?!

— Когда Линдблом завершит создание этих предметов, используя московские студии Айзенбладта, они будут подложены на ту территорию, которую Рансибл собирается разровнять под свои новые конапты. Притом необходимо заранее установить, что с археологической точки зрения эти предметы бесценны. Серия статей в довоенном научном журнале «Natural World», который, как вы знаете, ранее был доступен каждому образованному человеку в мире, должна будет проанализировать их…

Открылась дверь офиса. С настороженным видом вошел Верн Линдблом.

— Мне велели зайти сюда, — сказал он Броузу; затем коротко взглянул на Адамса. Но не сказал ничего больше. Они оба понимали и так: упоми-

нать об их видеоразговоре, что состоялся полчаса назад, не следовало.

— Это, — обратился Броуз к Линдблому, — чертежи тех артефактов, что вы изготовите, чтобы разместить их в южной части штата Юта. В соответствующем геологическом слое. — Он развернул свиток, чтобы Линдблом увидел; Верн быстро и профессионально осмотрел представленное. — У нас есть ограничения по времени, но я уверен, что вы успеете сделать их к нужному моменту. Нам не требуется, чтобы их выкопал первый же бульдозер. Достаточно, чтобы они нашлись до конца подготовительных работ и начала строительства.

Линдблом спросил:

— У вас найдется человек среди строителей Рансибла, который заметит их, если понадобится? Чтобы они наверняка не остались незамеченными?

Адамсу показалось, что Верн в целом понимает, что происходит; кто-то уведомил его заранее. В отличие от него самого; он-то был шокирован. И все же Адамс продолжал игру; продолжал изучать кропотливо и профессионально выполненные чертежи.

— Конечно, — сказал Броуз. — Инженер по

имени Роберт… — Он попытался вспомнить, восьмидесятидвухлетний мозг устало напрягся. — Хиг, — сказал он, наконец. — Боб Хиг. Он заметит их, если остальные проглядят, так что не могли бы вы уже начинать, Линдблом? Айзенбладт поставлен в известность о том, что вам открыт доступ ко всему, что понадобится, будь то инструменты, реквизит или другие потребности. Но он не знает для чего, и весь проект должен вовлекать в себя как можно меньше людей.

— Хиг находит их, — сказал Линдблом, — и уведомляет Рансибла. Тем временем… — Он взглянул на Адамса. — У тебя уже готова будет эта твоя серия статей в довоенном *Natural World*, от имени какого-нибудь всемирно известного археолога, относительно подобного рода артефактов.

— Да, понимаю, — сказал Адамс, и он действительно уже все понимал теперь. Статьи, которые он напишет, будут задним числом опубликованы в журнале, выпуски искусственно состарят, чтобы они выглядели аутентично предвоенными; и на основании этих статей, как повсеместно признанного и действительного научного мнения, *правительство Эстес-парка признает артефакты бесценными находками.* Затем они отправятся в Дисциплинарный совет в Мехико, высший суд

в мире, что стоит и над ЗапДемом, и над НарБлоком, и над любым Янси-мэном в любом уголке мира — и над богатым и влиятельным строителем Луисом Рансиблом. И на основании этих поддельных, написанных задним числом статей суд признает, что правительство Эстес-парка в своем законном праве — ибо артефакты такой ценности автоматически делают землю правительственной собственностью.

Но ведь Броузу не нужна земля. Значит, что-то снова было не так.

— Вы не понимаете, — сказал Броуз, прочитав выражение его лица. — Расскажите ему, Линдблом.

— Расклад такой, — сказал Верн Линдблом, — Хиг или кто-то еще из рабочей команды Рансибла, что присматривает за лиди и большими автоматическими устройствами, находит артефакты и сообщает Рансиблу. И вне зависимости от их стоимости, вопреки законам США…

«О мой бог, — дошло, наконец, до Адамса. — Рансибл поймет, что артефакты будут стоить ему этой земли, если о них узнает правительство Эстес-парка».

— Он скроет находку, — сказал Адамс.

— Само собой, — с наслаждением кивнул Бро-

уз. — Мы попросили миссис Морген из Института прикладной психиатрии в Берлине независимо проанализировать его полностью подтвержденный документально психопрофиль; и она согласна с нашими собственными психиатрами. Черт возьми, он же бизнесмен — а значит, важней всего для него деньги и власть. Что для него значат бесценные артефакты, оставленные внеземной группой налетчиков, что высадилась в южной Юте шестьсот лет назад? Черепа — те, что не принадлежат человеку? В ваших статьях будет приведено фото этих чертежей. Вы выдвинете предположение о высадке инопланетян. По нескольким найденным костям и артефактам выдвинете предположение о том, как они выглядели. О том, что они вступили в стычку с группой воинов-индейцев, и проиграли, и не смогли колонизировать Землю. И все это будут лишь предположения, поскольку на момент написания ваших статей, тридцать лет назад, доказательств не хватало. Но вы выразите надежду на новые находки. И вот они-то как раз и состоятся.

— Итак, сейчас, — сказал Адамс, — в наших руках как нельзя более представительные образцы оружия и костей. Наконец-то. Предположения тридцатилетней давности полностью оправ-

дались, и мы на пороге гигантского научного открытия. — Он подошел к окну и сделал вид, что смотрит в него. Строитель жилых домов, конаптов, Луис Рансибл, будучи уведомлен о находках, сделает неправильный вывод — он предположит, что их подбросили для того, чтобы он лишился этой земли; и, исходя из этого неверного вывода, он скроет находки и продолжит свои подготовительные, а затем и строительные работы.

А тем временем…

Мотивированный своей преданностью науке, а не «нанимателю» и жадности этого промышленного магната, Роберт Хиг «неохотно» даст знать о находке артефактов правительству Эстес-парка.

И это сделает Рансибла преступником. Потому что существовал специальный закон, применявшийся снова и снова, ибо в каждом поместье каждого Янси-мэна его личные лиди копали и копали в поисках довоенных предметов художественной или технологической ценности. И что бы ни было найдено владельцем поместья — точнее, его лиди, — принадлежало ему. За единственным исключением. Если найденная вещь имела чрезвычайную археологическую ценность.

А инопланетная раса, что высадилась на Зем-

ле шестьсот лет назад, вступила в яростную схватку с местными индейцами, а затем вновь отступила, — Рансибл будет просто вынужден согласиться с иском в Дисциплинарном совете, подать *nolo contendere*; даже с лучшими на Земле адвокатами у него не будет ни малейшего шанса.

Но Рансибл не просто потеряет свою землю.

Его ждет тюремное заключение на срок от сорока до пятидесяти лет, смотря сколько смогут выторговать у Дисциплинарного совета адвокаты правительства Эстес-парка. Причем «Положение о бесценных находках», как назывался этот закон, уже не раз вступало в силу в отношении разных людей; находки столь серьезного значения, которые сознательно скрывались, но затем оказались открыты — о, совет применит к Рансиблу всю силу закона, и он исчезнет с лица земли; вся экономическая империя, которую он построил, его конапты по всему миру — все перейдет в общественную собственность: именно такой была прописана в этом законе мера наказания, и именно она, конфискация, обеспечивала закону столь жестокие, раздирающие клыки. Лицо, осужденное по этому положению, не просто отправлялось в тюрьму — но и полностью теряло

свою собственность, *in toto*.

Вот теперь для Адамса все встало на свои места; теперь он уже отчетливо понимал, что должно было появиться в его статьях для *Natural World* тридцатилетней давности.

Но оставался один-единственный вопрос, что буквально вогнал его в ступор, отключил все его хитроумие и оставил болванчиком в беседе Броуза и Линдблома, которые явно понимали цель всего этого, а он нет.

Почему правительство Эстес-парка решило уничтожить Рансибла? В чем он провинился — или хотя бы какую опасность он мог представлять?

Луис Рансибл, строящий жилье для танкеров, которые вышли на поверхность, ожидая застать идущую войну, а вместо этого обнаружили, что война давно закончена и поверхность мира сейчас — один гигантский парк с виллами и поместьями немногочисленной элиты… за что, спросил себя Адамс, казнить этого человека, коль скоро он так явно исполняет жизненно важную задачу? Важную не только для танкеров, что выходят наверх и должны где-то жить, но и для нас, людей Янси. Потому что — и все мы знаем это; отчетливо осознаем — танкеры, живущие

в конаптах Рансибла, все равно заключенные, а сами конапты представляют собой резервации — или, в более современном варианте, концентрационные лагеря. Лучше, чем их подземные убежища, но все равно лагеря, которых они не могут покинуть даже на краткое время — законно покинуть. А когда пара или группа из них все же ухитряется сбежать оттуда незаконно, то в дело вступает армия генерала Хольта здесь, в ЗапДеме, или армия маршала Харензани в НарБлоке; и тут и там это армия из очень опытных и закаленных лиди, что выслеживает беглецов и возвращает обратно к их плавательным бассейнам, трехмерным телевизорам и коврам из вубфура от стены до стены — в конапты.

Вслух он сказал:

— Линдблом, я стою спиной к Броузу. Следовательно, он не может меня слышать. А ты можешь. Я прошу тебя незаметно отвернуться от него; не надо приближаться ко мне — просто повернись так, чтобы он не видел твоего лица. И после этого, ради всего святого, скажи мне — зачем?

Через некоторое время он услышал, как Линдблом поворачивается. И говорит:

— Что зачем, Джо?

— Зачем они охотятся на Рансибла?

— Как, разве ты не знаешь? — спросил Линдблом.

Броуз из-за стола сказал:

— Никто из вас не смотрит на меня; я прошу повернуться обратно, чтобы мы могли продолжить планирование проекта.

— Говори, — проскрежетал Адамс, глядя из окна офиса на другие здания Агентства.

— Они считают, что Рансибл систематически оповещает их — одно убежище за другим, — сказал Линдблом. — О том, что война закончена. *Кто-то* делает это точно. Уэбстер Фут и его оперативники на земле выяснили это во время рутинных интервью с группой танкеров, что поднялись около месяца назад.

Броуз сварливо пожаловался с растущим подозрением:

— Что происходит? Вы двое разговариваете между собой.

При этих словах Адамс развернулся от окна лицом к Броузу; Линдблом тоже обернулся к чудовищному вареву, кое-как залитому в кресло за столом.

— Не разговариваем, — сказал Броузу Адамс. — Просто медитация.

На лице Линдблома не было никакого выраже-

ния. Лишь каменная, нейтральная отрешенность. Ему дали задачу; он намеревался выполнить ее. И своим поведением он рекомендовал Адамсу поступать так же.

Но что, если это был не Рансибл? Что, если это был кто-то другой?

Тогда весь этот проект, поддельные артефакты, статьи в *Natural World*, «утечка» информации о находке, судебный процесс перед Дисциплинарным советом, разрушение экономической империи Рансибла и его тюремное заключение…

Все это будет впустую.

Джозеф Адамс задрожал. Потому что в отличие от Броуза, в отличие от Верна Линдблома, а также, вероятно, Роберта Хига и любого и каждого, связанного с этим проектом, — лично он с ужасом чувствовал интуитивно, что все это ошибка.

И его интуиция не могла остановить задуманного.

Ни на шаг.

Снова отвернувшись от Броуза, Адамс сказал:

— Линдблом, они могут ошибаться. Это может быть не Рансибл.

Ответа не было. Линдблом не мог ответить, поскольку как раз находился к Броузу лицом, а тот, поднявшийся сейчас на ноги, тяжело пере-

валивался в сторону двери офиса, опираясь на магниевый костыль и что-то бормоча при этом.

— Господом богом клянусь, — сказал Адамс, упорно вглядываясь в окно. — Я напишу эти статьи, но если это не он, то я собираюсь его предупредить. — И он повернулся к Линдблому, попытался прочесть его реакцию по выражению лица.

А ее на лице не было; прочесть оказалось нечего. Но Линдблом услышал.

И он отреагирует, раньше или позже; Джозеф Адамс знал этого человека, своего близкого друга, он работал с ним достаточно, чтобы быть в этом уверенным.

И отреагирует серьезно. После длительного самокопания Верн Линдблом, возможно, согласится с ним; возможно, поможет найти способ проинформировать Рансибла так, чтобы не засветить источник, не дать его отследить агентам Броуза; агентам Броуза и гениальным частным сыщикам Фута, работающим совместно. Но с другой стороны…

Ему приходилось это учитывать; и он *учитывал* это.

В первую очередь Верн Линдблом был Янсимэном. И это было важнее и значительнее любых

других обязательств и лояльностей.

И он мог отреагировать на заявление Адамса, просто сообщив о нем Броузу.

И тогда в считаные минуты в поместье Адамса явятся агенты Броуза и убьют его.

Очень просто.

И сию секунду он не мог предугадать, какой выбор сделает его старый друг Линдблом; у Адамса не было под рукой специалистов мирового уровня по анализу психопрофиля, как у Броуза.

Он мог только ждать. И молиться.

А молитва, подумал он язвительно, вышла из моды еще до войны.

Техник частной детективной корпорации «Уэбстер Фут, Лимитед» присел в своем тесном бункере и сказал в микрофон прямой связи с Лондоном:

— Сэр, у меня записан на пленку разговор двух человек.

— По тому самому вопросу, что мы обсуждали? — донесся издалека голос Уэбстера Фута.

— Судя по всему, да.

— Прекрасно. Вы знаете, кто сейчас на связи с Луисом Рансиблом; проследите за тем, чтобы он получил эти данные.

— Я прошу прощения, но это…

— Все равно передайте. Мы делаем то, что в наших силах, при помощи того, что имеем. — Далекий голос Уэбстера Фута был властным; и сказанное им было как приказом, так и приговором.

— Да, мистер Фут. Максимально быстро.

— Именно так, — согласился Уэбстер Фут. — Максимально быстро. — И на своем конце, в Лондоне, он прервал связь.

Его техник сразу обернулся к рядам записывающих и подслушивающих аппаратов, что экономно работали на невысоком по мощности, но приемлемом по качеству уровне; он визуально проверил неустанно ползущие графические ленты, чтобы убедиться — за время аудиосвязи с шефом он не пропустил ничего. *Сейчас* ничего нельзя было пропускать.

И он ничего не пропустил.

7

А тем временем великолепная, от руки написанная речь так и лежала без движения в портфеле Адамса.

Линдблом задержался в офисе, дрожащими руками прикуривая и пытаясь — хотя бы временно — отстраниться от дальнейшей беседы. Ему более чем хватило произошедшего; он и остался-то лишь потому, что уйти не было сил.

— Все в твоих руках, — сказал Адамс, усаживаясь за свой стол. Он открыл портфель и достал текст. — Ты можешь сдать меня прямо сейчас.

— Я знаю, — пробормотал Линдблом.

Адамс двинулся к двери.

— Я сейчас внесу это в компьютер. Отправлю в симулякр и на запись, и черт бы с ним. А потом — как мы назовем этот новый проект, эту подделку инопланетных артефактов с целью засадить в тюрьму человека, вся жизнь которого посвящена строительству приличного жилья для…

— У нацистов, — прервал его Линдблом, — не было письменных приказов относительно «окончательного решения еврейского вопроса»,

относительно геноцида евреев. Все приказы отдавались устно. От начальника к подчиненному лично, передавались вручную из уст в уста, если ты простишь мне эту абсурдную смешанную метафору. А ты, наверное, не простишь.

— Пойдем выпьем по чашке кофе, — предложил Адамс.

Линдблом беспомощно пожал плечами.

— Какого черта? *Они* решили, что это Рансибл; кто мы такие, чтобы сказать «нет, это не он»? Покажи мне — придумай — кого-то другого, кому было бы выгодно оповещать убежища.

— Да я с удовольствием, — сказал Адамс и заметил растерянность на лице Линдблома. — Любой из тысяч танкеров, что живут в конаптах Рансибла. Всего-то нужен один человек, который избежит поимки агентами Броуза или Фута и доберется до своего убежища. Оттуда свяжется с соседним, потом оттуда…

— Ну да, — сказал Линдблом флегматично. — А как же! Отчего бы и нет? Вот только пустят ли его обратно в свой танк? Его собратья будут уверены в том, что он радиоактивен или разносит — какое бишь мы название для этого придумали? — Пакетную чуму. И грохнут его на месте. Потому что они верят тем текстовкам, что мы даем им по

телевидению каждый чертов день недели — а по субботам, на всякий случай, дважды, — и они сочтут его живой угрозой. Плюс есть еще кое-что, чего ты не знаешь. Тебе стоило бы переводить Футу немного денег время от времени; они взамен снабжают интересными внутренними новостями. Так вот, те танкеры, которым сообщили об условиях тут, наверху, — они узнали это не от кого-то знакомого; их точно не оповестил один из них, что вернулся с поверхности.

— Окей, пусть этот танкер не может вернуться в свой собственный танк, тогда взамен…

— Они получили эти данные, — сказал Линдблом, — по кабельному телевидению.

В первое мгновение до Адамса не дошло; он озадаченно уставился на Линдблома.

— Именно так, — кивнул Линдблом. — На свой телеэкран. Примерно минуту, и сигнал был очень слабым. Но этого хватило.

— Господь милосердный, — ахнул Адамс. Ведь их там, под землей, миллионы. Что произойдет, если кто-то подключится к *основному* кабелю, главному, единственному и центральному узлу связи Эстес-парка, что ведет ко *всем* танкам? Каково оно будет, когда разверзнется земля и выйдут миллионы людей, заключенные под землей

пятнадцать лет, свято верящие в радиоактивное заражение наверху, в ракеты и бактерии, в руины и сражающиеся армии… система поместий получит смертельный удар, а огромный парк, над которым он летал дважды в день, снова станет густонаселенной страной, не совсем такой, как до войны, но достаточно похожей. Вновь появятся дороги. Города.

И в конечном счете случится следующая война.

Да, такой была подоплека. Именно массы подтолкнули своих лидеров к войне как в ЗапДеме, так и в НарБлоке. Но лишь только массы были убраны с пути, загнаны в антисептические танки глубоко под землей, как правящие элиты Востока и Запада без помех смогли заключить сделку… хотя удивительно, но в некотором смысле это были вовсе не они, не Броуз, не генерал Хольт, главнокомандующий войсками ЗапДема, не даже маршал Харензани, высший офицер в иерархии советской номенклатуры. Но тот факт, что и Хольт, и Харензани точно знали, когда пора запускать ракеты (и сделали это), а когда настала пора заканчивать, — факт этот был истиной, и без него, без их совместной логичной рассудительности, мира достичь было бы невозможно;

но под этим сотрудничеством двух главных военачальников лежало нечто еще, нечто такое, что для Адамса было реальным, и странным, и в каком-то смысле глубоко трогающим.

Дисциплинарный совет по реконструкции, состоящий из лиди; Мехико-Сити/Амекамека. Это он помог установить мир на планете. И, как управляющий орган, как верховный арбитр, он никуда не делся. Человек построил оружие, которое может думать, и когда оно немного подумало — а конкретно два года, за которые и совершился чудовищный разгром, когда лиди чуть ли не врукопашную сражались друг с другом, две гигантские искусственные армии с двух континентов… так вот, тогда самые продвинутые варианты лиди, которых и строили с расчетом на то, чтобы их аналитические мозги планировали тактику, а затем и общую стратегию, — типы десять, одиннадцать и двенадцать — догадались наконец, вычислили, что лучшей стратегией будет то, до чего финикийцы додумались пять тысячелетий назад. И все это, вспомнил Адамс, было подытожено в опере «Микадо». Если просто *сказать* о том, что человек казнен, оказалось достаточно для всех, то отчего бы так и не сказать, вместо того чтобы реально делать это?

Решение проблемы — найденное продвинутыми лиди — было именно таким простым. Они не были фанатами авторов «Микадо», Гилберта и Салливана, и слова Гилберта не содержались в их электронных мозгах, ибо текст оперы не был введен в них как предустановленные данные. Но они пришли к тому же самому выводу — и вдобавок начали действовать в соответствии с ним, сообща с маршалом Харензани и Главнокомандующим генералом Хольтом.

— Но они не заметили главного преимущества, — вырвалось у Адамса.

— Что? — переспросил Линдблом, все еще трясущийся, все еще не желающий больше никаких разговоров; он выглядел очень усталым.

— Чего не видел Дисциплинарный совет, — сказал Адамс, — и не видит сейчас, поскольку в их искусственных интеллектах нет компонента либидо, так это правила «Зачем казнить кого-то…».

— О черт, заткнись, — сказал Линдблом и, пошатываясь, вышел из офиса Джозефа Адамса. И оставил его стоять там одного, с речью в руках и идеей в голове; двойной облом.

Но ему трудно было обвинять Линдблома в том, что тот его расстроил. Потому что эта черта была в любом Янси-мэне. Они были эгоиста-

ми; они превратили весь мир в свой личный парк с оленями за счет миллионов танкеров под землей; это было дурно, и они знали об этом и испытывали вину — не до такой степени, чтобы свергнуть Броуза и выпустить танкеров, но вполне достаточно для того, чтобы сделать их вечера безжалостной агонией пустоты и одиночества, а ночи и вовсе невозможными. И они знали, что если кто и искупает, смягчает вину за творимое преступление, кражу целой планеты у ее законных хозяев, то это именно Луис Рансибл. Они наживались на том, что держали танкеров внизу, а он — на том, что выманивал их наверх; элита Янси-мэнов, безусловно, считала Рансибла своим антагонистом, противником, но глубоко в душе признавала его моральную правоту. И это было очень неприятное чувство, и уж точно оно не радовало Джозефа Адамса в тот момент, когда он стоял один посреди своего офиса, сжимая свою лучшую речь, которую еще предстояло прогнать через компьютер, затем через симулякр, записать на пленку, а потом отдать на кастрирующую редактуру в офис Броуза. Эта речь… она не говорила правды, но хотя бы не была склейкой клише, лжи, банальностей и эвфемизмов…

А равно и других, более вредных, зловещих

ингредиентов, которые Адамс замечал в речах авторства коллег; в конце концов, он был всего лишь одним спичрайтером из целой группы.

Бережно неся драгоценную новую речь, которую он считал таковой, разумеется, лишь в отсутствие противоположного оценочного мнения, он покинул свой офис и на скоростном лифте спустился на тот этаж, где пыхтел и трудился Мегавак 6-V; точней было бы сказать «этажи», поскольку длительная работа этого организма за годы создала своего рода слой осадочных пород — улучшений и дополнений к нему, новых частей, занимающих все новые этажи. Компьютер стал гигантским, но, в отличие от него, сам симулякр оставался точно таким же, как и всегда.

Два здоровяка в униформе, лично отобранные Броузом, но со странно утонченными и изящными для охранников чертами лица, впились в него взглядом, едва он вышел из лифта. Они знали Адамса; знали, что присутствие на этаже, где программировался Мегавак 6-V, было необходимым элементом его работы.

Он приблизился к клавиатуре Мегавака 6-V и увидел, что она занята; незнакомый ему Янси-мэн лупил по клавишам, словно пианист-виртуоз в финале какого-то произведения Ференца Листа

— двойные октавы и все такое, разве что кулаком не бил.

Он печатал с подвешенной над клавиатурой письменной копии, и Адамс поддался соблазну; он подошел ближе, чтобы заглянуть в нее.

Янси-мэн мгновенно прекратил печатать.

— Прошу прощения, — сказал Адамс.

— Покажите ваш допуск. — Молодой чернявый и невысокий парень с прической в мексиканском стиле безапелляционно протянул руку.

Адамс со вздохом достал из портфеля служебную записку из Женевы, из бюро Броуза, разрешающую ему ввести в компьютер эту конкретную речь; документ имел проштампованный кодовый номер, указанный также и в записке — чернявый сравнил документ с запиской, кивнул и вернул их Адамсу.

— Я закончу через сорок минут. — Юноша вернулся к клавиатуре. — Отвали в сторонку пока и дай поработать. — Тон его был нейтральным, но холодным.

Адамс сказал:

— Мне понравился твой стиль. — Он успел быстро, вскользь, просмотреть страницу вводимого текста. Написано было хорошо, просто неожиданно хорошо.

Чернявый снова прекратил печатать.

— Ты Адамс. — Он еще раз протянул руку, но на этот раз чтобы поздороваться; они обменялись рукопожатиями, и атмосфера из напряженной сразу стала вполне терпимой. Но между любыми двумя Янси-мэнами в воздухе все равно висела аура состязательности, «я-круче-тебя» — всегда и везде, где бы они ни встречались, в своих ли поместьях вдали от Агентства или прямо тут, на работе. Это всегда делало день чуточку тяжелее, но Адамсу даже нравилось — он вдруг понял, что давно бы ушел в депрессию, если бы не эта состязательность. — У тебя есть реально хорошие работы; я смотрел последние ленты. — Изучая его своими резкими и быстрыми, черными, мексиканского же типа глазами, молодой Янси-мэн сказал: — Но я слыхал, многие из твоих работ зарубили в Женеве.

— Ну что ж, — стоически произнес Адамс, — такая работа. Или рубит цензура, или врубают в эфир; середины, полупередач тут не бывает.

— Ты готов поспорить? — Голос юноши был ломким, пронзительным; Адамс смутился.

Очень осторожно и осмотрительно, поскольку в сущности оба они соревновались за один и тот же приз, Адамс сказал:

— Ну, я предполагаю, что банальную, разбавленную водой речь можно рассматривать как…

— Я тебе кое-что покажу. — Молодой чернявый Янси-мэн встал и дернул главный рычаг; компьютер послушно начал переваривать то, что юноша успел ему скормить на этот момент.

Вместе они вышли, чтобы посмотреть на симулякр.

Симулякр сидел на своем месте. В одиночестве, за своим огромным дубовым столом, с американским флагом позади него. В Москве сидел аналогичный и идентичный, управляемый дубликатом Мегавака 6-V, только за спиной у него был флаг СССР; во всем же остальном — одежда, седые волосы, уверенные, отеческие, зрелые, но солдатские черты лица, волевой подбородок — это был один и тот же симулякр, ибо оба были одновременно собраны в Германии лучшими из живущих Янси-конструкторов. И теперь уже техники по эксплуатации постоянно выискивали опытным взглядом малейшие признаки поломки, пусть даже полусекундные заминки. Все, что могло как-то ухудшить требуемое качество свободной и непринужденной достоверности; ибо именно этот симулякр из всех, находящихся в их ведении, требовал величайшего сходства с

реальностью, которую изображал.

Поломка здесь, осознал Адамс, сколь угодно малая, стала бы катастрофой. Как в тот раз, когда его протянувшаяся левая рука…

На стене тогда вспыхнул огромный красный сигнал тревоги, зазвучали зуммеры; из ниоткуда возник сразу десяток дежурных техников, тут же начался подробный осмотр.

Катастрофой — как в тот раз, когда левая рука задрожала в спазме, напоминающем болезнь Паркинсона, в нейромоторном треморе… который, будь запись пущена по кабелю, указал бы на коварно подступившую старость; да, так бы это и восприняли танкеры, вероятнее всего. Он стареет, шептали бы они друг другу в своих залах собраний под присмотром политкомиссаров. Смотри; это старческая дрожь. Вспомни Рузвельта; напряжение войны доконало его в конце концов; оно же дотянется и до Протектора, и что нам тогда делать?

Но, конечно, эта запись так и не попала в трансляцию; танкеры так и не увидели этого отрывка. Симулякр вскрыли, тщательно прочесали, проверили, прозвонили и удостоверились; найдена была миниатюрная деталь, которая и была объявлена главным злодеем, — а в одной из мастерских

в конаптах Рансибла какой-то рабочий лишился своей работы, а может быть, и жизни… даже не зная, почему и за что, ибо он даже не догадывался, для чего был использован этот диод, или крохотная выходная катушка, или просто *штуковина*.

Симулякр пошевелился. И Джозеф Адамс закрыл глаза, стоя там, где был, вне досягаемости камер, скрытый рядом с этим невысоким, темноволосым, очень юным, но компетентным Янси-мэном, автором слов, которые вот-вот должны были прозвучать. Может быть, он сойдет с ума, вдруг ни с того ни с сего подумалось Адамсу, может быть, он начнет читать порнографические баллады. Или, как одну из древних пластинок прошлого века, его заест на каком-то слове… на каком-то слове… на каком-то слове…

— Друзья мои, американцы, — начал симулякр своим знакомым, твердым, чуть хрипловатым, но сдержанным голосом.

И Джозеф Адамс ответил про себя: «*Да, мистер Янси. Да, сэр*».

8

Джозеф Адамс дослушал незаконченный текст речи — до того момента, на котором его молодой смуглый коллега остановил ввод текста в компьютер, — а затем, когда симулякр застыл и камеры в ту же самую секунду отключились, повернулся к стоящему рядом автору и сказал:

— Снимаю перед тобой шляпу. Ты хорош. — Он сам практически поверил, пока стоял здесь и наблюдал, как симулякр Протектора Тэлбота Янси произносит с абсолютно точной интонацией, в идеально точном стиле тот текст, что передал ему, улучшив и дополнив — совершенно напрасно! — Мегавак 6-V, — и это притом, что все это время видел компьютер своими глазами и ощущал, хотя и не мог видеть, конечно, ту эманацию текста, что компьютер направлял симулякру. Фактически видел истинный источник, оживляющий абсолютно неодушевленную конструкцию, что сидела за дубовым столом с флагом США позади нее. Жутко, подумал он.

Но хорошая речь есть хорошая речь. Кто бы ее ни произносил. Даже ученик колледжа, читаю-

щий Томаса Пейна… текст все равно велик сам по себе, а тот, кто читает его здесь, не запинается, не заикается, не путает слова. За это отвечают компьютер и вся ремонтная бригада, стоящая наготове. И, подумал он, мы тоже. Мы ведаем, что творим.

— Как тебя зовут? — спросил он у этого удивительно одаренного юноши.

— Дэйв Как-то-там. Я забыл, — ответил тот, находящийся почти в зачарованной прострации, несмотря на то что симулякр вновь замер.

— Ты не помнишь своей фамилии? — Какое-то время он ждал, озадаченный, а потом сообразил, что таким косвенным способом этот смуглый парень пытается донести до него кое-что: что он относительно молодой Янси-мэн и пока не занял прочного положения в иерархии.

— Лантано, — сказал Адамс. — Ты Дэвид Лантано и живешь в горячем пятне под Шайенном.

— Точно.

— Понятно, отчего ты такой смуглый. — Лучевой загар, сообразил Адамс. Юноша, с нетерпением ожидавший выделения земли под усадьбу, заселился слишком рано; и все сплетни, что кружили ленивыми вечерами внутри мировой элиты, оказались правдой: слишком, слишком

рано, и теперь молодой Дэвид Лантано тяжело страдал.

— Я живой, — философски отозвался Лантано.

— Да ты глянь на себя. А что с твоим костным мозгом?

— Анализы показывают, что гемопоэз не слишком пострадал. Думаю, я восстановлюсь полностью. И оно с каждым днем охлаждается. Самое тяжелое уже позади. — Лантано добавил с насмешкой: — Как-нибудь заглядывай в гости, Адамс. Мои лиди работают день и ночь; вилла почти готова.

Адамс отреагировал мгновенно:

— Я не войду в горячую зону Шайенна за гору посткредитов в десять миль высотой. Эта твоя речь доказывает, насколько ты ценный сотрудник; зачем же ты рискуешь своим здоровьем, *жизнью?* Ты мог бы остаться в Нью-Йорке, жить в конапте Агентства до тех пор, пока…

— Пока, — сказал Лантано, — горячая зона Шайенна не остыла бы как следует… лет десять-пятнадцать… а потом кто-то увел бы ее у меня из-под носа. — Моим единственным шансом — хотел он сказать — было сознательно заселиться туда досрочно. Как и до меня, в прошлом, пытались поступить такие же, как я, в тех же самых

условиях.

Но слишком часто эти преждевременные вложения, эти торопливые и нетерпеливые заселения все еще горячих районов означали смерть. И даже не милосердно быструю смерть, а жестокое и медленное угасание, растянутое на целые годы.

Глядя на смуглого — а на деле сильно обожженного — юношу, Адамс осознал, насколько же ему самому повезло. Он был в полном порядке; его вилла была построена уже давно, его территории полностью покрыты зеленью. И он прибыл в горячее пятно на Западном побережье, к югу от Сан-Франциско, в безопасное время, положившись на очень дорогостоящие, но полностью оправдавшиеся сводки агентства Фута. Все было прекрасно. Совсем не так, как у юноши.

У Лантано будет своя прекрасная вилла, огромный каменный дом, построенный из развалин, из того бетона, что был городом Шайенн. Но Лантано будет мертв.

А это, согласно постановлению Дисциплинарного совета, сделает территорию вновь свободной для захвата; среди Янси-мэнов начнется гонка за то, кто первым прибудет и присвоит себе то, что Лантано оставит после смерти. И таким будет

конец этой истории: по жалкой иронии, вилла юноши, построенная такой ценой — ценою жизни! — достанется кому-то другому, кому не придется строить и руководить командой лиди день ото дня…

— Я полагаю, — сказал Адамс, — что ты сваливаешь из Шайенна к чертовой матери так часто, как позволяет закон. — Согласно закону Дисциплинарного совета, двенадцать часов из каждых двадцати четырех новый хозяин должен был проводить в своем поместье.

— Я приезжаю сюда. Я работаю. Вот как сейчас. — Лантано вернулся к клавиатуре Мегавака 6-V; Адамс последовал за ним. — Как ты и сказал, Адамс, у меня есть работа. Я надеюсь выжить и закончить ее. — Лантано вновь сел за клавиатуру и вчитался в копию своего текста.

— Что же, это хотя бы никак не повредило твой разум, — сказал Адамс.

Лантано улыбнулся.

— Спасибо.

Целый час Джозеф Адамс стоял рядом, наблюдая, как Лантано вводит свою речь в Мегавак 6-V. И когда он полностью прочитал ее — и потом, когда компьютер передал речь на симулякр, услышал ее реально прозвучавшей из уст ве-

личественной, седой, отеческой фигуры самого Тэлбота Янси, — то почувствовал просто подавляющую беспомощность своей собственной речи. Страшный, поразительный контраст.

То, что он сейчас доставал из своего портфеля, было в сравнении с этой речью просто лепетом новичка. Он почувствовал, как соскальзывает куда-то вниз. В беспамятство, в забытье.

Откуда этот обгоревший от радиации мальчишка, еще не получивший толком статуса Янси-мэна, берет такие идеи? — спросил себя Адамс. И еще эта способность их выражать. И плюс еще опыт, чтобы точно знать, как компьютерная обработка повлияет на итог… и как они в конце концов прозвучат из уст симулякра на камеру? Разве не годы нужны, чтобы научиться всему этому? Ему самому потребовались годы, чтобы достичь своего уровня, узнать все то, что он сейчас знал. Написать фразу — и, изучив ее, понимать примерно, то бишь с достаточной точностью, какой она станет на своей заключительной фазе, в звучании. Что, говоря другими словами, появится на телеэкранах у миллионов танкеров под землей, у тех, кто смотрел и верил, кто день изо дня слепо шел за *материалами для прочтения* — что за дурацкое название!

Нет, подумал Адамс, это вежливый термин для бессодержательного содержания. Но и это было не вполне так; взять хотя бы речь молодого Дэйва Лантано здесь и сейчас. Она сохраняла изначальную иллюзию — и даже, вынужден был неохотно признать Адамс, усиливала иллюзию реальности Янси, но впридачу…

— Твоя речь, — сказал он Лантано, — не просто умная. В ней есть настоящая мудрость. Как в одной из речей самого Цицерона. — Он с гордостью возводил обычно свои собственные речи к столь блестящим ораторам древности, как Цицерон и Сенека, к речам в исторических пьесах Шекспира, к Томасу Пейну.

Запихивая страницы своей речи обратно в портфель, Дэвид Лантано серьезно ответил:

— Спасибо за столь высокую оценку, Адамс; получить ее именно от тебя дорогого стоит.

— Почему именно от меня?

— Потому что, — задумчиво сказал Лантано, — я знаю, что, несмотря на твои скромные способности… — тут он бросил на Адамса быстрый и острый взгляд, — …ты на самом деле пытался. Думаю, ты понимаешь, что я имею в виду. Есть кое-что — слишком легкое и слишком дурное, — чего ты тщательно всегда избегал. Я несколько

лет наблюдал за твоей работой, и я вижу разницу между тобой и большинством остальных. И Броуз тоже видит эту разницу, и, несмотря на то что он больше твоих речей рубит, чем врубает, он уважает тебя. *Он вынужден.*

— Ну… — протянул Адамс.

— Тебя никогда не пугало, Адамс, видеть, как лучшие твои творения отклоняются в Женеве? На самом верху, пройдя уже все остальное? Тебя это просто раздражало или… — Дэвид Лантано внимательно всмотрелся в него. — Да, и это до сих пор тебя пугает.

После паузы Адамс признал:

— Да, я боюсь. Но только по ночам, когда я не здесь, в Агентстве, а наедине с моими лиди на своей вилле. Не тогда, когда я непосредственно пишу, или ввожу речь в компьютер, или отсматриваю сам симулякр… не тут, где… — Он махнул рукой. — Здесь я занят делом. Но всегда, когда я один. — Он смолк, поражаясь, как это он ухитрился выдать самые глубокие свои чувства этому молодому незнакомцу. Любой Янси-мэн неохотно и с опаской делился с коллегой чем-то личным, ибо любая личная информация могла быть использована против тебя в этой неустанной гонке за то, чтобы стать *единственным* спичрайтером

для Янси, а по факту *самим Янси*.

— Здесь, в Агентстве, — невесело сказал Дэйв Лантано, — в Нью-Йорке, мы можем состязаться друг с другом, но в глубине, в сущности, мы единая группа. Корпорация. То, что христиане называли конгрегацией, объединением… очень значимый, многозначный термин. Но в шесть вечера каждый из нас садится в свой флэппл и улетает. Пересекает опустевший континент и добирается до замка, населенного металлическими конструкциями, что двигаются и говорят, но они… — он махнул рукой, — холодные, Адамс; лиди — даже тех продвинутых типов, что возглавляют совет, — *они холодные.* Что остается? Захвати парочку из своей свиты плюс всех из прислуги, кого сможешь затолкать во флэппл, и лети в гости. Каждый вечер.

— Я знаю, что те из нас, кто поумнее, так и поступают, — сказал Адамс. — Их не застать дома. Я тоже пытался; прилетал в свое поместье, ужинал и сразу улетал снова. — Он подумал о Колин, а потом о своем соседе Лэйне, когда тот еще был жив. — У меня есть девушка, — сказал он негромко. — Она тоже из Агентства; мы встречаемся и разговариваем. Но это панорамное окно библиотеки в моей вилле…

— Не смотри на этот туман и скалистый берег, — сказал Дэвид Лантано. — Он тянется к югу от Сан-Франциско на сотню миль; одно из самых мрачных мест на Земле.

Адамс растерянно моргнул. Откуда Лантано мог настолько точно знать, что он имел в виду, угадать его боязнь тумана; выглядело так, словно юноша прочел его самые потаенные мысли.

— А сейчас я бы хотел взглянуть на твою речь, — сказал Лантано. — Раз уж ты изучил мою настолько подробно, насколько возможно, — а в твоем случае это означает весьма подробно. — Он глянул на портфель Адамса цепким взглядом.

— Нет, — сказал Адамс. Он просто не мог показать свою речь, уж точно не после такого сильного и свежего выступления, которое только что видел и слышал.

Материал для прочтения, составленный Дэвидом Лантано и столь эффектно зачитанный симулякром Янси, обсуждал трудности и лишения. Бил в самое сердце главной проблемы танкеров… по крайней мере, насколько он понимал ее по докладам политкомиссаров танков правительству Эстес-парка, которые тамошние чиновники получали и, в качестве обратной связи, распространяли среди всех сотрудников

Агентства — и особенно среди спичрайтеров. В качестве единственного для них источника знаний о том, насколько хорошо удается донести до аудитории их материалы.

Будет очень интересно изучить доклады политкомиссаров относительно этой речи Лантано, когда ее наконец пустят по кабелю. Это займет не меньше месяца, но Адамс сделал для себя пометку, записал официальный кодовый номер речи и пообещал себе внимательно отслеживать отклики обратной связи, когда они начнут поступать из убежищ по всему миру… как минимум по ЗапДему, но, возможно, если ответ будет достаточно хорошим, советские власти запросят точную копию катушки Мегавака 6-V с речью, скормят ее собственному компьютеру в Москве и запрограммируют свой симулякр… и вдобавок Броуз в Женеве, если захочет, изымет запись, оригинал ее, и объявит формально и официально основным источником, на котором все спичрайтеры Янси во всем мире будут обязаны в дальнейшем выстраивать свои материалы. Речь Лантано, если она действительно была так хороша, как показалось Адамсу, имела все шансы стать одним из редких краеугольных камней, «вечных» деклараций, встроенных в саму стратегию организации.

Какая честь! И парень был так чертовски молод.

— Скажи, как тебе удалось столь прямо взглянуть на вещи? — спросил Адамс молодого смуглого и только начинающего Янси-мэна, у которого пока даже не было поместья и который ночевал в смертельно опасной горячей точке, умирая, терпя ожоги, но все равно блестяще выполняя свою работу. — Как ты можешь открыто обсуждать тот факт, что танкеры там, внизу, *на систематической основе лишены того, на что имеют право?* Ведь ты открыто произнес это в своей речи. — Он дословно помнил слова Лантано — так, как они прозвучали из уст Янси, с его мужественным подбородком. Правда, то, что ты, Тэлбот Янси, искусственный и в каком-то смысле несуществующий Протектор, сказал танкерам, — скажешь им через пару недель, когда запись пройдет проверку в Женеве, а она точно ее пройдет, — этого все же мало. Сами ваши жизни неполны, в том смысле, который имел в виду Руссо, когда говорил о том, что все люди рождаются одинаковыми, приходят на свет свободными — но повсюду они в оковах. С поправкой на этот день и нашу эпоху — ибо, как только что прямо и подчеркнула речь, они родились на поверхности мира, но поверхность эта, с ее воздухом и солнечным

светом, холмами, океанами, ручьями, со всем, что можно увидеть, и потрогать, и понюхать, одним движением была у них отнята, так что они остались в жестянке субмарины, фигурально выражаясь, теснящиеся в жилых ячейках под искусственным, фальшивым светом, чтобы дышать переработанным очищенным воздухом, слушать обязательную записанную музыку и сидеть целый день по рабочим местам, собирая лиди для… но здесь даже Лантано не мог продолжать дальше. Не мог сказать — для цели, которой вы сами не знаете. Для того, чтобы каждый из нас тут, наверху, мог умножить свою свиту, которая ждет нас, следует за нами, копает для нас, строит, отскребает и кланяется… вы сделали нас баронами в баронских замках, а вы сами — нибелунги, гномы в шахтах; вы трудитесь на нас. А мы даем вам взамен материал для прочтения. Нет, речь об этом не говорила — да и как бы она могла? Но в ней признавалась правда о том, что танкеры имели право на нечто, чего у них сейчас нет; что они оказались ограблены. И что ограбленными, обокраденными оказались все они, все миллионы, и что ни моральной, ни юридической помощи все эти годы не существовало.

«Друзья мои, американцы, — веско сказал

симулякр Тэлбота Янси своим суровым, сдержанным, солдатским, лидерским, отеческим голосом (Адамс навсегда запомнил этот момент в речи), — существует одна старинная христианская идея, о которой вы можете знать, и заключается она в том, что жизнь на земле, или, в вашем случае, под землей, есть всего лишь переход. Всего лишь эпизод между жизнью, что была раньше, и вечной, иного рода жизнью, что последует потом. Однажды король-язычник на Британских островах обратился в христианство, представив эту жизнь как короткий полет ночной птицы, что влетает в окно теплого и освещенного пиршественного зала замка, мгновение летит над разговорами и движением, над оживленной дружеской вечеринкой, испытывая наслаждение оказаться в месте, населенном другими. А затем птица, продолжая свой полет, вылетает из освещенного зала, вновь покидает замок через другое окно. В пустую, темную и бесконечную ночь с другой стороны. И она никогда больше не увидит этот теплый и светлый зал с его шумом, движением и праздником. И… — И тут симулякр Янси, со всем его пафосом и достоинством, властностью и авторитетом слов, достигающих столь многих и многих человеческих существ в столь многочис-

ленных убежищах по всему миру, сказал: — …вы, друзья мои, американцы, в своих подземных убежищах лишены даже этого момента, чтобы опереться на него. Чтобы вспоминать, предвкушать или наслаждаться этим кратким полетом через освещенный зал. Как бы ни был он короток, вы имеете на него полное право, и все же из-за ужасного безумия пятнадцать лет назад, из-за одной адской ночи, вы обречены; вы каждый день расплачиваетесь за то сумасшествие, что свело вас с поверхности Земли точно так же, как бичи фурий изгнали двух наших прародителей из Первого сада эпохи тому назад. И это несправедливо. Каким-то образом однажды, я заверяю вас, это отчуждение прекратится. Ограничение вашей реальности, лишение вас той жизни, что по праву ваша, — с той же скоростью, что, как говорят, сопровождает первые звуки трубного гласа, — эта ужасная катастрофа прекратится, эта несправедливость рухнет. *И когда это случится, оно не будет постепенным.* Оно выбросит вас всех, изгонит вас, даже если вы будете сопротивляться, назад, к вашей собственной земле, что ждет вас наверху, ожидает, когда вы потребуете ее. Друзья мои, американцы, ваша земля застолблена за вами, и мы охраняем ее; мы лишь

те, кто обеспечивает ее сохранность на сей день. Но все здесь, наверху, исчезнет, и вы вернетесь назад. И даже память, даже само *понятие* о нас, тех, кто сейчас здесь, наверху, исчезнет, сотрется навсегда». И симулякр закончил свою речь так: «И вы не сможете проклясть нас, ибо даже не вспомните, что мы существовали».

Господи, подумал Адамс. И этот человек еще хочет увидеть *мою* речь.

Видя его нежелание, Дэвид Лантано тихо сказал:

— Но я наблюдал за тобой, Адамс. Часть заслуг принадлежит и тебе.

— Чертовски мало, — отозвался Адамс. — Знаешь, все, что я всегда пытался делать, и это было верно, просто недостаточно, — я пытался смягчить их сомнения. Насчет необходимости их ситуации. Но ты — господи ты боже мой, ты же прямо назвал то положение, когда они вынуждены жить внизу, не просто необходимостью, но несправедливым, временным, злым проклятием. И есть гигантская разница между тем, как я использовал симулякр Янси, чтобы убедить их, что им нужно терпеть, ибо наверху еще хуже, вирусы, радиация и смерть, и тем, что сделал ты; ты дал им торжественное обещание — заключил

с ними соглашение, дал им свое слово — слово *Янси* — в том, что однажды справедливость восторжествует.

— Что ж, — мягко сказал Лантано, — в Библии сказано: «один Бог, Который оправдает». Или примерно так; я не помню точно. — Он выглядел уставшим, больше даже, чем Линдблом; они все устали, весь их класс. Какая же тяжелая ноша, подумал Адамс, — роскошь нашего образа жизни. Никто ведь не заставляет нас страдать, мы сами вызвались добровольцами. Он видел это на лице Лантано, точно так же, как видел это, или что-то очень похожее, на лице Верна Линдблома. Но не на лице Броуза, вдруг понял он. Человек, у которого больше всех власти и ответственности, ощущает меньше всех — если вообще ощущает хоть сколько-то — тяжести.

Ничего странного, что все они дрожали; ничего странного, что плохо спали по ночам. Они служили — и знали это — дурному хозяину.

9

Со своей речью, так и лежащей в портфеле — словно бы уже вечно — и так и не показанной Дэвиду Лантано и не введенной в Мегавак 6-V, Джозеф Адамс шел по горизонтальной скоростной бегущей дорожке из здания 580 по Пятой авеню в гигантское хранилище справочного материала, принадлежащее Агентству, в его официальные архивы, где каждая известная единица данных, довоенных знаний, сохранялась и фиксировалась на будущее, будучи, конечно же, мгновенно доступной для элиты вроде него по первому требованию.

И сейчас ему как раз требовалось кое-что оттуда.

В огромном центральном зале он встал в очередь, а когда добрался до комбинации из лиди тип тридцать пять и Мегавака 2-В, монады, что служила управляющим нервным узлом лабиринтоподобного организма, состоящего из бесчисленных пленок с микрофильмами — целые справочники в двадцать шесть томов, например, по размеру и форме напоминали здесь

йо-йо, детскую игрушку на леске, — то сказал и, услышав себя, подумал, что сказал жалобно: «Э-э, я в некоторой растерянности. Я не ищу какой-то конкретный источник, как, например, «*De Rerum Natura*» Лукреция, или «Письма к провинциалу» Паскаля, или «Замок» Кафки». Это были вехи его прошлого, сформировавшие его как личность, наряду с бессмертным Джоном Донном, Цицероном, Сенекой, Шекспиром и иными авторами.

— Ваш ключ-идентификатор, пожалуйста, — прожужжала монада.

Адамс сунул карточку в щель, та считалась, и теперь управляющая монада, справившись в своем банке памяти, знала и помнила каждый из источников, что он когда-либо использовал, и в какой последовательности он это делал; она содержала всю схему его формального знания. С точки зрения архивов теперь монада знала его абсолютно и могла указать — он надеялся на это — следующую точку на графике его растущего и систематизированного мыслительного процесса. Его исторического развития как мыслящего существа.

Господь свидетель, у *него самого* не было ни малейшей идеи о том, какой должна быть следующая точка на этом графике; материал Дэвида

Лантано полностью вышиб из-под него опору, и он колебался сейчас в ужасающем недоумении — это был кризис его профессиональной карьеры, не первый, но, вполне возможно, критичный и последний. Он столкнулся, как минимум потенциально, с тем, чего больше всего страшились все спичрайтеры для симулякра Тэлбота Янси: с крушением, полным отказом всех своих способностей. Пропажей навыка программировать компьютер, а точнее говоря, программировать что бы то ни было.

Управляющая монада официальных архивов Агентства несколько раз щелкнула, словно бы проверяя свои электронные зубы-шестеренки, а затем сказала:

— Мистер Адамс, пусть вас не встревожит наш совет.

— Окей, — сказал он, но был уже серьезно встревожен. Позади него коллеги нетерпеливо дожидались своей очереди. — Ну давайте, что ли, — сказал он.

Управляющая монада сказала:

— Со всем уважением, мы отсылаем вас назад, к Первому Источнику. Две документальные ленты от 1982 года, обе версии, A и B; нисколько вас ни в чем не упрекая, советуем подойти к стойке

справа от вас и получить там ролики исходной работы Готтлиба Фишера.

Дно, основа и структура, даже сама форма мира Джозефа Адамса выпали и рассыпались. Подходя к стойке справа, чтобы получить ролики, он умер внутри, и умер в страшных муках, лишенный фундаментального метаболического ритма существования.

Потому что если он до сих пор не понял эти две документалки Готтлиба Фишера, то он не понял ничего.

Потому что сама ткань, материя Янси, то, чем он был и как возник — а следовательно, и их существование, всего улья Янси-мэнов вроде него, Верна Линдблома, и Лантано, и даже самого ужасного и могучего старика Броуза, — все это основывалось на документальных лентах А и В. А была снята для ЗапДема, В — для НарБлока. Выйти за их пределы не мог никто.

Его отбросило назад на годы. К самому началу его профессиональной карьеры в качестве Янси-мэна. И если это могло с ним произойти, то и вся система взглядов могла зашататься; он почувствовал, как известный ему мир плавится под ногами.

10

Получив пленки, он незряче проделал путь к свободному столу со сканером, уселся — и только тут осознал, что где-то в очереди поставил на пол свой портфель и не подобрал его — и ушел дальше без него; другими словами, он сознательно и по вполне очевидной причине начисто потерял и навсегда попрощался со своей выстраданной и написанной прошлым вечером от руки речью.

Это подтверждало его мысль. У него были очень серьезные неприятности.

Какую из двух документалок, спросил он у себя, мне придется вытерпеть первой?

Адамс не имел ни малейшего представления. Наконец, более или менее случайно, он выбрал вариант А. В конце концов, он все же был именно ЗапДемовским Янси-мэном. И именно эта работа, первая из двух, созданных Готтлибом Фишером, всегда вызывала в нем больший отклик. Потому что если вообще хоть какая-то правда была в любой из них, то, наверное, именно здесь, в Версии А. Зарытая, впрочем, под столь огромной помойной горой сфабрикованной лжи, что гора

эта была — и это делало оба ролика главным и буквально почитаемым источником для всех Янси-мэнов — настоящей аномалией.

По степени наглости, «большой лжи», Готтлиб Фишер давно и навсегда превзошел их всех. Никто из живущего сейчас поколения или из поколений, что еще только родятся, никогда не сможет на голубом глазу рассказывать байки о тех невинных безмятежных днях. Западногерманский кинематографист Готтлиб Фишер, наследник студии UFA, киноконцерна времен Третьего рейха, который в тридцатые годы был столь тесно связан с ведомством доктора Геббельса, — этот действительно непревзойденный, уникальный фальсификатор убедительного видеоряда — повел дело так, что на выходе получился не какой-то жалкий скулеж, а дьявольски громкий и потрясающе выглядящий взрыв. Но, конечно, у Фишера были огромные ресурсы. Обе военные элиты, как из ЗапДема, так и из НарБлока, поддерживали его финансово и морально, а заодно предоставляли невероятные съемки времен Второй мировой, которые обе стороны держали в своих засекреченных киноархивах.

Две эти парные ленты, задуманные для одновременного показа, повествовали о Второй

мировой войне, которая для многих людей в 1982 году еще не стерлась из памяти, закончившись всего за тридцать семь лет до выпуска кинофильмов. Американец-рядовой, «джи-ай»[3] той войны, которому в 1945-м было двадцать, на момент просмотра первой серии Версии А (из двадцати пяти) у телевизора в своей гостиной в Бойсе, штат Айдахо, имел от роду всего пятьдесят семь лет.

Устраиваясь поудобнее у сканера микрофильмов, Джозеф Адамс подумал, что они должны были просто *помнить* достаточно для того, чтобы определить увиденное по телевизору как откровенную ложь.

Перед его глазами появилось крохотное, подсвеченное и четкое изображение Адольфа Гитлера, выступающего перед наемными прислужниками, что составляли рейхстаг в конце тридцатых годов. Фюрер был жизнерадостен, возбужден, настроен весьма саркастически и ехидно. Это была та знаменитая сцена — и каждый Янси-мэн знал ее наизусть, — когда Гитлер отвечал на просьбу президента США Рузвельта о том, чтобы он, Гитлер, гарантировал границы десятка или около того малых государств Европы. Одну за другой

[3] Примечания: 3

Неофициальный термин, обозначающий солдата вооруженных сил Соединенных Штатов.

Адольф Гитлер зачитывал страны, составляющие этот список, все громче и громче, и с каждым новым названием прихлебатели его улюлюкали в такт растущему безумному веселью их лидера. Эмоциональность этой сцены — фюрер, захлебывающийся от смеха над абсурдностью списка (он вторгнется потом практически в каждую названную в списке страну), крики его сторонников… Джозеф Адамс смотрел, и слушал, и ощущал внутри себя резонанс с этими выкриками, ехидную ухмылку — в резонанс с ухмылкой Гитлера… и в то же время чувствовал наивное детское удивление: неужели эта сцена действительно когда-то могла происходить в реальности? А она происходила. Эти кадры из первой серии Версии А были — невероятно, учитывая их фантастическое содержание, — абсолютно настоящими.

Но дальше — дальше началось искусство берлинского кинематографиста 1982 года. Сцена с речью в Рейхстаге размылась, потускнела, и на ее месте проступила, все четче и четче, новая картинка. Веймарская депрессия, еще до Гитлера; голодные, лишившиеся надежды немцы. Безработные. Банкроты. Потерянные. Побежденная нация, не имеющая будущего.

Именно отсюда начался закадровый коммен-

тарий, мелодичный, но твердый голос опытного актера, нанятого Готтлибом Фишером, — по имени Алекс Сорберри или что-то вроде того — начал накладывать присутствие своей ауры, интерпретируя видеоряд. А видеоряд уже показывал морские сцены — как Королевский военно-морской флот Великобритании поддерживал блокаду в год после Первой мировой; как он целенаправленно и успешно морил голодом, навсегда калечил нацию, которая сдалась давным-давно и сейчас была полностью беззащитна.

Адамс остановил просмотр, откинулся и зажег сигарету.

Неужели ему действительно нужно выслушивать мурлыкающий голос Александра Сорберри, чтобы понять месседж Версии А? Просидеть все двадцать пять достаточно длинных серий, а затем, когда это испытание закончится, перейти к столь же длинной и изощренной Версии В? Он ведь знал этот месседж. Алекс Сорберри в Версии А; какой-то восточногерманский профессионал, аналог Сорберри, в Версии В. Он знал *оба* месседжа… ибо как существовали две разные версии, существовали и два разных месседжа.

Сорберри в тот момент, когда сканер выключился, дав Адамсу благословенную передышку,

как раз собирался продемонстрировать один любопытный факт: связь между двумя сценами, разнесенными по времени на двадцать с лишним лет. Британская блокада 1919 года — и концентрационные лагеря, полные голодающих, умирающих скелетов в полосатых робах в 1943-м.

Это британцы вызвали к жизни Бухенвальд, таким был посыл пересмотренной истории от Готтлиба Фишера. Не немцы. Немцы были *жертвами*, в 1943-м точно так же, как и в 1919-м. А следующая сцена в Версии А покажет жителей Берлина в 1944-м, рыскающих по лесам вокруг Берлина в поисках крапивы на суп. Немцы голодали; вся континентальная Европа, все люди в концлагерях и вне их — голодали. Из-за британцев.

И это было так очевидно, ведь тема поднималась вновь и вновь в каждой из двадцати пяти мастерски сложенных вместе серий. Такой была «окончательная» история Второй мировой войны — во всяком случае, для жителей ЗапДема.

Зачем это смотреть? Адамс спрашивал себя снова и снова, пока курил свою сигарету, подрагивая от физической и моральной усталости. Я же знаю, что тут демонстрируется. Что Гит-

лер был эмоциональным, ярким, капризным и нестабильным — но это само собой; это же было так естественно, лгал фильм. Потому что он был просто-напросто гением. Как Бетховен. А все мы восхищаемся Бетховеном; гениям мирового уровня нужно прощать их эксцентричность. И да, надо признать, что Гитлера в конце концов довели до края, до психопатической паранойи… из-за нежелания Англии понять, осознать грозящую *реальную* опасность от сталинской России. Особенности личности Гитлера (а он, что ни говори, подвергался огромному и длительному стрессу во время Первой мировой войны и Веймарской депрессии, как и все немцы) заставили более флегматичных в целом англосаксов ошибочно предположить, что Гитлер «опасен». А на самом-то деле — серию за серией Алекс Сорберри будет промурлыкивать этот месседж — обычный ЗапДемовский телезритель откроет для себя тот факт, что Англия, Франция, Германия и Соединенные Штаты должны были стать союзниками. Против настоящего злодея, Иосифа Сталина, с его манией величия и планами по захвату мира… неопровержимо подтвержденными действиями СССР после войны, когда даже Черчилль вынужден был признать, что Советская Россия и есть

настоящий враг.

…И была им всегда. Коммунистическая пропаганда, пятая колонна в странах Западной Демократии, все же смогла каким-то образом обмануть людей, даже правительства… даже Рузвельта и Черчилля, и то же самое в послевоенном мире. Взять, к примеру, Элджера Хисса… взять Розенбергов, что украли секрет Бомбы и передали его Советской России.

Взять, к примеру, эпизод, с которого начиналась четвертая серия Версии А. Прокрутив ленту, Адамс остановил ее на этом эпизоде и приник к окулярам сканера, этого современного технологичного хрустального шара, в который смотрели, чтобы узнать — не будущее, но прошлое. И…

И даже не прошлое. А тот фейк, который он сейчас и наблюдал.

Перед его глазами развертывалась сцена из фильма с закадровым комментарием неизбежного, бесящего уже Алекса Сорберри и его масляным умелым журчанием. Сцена, ключевая для итоговой морали Версии А, которую Готтлиб Фишер при буквально небесной помощи военной элиты ЗапДема желал во что бы то ни стало донести до аудитории, — другими словами, это был *raison d'être*, смысл существования всех двадцати пяти

серий Версии А, каждая по часу.

Сцена, что в миниатюре разыгрывалась перед ним, демонстрировала встречу трех глав государств — Рузвельта, Черчилля и Сталина. Место действия: Ялта. Зловещая, роковая Ялта.

И вот три мировых лидера сидели в поставленных рядом креслах, позируя фотографам; это был исторический момент, значение которого было непередаваемо велико. И никто из живых не смеет забыть его, потому что именно здесь — лился голос Сорберри — было принято судьбоносное решение. Вы сами видите его сейчас своими глазами.

Какое решение?

Профессионально вкрадчивый голос шептал в ушах Джозефа Адамса: «На этом месте, в эту минуту, была согласована сделка, что должна была определить судьбу человечества на поколения вперед, еще не рожденные поколения».

— Окей, — громко сказал Адамс, вспугнув безобидного коллегу, сидящего за сканером напротив него. — Извините, — сказал Адамс и дальше уже просто думал, не проговаривая вслух: *ну же, давай, Фишер. Покажи нам эту сделку. Как говорится, лучше один раз увидеть. Покажи — или заткнись. Докажи основной посыл этого*

затянутого «документального» фильма — или проваливай.

И он знал — поскольку много раз видел это раньше, — что создатель фильма как раз собирается показать ее.

— Джо, — раздался рядом женский голос, разбивающий его тугую сосредоточенность; он откинулся назад, поднял взгляд и увидел, что напротив стоит Колин.

— Обожди, — попросил он у нее. — Не говори ничего. Буквально секунду. — И он вновь приник к своему сканеру, пылкий и напуганный, словно какой-нибудь бедолага танкер, подумал он, который в ужасе своей фобии чувствует — а точнее, воображает, что чувствует, — запах Вонючего иссыхания, обонятельный предвестник смерти. Но я-то не воображаю это — Джозеф Адамс знал точно. И ужас внутри него рос, пока не стал невыносимым, но он все же продолжал смотреть, и все это время Александр Сорберри шептал и мурлыкал, и тогда Джозеф Адамс подумал: так ли чувствуют это они там, внизу? Чувствуют ли хоть какой-то намек, след реальности за тем, что они видят? Догадываются ли, что мы кормим их своей собственной адаптацией… И от этой мысли он окаменел.

Сорберри вновь замурлыкал:

— Некий истинный патриот, сотрудник американской Секретной Службы, охраняющей президента США, снял этот поразительный эпизод при помощи камеры с телескопическим объективом, замаскированной под пуговицу на воротнике; поэтому кадры будут несколько нечеткими.

И действительно, две несколько расплывчатые, как и сказал Сорберри, фигуры прогуливались по крепостной стене. Рузвельт и Иосиф Сталин, последний шел, а инвалидное кресло Рузвельта, держащего в руках плед, толкал служитель в униформе.

— Специальный дальнобойный микрофон, — прожурчал Сорберри, — находившийся в распоряжении этого преданного охранника, позволил ему услышать…

Окей, подумал Джозеф Адамс. Все выглядит прекрасно. Камера размером с пуговицу на воротнике; кто в 1982 году вспомнит, что таких миниатюрных шпионских устройств в 1944-м не существовало? И оно проходит, принимается на веру — было принято на веру, когда эта ужасная вещь прошла по кабелю на весь ЗапДем. Никто не написал в Вашингтон, округ Колумбия, в прави-

тельство; никто не заявил: «Уважаемые господа: в отношении «камеры в пуговице от воротника» некоего «преданного сотрудника Секретной Службы» в Ялте; настоящим информирую вас, что…». Нет, этого не случилось; а если и да, то письмо тихо похоронили… а может быть, вместе с пославшим его человеком.

— Какую серию ты смотришь, Джо? — спросила Колин.

Он снова откинулся и остановил пленку.

— Ту самую, великую сцену. Где Рузвельт со Сталиным сговариваются, чтобы продать Западные Демократии.

— О да. — Она кивнула и присела рядом. — Та размытая съемка издалека. Кто может забыть? Это вколочено в нас…

— Ты ведь понимаешь, конечно, — сказал он, — какой в этом содержится изъян.

— Нас *учили*, специально указывая на него. Лично Броуз и учил, а поскольку он жив и является учеником Фишера…

— Сейчас, — сказал Адамс, — никто не делает таких ошибок. При подготовке материалов для чтения. Мы научились, мы стали профессиональнее. Хочешь посмотреть? Послушать?

— Нет, спасибо. Честно говоря, я не очень это

люблю.

— Я тоже, — сказал Адамс, — но эта пленка зачаровывает меня; я поражаюсь, что оно проскочило — и было принято. — Он вновь прильнул к сканеру и запустил пленку.

На аудиозаписи можно было разобрать голоса двух размытых фигур. Сильный фоновый свистящий шум, доказательство дальнобойности скрытого микрофона, находящегося в распоряжении «честного охранника», слегка мешал улавливать слова, но понять было можно.

В этом эпизоде Версии А Рузвельт со Сталиным говорили по-английски; Рузвельт — со своим гарвардским произношением, Сталин — с тяжелым славянским акцентом, гортанно, почти нечленораздельно.

Поэтому Рузвельта понять было проще. А то, что он имел сказать, было очень важным, поскольку он заявлял откровенно, не зная о «тайном микрофоне», что он, Франклин Рузвельт, президент Соединенных Штатов, был коммунистическим агентом. Подчиняющимся партийной дисциплине. Он продавал Соединенные Штаты своему боссу, Иосифу Сталину, и его босс говорил: «Да, товарищ. Ты верно понимаешь, что нам нужно; мы договорились, что ты придержишь союзные

армии на западе, так, чтобы наша Красная армия могла глубоко зайти в Центральную Европу, до самого Берлина, чтобы установить советское господство вплоть до…» И здесь гортанный, с тяжелым акцентом голос постепенно затухал, поскольку оба мировых лидера выходили из зоны досягаемости микрофона.

Снова выключив воспроизведение, Джозеф Адамс сказал Колин:

— Несмотря на эту единственную ошибку, Готтлиб Фишер сделал тут великолепную работу. Парень, что играл Рузвельта, реально выглядел как Рузвельт. Парень, что играл Сталина…

— И все же ошибка… — напомнила ему Колин.

— Да. — Это была крупная ошибка, самая тяжелая из тех, что сделал Фишер; на самом деле единственная серьезная из всех фальсифицированных отрывков Версии А.

Иосиф Сталин не знал английского языка. И, поскольку Сталин не мог разговаривать по-английски, эта беседа не могла случиться. Главная, критическая сцена, только что показанная, выдавала себя и, таким образом, выдавала всю эту «документальную» картину. Сообщала, *что* это такое. Расчетливо и тщательно изготовленная подделка, сфабрикованная с целью снять с Гер-

мании вину за произошедшее во Второй мировой войне, ответственность за принятые решения. Потому что к 1982 году Германия вновь стала мировой державой и, что самое главное, крупным акционером сообщества стран, называющих себя «Западными Демократиями», или, кратко, ЗапДемом, после того как ООН развалилась во время Латиноамериканской войны 1977 года и оставила на своем месте вакуум власти, в который немцы быстро и умело проникли.

— Меня тошнит, — сказал Адамс, дрожащими пальцами вытаскивая сигарету. Только подумать, сказал он себе, что *все, что мы представляем собой сейчас*, происходит из такого грубого передергивания, как в этом отрывке, где Сталин говорит на языке, которого он не знал.

После паузы Колин сказала:

— Ну, Фишер мог бы…

— Легко это исправить. Один-единственный маленький переводчик. Вот и все, что было нужно. Но Фишер был художником — ему понравилась идея их разговора тет-а-тет, без посредника; он чувствовал, что это придаст сцене дополнительный драматический накал. И Фишер оказался прав, поскольку этот «документальный» фильм *и в самом деле* был повсеместно принят как

исторически достоверный, документально подтверждающий ялтинскую «сделку», «трагически непонятого» Гитлера, который хотел на самом деле всего лишь спасти Западные Демократии от комми… и даже лагеря смерти и те нашли свое удовлетворительное объяснение. Всего и потребовалось, что несколько снимков британских военных кораблей, наложенных на снимки голодающих узников, несколько полностью игровых сцен, которые просто никогда не происходили, чуть-чуть настоящей военной кинохроники из архивов ЗапДема… и успокаивающий голос, связавший все это вместе. Успокаивающий — но твердый.

Ловко.

— Я не понимаю, — спустя короткое время сказала Колин, — почему это так тебя расстраивает. Неужели из-за того, что ошибка столь вопиющая? Ну, на тот момент она не так бросалась в глаза, потому что кто же в 1982-м знал, что Сталин не говорил…

— А знаешь ли ты, — перебил ее Адамс, стараясь говорить медленно, — какой аналогичный этому, слишком примитивный обман содержится в Версии В? Потому что мне кажется, что даже Броуз никогда в жизни не смотрел вторую версию, так

же как первую.

Призадумавшись, она ответила:

— Что ж, дай сообразить. В Версии В, предназначенной для коммунистического лагеря в 1982 году… — Она попыталась вспомнить, хмурясь, и в итоге сказала: — Я давно уже не пересматривала ни одной серии Версии В, но…

— Давай начнем с рабочей гипотезы, лежащей в ее основе. Что СССР и Япония пытались спасти цивилизацию. Англия и Штаты — секретные союзники нацистов, Гитлера; они привели его к власти с единственной целью нападения на восточные страны, сохранения статус-кво в ущерб молодым развивающимся странам Востока. Это мы знаем. Во Второй мировой войне Англия и Штаты лишь *делали вид*, что воюют с Германией; все наземные сражения вела Россия на Восточном фронте; высадка в Нормандии — как он там? Второй фронт? — состоялась лишь *после* того, как Германия была разбита Россией; США и Британия хотели лишь наброситься и жадно отхватить как можно больше трофеев…

— Трофеев, — подхватила Колин, — которые по справедливости принадлежали СССР. — Она кивнула. — Но где же Фишер совершил тут техническую ошибку? Идея Версии В выглядит

достаточно достоверной, как и у первой версии; а реальные кадры Версии В — это кадры Красной армии в Сталинграде…

— Да. Все реальное. Достоверное и более чем убедительное. И война действительно *была* выиграна в Сталинграде. Но… — Он сжал кулак, искалечив свою сигарету; затем он аккуратно положил ее в ближайшую пепельницу. — Я не буду переходить, — сказал он, — к Версии В. Несмотря на то, что мне сказала управляющая монада. Что ж, значит, я не справляюсь; я остановился в росте, а это значит, что меня обгонят, и все на этом — я понял это еще вчера вечером, до того как ты ушла. И снова понял это сегодня, когда услышал речь от Дэйва Лантано и осознал, насколько она лучше, чем все, что я могу сделать и что я смог бы сделать. Ему около девятнадцати. Максимум двадцать.

— Дэвиду двадцать три, — сказала Колин.

Адамс поднял взгляд.

— Ты его знаешь?

— О, он постоянно сюда прилетает и улетает обратно; любит возвращаться в эту его горячую зону, чтобы управлять своими лиди, чтобы вилла была построена именно такой, как он хочет, думаю, он спешит посмотреть на нее сейчас, потому

что знает, что вряд ли доживет до ее завершения. Он нравится мне, но он такой странный и загадочный, практически отшельник; прилетает сюда, вводит свою речь в компьютер, немного ждет, немного разговаривает — совсем немного — и снова улетает. Но в чем же ошибка в Версии В, версии для НарБлока, которую заметил только ты один и больше никто за все эти годы, даже Броуз?

Адамс сказал:

— Она в том эпизоде, где Гитлер совершает один из своих секретных полетов в Вашингтон во время войны, чтобы посовещаться с Рузвельтом.

— А, да. Фишера навела на эту мысль история с полетом Гесса в…

— Самая важная секретная встреча между Рузвельтом и Гитлером. В мае 1942-го. Где Рузвельт в присутствии лорда Луиса Маунтбеттена, принца Баттен фон Баттенберга, представляющего Британию, информирует Гитлера о том, что союзники отложат высадку в Нормандии как минимум на год, чтобы Германия могла использовать свои армии на Восточном фронте и разбить Россию. И еще сообщает ему, что маршруты всех арктических конвоев, доставляющих в северные русские порты военные грузы, будут регулярно

передаваться немецкой разведке под командованием адмирала Канариса, чтобы нацистские субмарины могли топить их своими «волчьими стаями». Ты же помнишь размытые кадры этой встречи, сделанные издалека неким «товарищем по партии, работающим в Белом доме»… Гитлер и Рузвельт сидят рядом на диване, и Рузвельт заверяет Гитлера, что тому нечего опасаться; все союзные бомбардировки будут вестись по ночам, чтобы промахиваться мимо своих целей, вся информация от русских относительно их военных планов, расположения войск и так далее будет доставляться в Берлин не позже суток после попадания ее в руки союзников, через Испанию.

— И они разговаривают по-немецки, — сказала Колин. — Верно?

— Нет, — рявкнул он сердито.

— *По-русски?* Чтобы аудитория НарБлока могла понять их разговор? Я так давно уже не…

Адамс раздраженно пояснил:

— Техническая ошибка допущена при прибытии Гитлера на «секретную базу ВВС США близ Вашингтона» — и это просто невероятно, что никто ее не заметил. Прежде всего, во время Второй мировой не было никаких ВВС США.

Колин уставилась на него.

— Это все еще называлось Воздушным корпусом Армии США, — сказал Адамс. — Еще не отдельный вид вооруженных сил. Но это пустяк; возможно, это мелкая ошибка в закадровом комментарии — сущая ерунда. Вот смотри.

Он быстро вытащил из сканера катушку, схватил вторую, с Версией В; уткнувшись в сканер, он умело гнал ленту дальше и дальше, пока не дошел до того эпизода в шестнадцатой серии, который хотел найти; после этого он откинулся назад и жестом предложил ей просмотреть этот отрывок.

Какое-то время Колин молча смотрела.

— Вот его джет заходит на посадку, — проговорила она, — поздно ночью, на — да, ты прав, комментатор называет это «базой ВВС США», и я смутно вспоминаю, что…

— Его *джет*, — проскрежетал Адамс.

Остановив ленту, Колин молча смотрела на него.

— Гитлер тайно садится в Штатах в мае 1942-го, — сказал Адамс, — на турбореактивном «Боинге-707». Их в природе не было до середины шестидесятых. Во время Второй мировой существовал только один реактивный самолет, немецкий истребитель, и тот в войска не по-

ступил.

— Боже мой! — ахнула Колин.

— Но это сработало, — продолжил он. — Люди в НарБлоке поверили в это; к 1982-му они так привыкли к виду реактивных самолетов, джетов, что забыли — в 1942-м существовали только эти, как они назывались… — Он не мог вспомнить.

— Поршневые самолеты, — подсказала Колин.

— Мне кажется, я понял, — сказал Адамс, — почему управляющая архивами монада отправила меня именно сюда, к Первому Источнику. Вернуться к самому началу, к работе Готтлиба Фишера, первого Янси-мэна; человека, кто фактически предвосхитил саму идею Тэлбота Янси. Но который, к сожалению, не дожил до того, чтобы увидеть реально построенный — и введенный в действие обоими блоками — симулякр. Монада хотела, чтобы я увидел, — продолжал он, — что мое беспокойство о качестве собственных работ — избыточное, ненужное. Потому что наша работа, наши общие усилия исторически, с самого начала, с этих двух документальных фильмов, *неидеальны*. Когда ты или я начинаем делать фальшивки, то и ты, и я, и все остальные из нас просто обязаны в каком-то месте рано или поздно поскользнуться.

— Да, — кивнула она. — Мы просто смертные. Мы несовершенны.

— Но есть один странный момент, — сказал Адамс. — У меня нет такого же чувства в отношении Дэвида Лантано. Я отреагировал на него страхом, и теперь я вижу почему. Он отличается от всех нас. Он совершенен или может стать совершенным. Не так, как мы. И кем же это делает его? Нечеловеком?

— Бог его знает, — нервно ответила Колин.

— Не говори так, — сказал он. — По какой-то причине мне не хочется думать о боге в связи с Дэвидом Лантано. — Может быть, подумал он, из-за того, что парень так близок к силам смерти, проживая в своем горячем радиоактивном пятне, день за днем сгорая от радиации? Словно бы, сжигая и убивая его, она при этом вливала в него взамен некую мистическую силу.

Он вдруг снова остро ощутил собственную смертность, ту тонкую стабильность сил, которые, начиная с биохимического уровня и дальше вверх, позволяли существовать человеку.

И все же Дэвид Лантано научился жить в самом сердце этих сил и даже питаться ими. Как ему это удалось? Лантано, подумал он, вправе пользоваться чем-то за пределами наших возможностей;

я всего лишь хотел бы понять, как у него это получается; и я хотел бы тоже научиться.

Обращаясь к Колин, Адамс сказал:

— Я понял из кинолент Фишера то, что должен был понять, так что, думаю, я уже пойду. — Он встал и собрал микрофильмы. — А понял я следующее. Сегодня утром я видел и слышал речь, написанную двадцатитрехлетним новичком в нашей профессии, и она напугала меня — но затем я просмотрел две эти версии фильма Фишера и вот что понял.

Она ждала, терпеливо, очень по-женски, словно мать-земля.

— Даже Фишер, — сказал он, — величайший из всех нас, не смог бы конкурировать с Дэвидом Лантано. — Это он сегодня понял совершенно точно. Но как минимум сию минуту не мог сказать, что именно этот факт означал.

И все же предчувствие у него было. Однажды, совсем скоро, и он, и весь его класс, все Янси-мэны, не исключая самого Броуза, определенно еще узнают.

11

Чувствительный маленький прибор, работающий на принципе сонара и прикрепленный к его костюму, нечто вроде геологической версии того, что могло бы применяться на подводной лодке, сообщил Николасу Сент-Джеймсу, трудившемуся при помощи небольшого портативного ковша, о том, что он наконец докопался до расстояния всего в метр под поверхностью.

Он прекратил работу, пытаясь хотя бы временно успокоиться. Потому что, понял он, минут через пятнадцать я пробьюсь наружу, и на меня начнется охота.

Его совершенно не радовало это инстинктивное понимание того, что уже совсем скоро он станет добычей.

Чего-то искусственного и крайне сложного, состоящего из тысяч точнейших миниатюрных компонентов, с системами обратной связи и резервирования, с усилителями органов чувств, с источниками питания, полностью автономными и практически вечными, и, что хуже всего, с тропизмом, наведением на то, что было неизбеж-

ным качеством, присущим жизни, — фактор под названием *тепло*.

Грустный факт был исключительно прост: он привлекал внимание, просто будучи живым; это было реальностью на поверхности Земли, и лучше было бы ему быть к этому готовым, поскольку наверху сразу придется скрываться и бежать. Сражаться он не мог. Победа была невозможна. Оставалось бежать или гибнуть. И бегство должно было начаться в тот самый момент, когда он пробьется наверх, и здесь, в тесной темноте узкого туннеля, дыша запасенным воздухом и цепляясь, подобно насекомому, за крючья, вбитые в саму стену туннеля, он подумал, что, возможно, уже слишком поздно.

Возможно, что он уже замечен, еще даже до того, как пробился на поверхность. По вибрациям его маленького перегруженного и еле живого портативного ковша. Или по его дыханию. Или — и снова к этому, к гротескному и злобному использованию самих основ жизни, — тепло его тела могло взвести автономную мину (он видел их по телевизору), и мина уже отделилась от того места, куда ввинтилась так, что стала невидимой… отделилась и теперь ползет по обломкам, что покрывали поверхность Зем-

ли, словно дурные последствия некой грязной, психопатической гулянки на всю ночь в стиле «все-напились-и-попадали». Ползет так, что их маршруты пересекутся и она встретит его в рассчитанном месте, в той самой точке, где он пробьет поверхность. Абсолютный идеал, подумал он, точнейшая синхронизация времени и пространства между ним и миной. Между тем, что делает он, и тем, что делает *она*.

Он знал, что она там. Знал, собственно, с того самого момента, как вошел в туннель и был сразу же запечатан в нем снизу. «Эх, активисты-комитетчики, это вы должны были быть тут сейчас».

Его кислородная маска приглушила голос, он едва услышал себя сам, почувствовал звук скорее вибрацией лицевых костей. Жаль, что Дэйл Нуньес не остановил меня, подумал он. Откуда же я знал, что могу так сильно бояться?

Видимо, это и есть та нервная пружина, что приводит в действие психопатическую паранойю, сказал он себе. Это острое и неприятное ощущение того, что за тобой наблюдают. Это было, решил он, самое мерзкое из ощущений, которые у него когда-либо были; даже фактор страха был здесь не главным; чувство заметности, видимости было подавляющим, совершенно

непереносимым.

Он вновь завел свой ковш; тот зарычал и снова принялся копать; почва и камни расступались перед ним и превращались в пыль, в энергию — или что там с ними делал ковш; сзади него выходил лишь мелкий пепел и ничего более. Механический его метаболизм поглощал остальное, так что туннель позади не оставался заваленным.

И, следовательно, он мог повернуть назад.

Но он не сделал этого. Он двинулся дальше.

Крохотный динамик его интеркома, устройства связи с комитетом убежища «Том Микс» далеко внизу, зажужжал и спросил: «Эй, президент Сент-Джеймс, с вами все в порядке? Мы ждем уже час, и вы не сказали ни слова».

Он ответил:

— Единственное слово, которое у меня есть… — и замолчал; зачем его произносить? Они уже слышали это слово и в любом случае знали, что он чувствует. И в любом случае — я их избранный президент, подумал он, а избранные президенты, даже подземных убежищ, таких слов официально не произносят. Он продолжил копать. Интерком смолк; они все поняли.

Десять минут спустя на него брызнул свет; масса земли, корней и камней хлынула ему на

лицо, и, несмотря на очки и маску, а точнее, на всю шлемовидную структуру, защищавшую его, он поежился. Солнечный свет. Ужасный, серый и такой резкий, что он испытал к нему мгновенную ненависть; он рванулся вверх, словно когтями раздирая глаз; глаз, который никогда не закроется. Солнечный свет. И вновь это чередование дня и ночи, вновь, после пятнадцати лет. Если бы я мог молиться, подумал он, я бы молился. Молился бы, скорее всего, о том, чтобы вид чуть ли не самого старого из богов, солнечного божества, не стал бы предвестником смерти; чтобы я прожил достаточно долго, успел увидеть забытый ритм дня и ночи; чтобы все не закончилось единственным обжигающим, но мимолетным взглядом.

— Я наверху, — сказал он в интерком.

Ответа не последовало. Может быть, батарея наконец села — но огонек внутри шлема горел по-прежнему, хотя сейчас и был еле виден в присутствии полуденного неба над головой. Он яростно потряс интерком; внезапно ему показалось более важным восстановить связь с танком внизу, чем двигаться дальше, — бог мой, подумал он, жена моя и мой брат, мой народ; *я отрезан.*

Позыв — зарыться обратно вниз; это была паника; она заставила его суетиться как жука: он

выбросил на поверхность землю и камни, а какая-то часть их посыпалась вниз — он вырвался наружу из туннеля, хватаясь и цепляясь за липкую и плоскую почву, что была поверхностью, горизонтальной и бесконечной. И он лежал на ней полностью, вжимаясь каждой частью тела, словно пытаясь оставить отпечаток своей фигуры; о да, я оставлю свой след на Земле, подумал он безумно. Вмятина размером с человека; и она не исчезнет, даже если исчезну я.

Открыв глаза, он взглянул на север — север определить было легко, он увидел указания на камнях и на траве, на сухих, коричневых, безнадежно больных пучках худосочной травы под ним и около него; полярное поле притягивало все, разворачивало живущее в свою сторону — а потом он взглянул вверх и удивился тому, что небо оказалось таким серым, вовсе не голубым. Это пыль, решил он. Конечно, от войны; частицы так пока окончательно и не выпали из атмосферы. Он почувствовал разочарование.

Если бы не земля. Что-то живое поползло по его руке; это была хитиновая форма жизни, которой он восхищался все равно — просто помня и зная о ней. В жвалах муравей держал какую-то белую крупинку, и он проводил муравья взглядом; они

не были особенно умными как раса, но, по крайней мере, они не сдались. И они остались тут; пятнадцать лет назад они не сбежали: они встретили *Dies Irae*, День Гнева, и все еще были тут. Чему свидетель этот образец, этот представитель вида; он увидел в насекомом не одного муравья, но всех, и в вечности, словно бы оно выбежало ему на руку откуда-то из безвременья.

И тут залопотал его интерком:

— Эй, президент Сент-Джеймс! Вы наверху? — Бормочущее возбуждение, слишком большое для миниатюрного аппарата.

— Я наверху.

— Рассказывайте же; поговорите с нами, как оно там?

— Прежде всего, — начал он, — небо серое из-за неосевшей пыли. Это в каком-то смысле разочаровывает.

— Да, это досадно! — Они зашаркали, завозились на том конце линии связи.

Николас сказал:

— Я немногое могу разобрать. Руины Шайенна справа от меня; пара зданий все еще стоит, но в остальном там все очень плохо. Руины далеко от меня, на горизонте. Валуны ближе. Вообще-то… — Все могло бы быть и хуже, и он был озадачен.

Потому что совсем вдалеке он увидел нечто похожее на деревья. — Согласно телепередачам, — сказал он, — сразу за границей Небраски должна находиться та крупная военная база; как мы и планировали, я двинусь на северо-восток, в надежде…

— Не забудьте, — возбужденно затарахтел динамик, — что, согласно всем слухам, торговцы черного рынка должны жить в руинах городов, в подвалах и старых противоатомных убежищах. Так что если северо-восток покажется малоперспективным, поворачивайте прямо на север, в развалины Шайенна, и попробуйте установить там с кем-нибудь контакт. Я имею в виду, в таком крупном городе должно быть много по-настоящему глубоких подвалов; ну и много частных убежищ, ну, знаете, на индивидуальной основе, для одного-двух парней там или тут. И вот что, не забывайте; они знают, как прятаться от лиди; они должны это уметь. Окей? Как слышите меня?

Николас сказал:

— Окей, слышу вас. Хорошо, я…

— И у вас же с собой та коробка с кусочками горячей фольги, чтобы сбить со следа охотничьи машины, наводящиеся на тепло, верно? И дробинки для тех, которые на изоэнтропическом

принципе, — сразу начинайте разбрасывать их вокруг, когда пойдете. Ха-ха, как Гензель и Гретель, верно? Только вы *хотите*, чтобы хлебные крошки были съедены.

Он осторожно и неуверенно поднялся на ноги.

И тут они схватили его. Он услышал звук их движения; лишь только Николас встал, они явились, и тогда он обернулся к ним с жалким оружием, собранным для него ребятами из мастерских танка. Первый лиди подпрыгнул так, словно был надут гелием и совсем ничего не весил, так что луч его самодельного лазерного пистолета прошел под ним; этот лиди был опытным бойцом и спустился по спирали так, что оказался чуть сзади него; а тем временем второй, согнутый словно сороконожка, мчащийся на огромной скорости прямо на него, вытянул что-то, чего он не смог толком увидеть: лиди не стрелял, а словно пытался ущипнуть его. Он попятился, выстрелил еще раз из несчастного лазерного пистолетика, и хотя какая-то часть механизма лиди и отвалилась, но это было бесполезно, потому что в это время второй, находящийся сзади, зацепил его на крюк. На самом интересном месте, подумал он; крюк потащил его, и он полетел над камнями и пучками травы, словно пойманный машиной, что

никак не остановится. Он попытался отцепиться от крюка; тот зацепил его костюм и немного кожи наверху спины, и лиди, очевидно, знал, что он беспомощен; он не мог даже повернуться.

И тут он понял зачем. Что они делали.

Они оттаскивали его от туннеля со всей возможной скоростью; первый — тот лиди, что зацепил его сзади, и второй, хотя и пострадавший, но все же сумевший забить вход в туннель, запечатать его; лиди направил на землю какой-то луч, и почва, камни, жалкая растительность буквально вскипели, испаряясь; от земли ударил пар, и выход исчез, заплывший, уничтоженный. И тут же его прекратили волочить. Лиди остановился, вздернул его вертикально, выбил из руки интерком и тщательно растоптал его. Затем лиди систематически содрал с него все: пистолет, шлем, маску, баллон с кислородом, костюм астронавта — он рвал и потрошил это все, пока наконец не остановился, удовлетворенный. Замер.

— Вы советские лиди? — спросил тогда Николас, задыхаясь. Очевидно, да; ЗапДемовские лиди едва ли…

Внезапно он заметил штамп на корпусе ближайшего к нему лиди, и это была не кириллица, не русские слова, а английские. Отчетливо про-

крашенные слова, нанесенные при помощи трафарета и единственного мазка широкой кисти — но нанесенные не в подземном убежище; это было сделано позже, когда лиди уже подняли на поверхность через шахту. Возможно, он был даже производства «Том Микс», но это уже было в прошлом, стало неважным, потому что странная трафаретная надпись гласила:

СОБСТВЕННОСТЬ ДЭВИДА ЛАНТАНО
ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ НОМЕР АГЕНТСТВА 3–567–587–1
ПРИ ВОЗВРАТЕ ВОПРОСОВ НЕ БУДЕТ,
НО СОСТОЯНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ МЕЖДУ ХОРОШИМ И ОТЛИЧНЫМ

12

Пока он стоял, уставившись на непонятный знак на груди лиди, тот сказал ему:

— Извините нас, сэр, за наше непростительное обхождение с вами, однако мы крайне торопились удалить вас от вашего туннеля и в то же время по возможности закрыть его. Возможно, вы сможете сказать нам прямо, дабы избегнуть использования дополнительных приспособлений для обнаружения. Не готовятся ли еще какие-либо индивидуумы из вашего танка — а может быть, уже и находятся в процессе — последовать за вами?

Николас промямлил:

— Нет.

— Понимаю, — сказал лиди и кивнул, словно удовлетворенный ответом. — Следующим нашим вопросом будет такой: что заставило вас пробурить вертикальный туннель в нарушение существующих законов, предусматривающих суровое наказание?

Его компаньон, подстреленный лиди, добавил:

— Другими словами, сэр, будьте любезны объ-

яснить, зачем вы здесь.

После паузы Николас сбивчиво ответил:

— Я… поднялся, чтобы кое-что достать.

— Не могли бы вы назвать нам природу этого «кое-чего»? — уточнил целый лиди.

Он никак, даже ради спасения жизни, не мог сообразить — отвечать ему или нет; все окружающее, сам мир вокруг него и эти обитатели мира, металлические, но вежливые, давящие на него, но уважительные, — все это до крайней степени дезориентировало Николаса и поставило в тупик.

— Мы дадим вам некоторое время, — сказал незадетый лиди, — для того, чтобы прийти в себя. Тем не менее мы вынуждены настаивать на том, чтобы вы отвечали. — Лиди двинулся к нему с каким-то прибором в аналоге руки. — Я бы хотел, чтобы вы подверглись полиграфической проверке ваших заявлений; другими словами, сэр, измерению независимой воспринимающей системой достоверности ваших ответов. Ничего личного, сэр, это рутинная процедура.

Николас не успел опомниться, как детектор лжи оказался защелкнут на его запястье.

— Ну а теперь, сэр, — продолжил тот же лиди, — какое описание условий, встреченных

вами тут, на поверхности Земли, дали вы вашим друзьям-танкерам внизу при помощи системы связи, которую мы только что привели в негодность? Будьте добры, расскажите нам об этом в полных и точных подробностях.

— Я… не знаю, — выдавил Николас.

Поврежденный лиди обратился к своему компаньону:

— Нет необходимости спрашивать его об этом; я находился достаточно близко для того, чтобы записать разговор.

— Пожалуйста, воспроизведи запись, — сказал тот.

К ужасу и отвращению Николаса, из динамика поврежденного лиди тут же раздались звуки записи его разговора с людьми внизу. Изо рта лиди доносились чуть писклявые, отдаленные, но отчетливо слышимые слова, словно бы лиди превратился в него самого, в отвратительную пародию.

– Эй, президент Сент-Джеймс! Вы наверху?

А затем его собственный голос, как ему показалось — чуть ускоренный, отвечающий:

– Я наверху.

– Рассказывайте же; поговорите с нами, как оно там?

– Прежде всего, небо серое…

Он вынужден был стоять здесь, с этой парой лиди, и выслушать все еще раз сначала и до конца; и все это время он спрашивал у себя, снова и снова: *что происходит?*

В конце концов прослушивание разговора завершилось; двое лиди посовещались.

— Он не сообщил им ничего ценного, — постановил незадетый лиди.

— Я согласен, — кивнул подстреленный. — Спроси у него снова, собираются ли они выходить еще. — Обе металлические головы повернулись к Николасу; они смотрели на него крайне внимательно. — Мистер Сент-Джеймс, последует ли кто-либо за вами сейчас или позже?

— Нет, — ответил он хрипло.

— Полиграф, — сказал подстреленный, — подтверждает его заявление. Тогда еще раз, мистер Сент-Джеймс, относительно цели вашего визита посредством туннеля на поверхность. Я почтительно настаиваю, сэр, чтобы вы сообщили нам; вы *должны* сказать, почему вы здесь.

— Нет, — сказал он.

Поврежденный лиди обратился к своему компаньону.

— Свяжись с мистером Лантано и попроси уточ-

нить, следует ли нам убить мистера Сент-Джеймса или передать его в организацию Рансибла или психиатрам в Берлин. Твой передатчик исправен; мой же был уничтожен оружием мистера Сент-Джеймса.

После некоторой паузы неповрежденный лиди сказал:

— Мистера Лантано в настоящий момент нет на вилле; домашние служащие и дворовые работники утверждают, что он в Агентстве, в Нью-Йорке.

— Могут ли они связаться с ним там?

Лиди замолчали. Затем наконец неповрежденный лиди сказал:

— Они связались с Агентством по видеосвязи. Мистер Лантано был там и работал на компьютере, однако он уже отбыл, и никто в Агентстве не может сказать куда, а также когда он появится вновь; он не оставил им никакого сообщения на этот счет. — Он добавил: — Нам придется принимать решение самостоятельно.

— Я выражаю несогласие, — сказал поврежденный. — В отсутствие мистера Лантано нам следует связаться с ближайшим Янси-мэном и полагаться на его суждение, а не на собственное. При помощи видеосвязи на вилле мы можем попытаться связаться с мистером Артуром Б. Тау-

бером в его поместье к востоку. Или если не с ним, то с кем угодно в нью-йоркском Агентстве; я хочу подчеркнуть, что мистер Сент-Джеймс никому внизу не рассказал об условиях на поверхности, таким образом, его смерть будет воспринята ими как вполне обычная и оправданная гибель на войне. Их это устроит.

— Твое последнее замечание очень верное, — сказал его компаньон. — Поэтому я считаю, что нам следует убить его и не беспокоить Янси-мэна мистера Артура Б. Таубера, который в любом случае наверняка сейчас в Агентстве, и к тому времени, когда мы…

— Я согласен. — Поврежденный лиди выдвинул из корпуса некий трубчатый аппарат, и Николас понял, что это и станет орудием смерти, каковая сейчас без долгих споров с ним и случится: диалог между двумя лиди — и он никак не мог отделаться от мысли *мы сделали их сами, внизу, в наших мастерских; это творения наших рук* — этот диалог завершился, и решение было принято.

— Подождите, — сказал он.

Двое лиди, словно в силу формальной, воспитанной вежливости, ждали; пока еще не убивали его.

— Скажите мне, — сказал он, — почему, если

вы ЗапДемовские, а не НарБлоковские, и я ведь знаю, что вы ЗапДем; я вижу надписи на вас обоих — зачем вам убивать меня? — Взывая к ним, к этому необыкновенно чувствительному и рациональному нейронному оборудованию, к высокоорганизованным мозговым способностям каждого — они были тип шесть, — он сказал: — Я поднялся наверх для того, чтобы достать искусственную поджелудочную железу, чтобы мы могли выполнить нашу квоту, план по выпуску военной продукции. Артифорг, понимаете? Для нашего главного механика. Для оборонной промышленности. — Но, подумал он, я не вижу никаких признаков войны. Я вижу свидетельства того, что война была, но прошла… он видел руины, но те были недвижны; картина разрушений несла отпечаток прошедших лет, а вдалеке он и в самом деле видел деревья. И те выглядели молодыми и здоровыми. Так вот в чем дело, подумал он. *Война закончена.* Одна из сторон победила или как-то иначе, но бои завершились, и теперь эти лиди не принадлежат ЗапДему и не являются частью армии правительства, а являются собственностью человека, чье имя отпечатано на них, этого Дэвида Лантано. И это от него они получают приказы — когда им удается его найти.

Но именно сейчас его нет поблизости, чтобы я мог апеллировать к нему. И поэтому мне придется умереть.

— Полиграф, — сказал раненый лиди, — указывает на серьезный мыслительный процесс со стороны мистера Сент-Джеймса. Возможно, было бы гуманным информировать его о том, что… — Он прервался. Потому что его распылило; там, где он стоял, возник фонтан разрозненных фрагментов, вертикальная колонна, что покачнулась и мгновенно рассыпалась. Второй лиди крутнулся вокруг, совершив полный оборот, словно некий металлический шпиль; он опытным взглядом выискивал источник той силы, что уничтожила его компаньона, но пока он делал это, концентрированный луч смерти коснулся и его, и он прекратил вращение. Он сложился внутрь, рассыпался на части и затих, и Николас остался в полном одиночестве, без компании чего-либо, что жило, или говорило, или думало, даже искусственных существ; повсеместная тишина заместила хищную активность двух лиди, что вот-вот должны были разделаться с ним, и он был рад этому, испытывал невероятное и абсолютное облегчение из-за их уничтожения и все же был в растерянности; он посмотрел во все стороны, как

и второй лиди, и, так же как тот, не увидел ничего — лишь булыжники, редкие пучки сорной травы да вдали руины Шайенна.

— Эй, — позвал он громко; он начал расхаживать взад и вперед, глядя под ноги, словно мог случайно споткнуться об это доброжелательное создание в любой момент, словно бы оно могло быть размером с муху, с жучка под его ногами, чем-то ничтожным по размерам, что он мог найти, лишь буквально чуть не наступив на него. Но он так и не нашел ничего. И тишина длилась.

— Иди в Шайенн, — прогремел вдруг усиленный мегафоном голос.

Николас подпрыгнул, обернулся; за одним из валунов прятался человек, что говорил с ним, но скрывался. Почему?

— В Шайенне, — продолжал громовой голос, — ты найдешь бывших танкеров, что попали туда раньше. Не из твоего танка, конечно. Но они примут тебя. Они покажут тебе глубокие подвалы, где радиация минимальна, где ты будешь в безопасности какое-то время, пока не решишь, что хочешь делать.

— Я хочу артифорг, — сказал он упорно, словно руководствуясь вбитым, машинным рефлексом; это было все, о чем он мог сейчас думать. — Наш

главный механик…

— Я понимаю, — сказал гремящий голос. — Но советую по-прежнему: *иди в Шайенн.* Пешком туда идти не один час, а эта местность горячая, радиоактивная; тебе нельзя оставаться тут слишком долго. Спускайся в подвалы Шайенна!

— И ты не скажешь мне, кто ты?

— Тебе обязательно это знать?

Николас ответил:

— Нет, мне не обязательно это знать. Но мне бы хотелось. Это бы многое для меня значило. — Он подождал. — Пожалуйста, — добавил он.

После паузы очевидного и открытого нежелания некая фигура выступила из-за одного из валунов — так близко к нему, что он отпрянул; механическое усиление голоса оказалось технической обманкой для того, чтобы сбить с толку, не дать обнаружить источник звука — и как он, так и второй лиди попались на эту уловку, создающую фальшивое впечатление большой громкости и расстояния. Все это было обманом.

А показавшаяся фигура принадлежала…

Тэлботу Янси.

13

Стоящий у дальнего конца стола Верн Линдблом сказал:

— Думаю, этого хватит. — Он указал на несколько объектов, напоминающих оружие, а затем на аккуратно обернутые в пластик кости и черепа. Земные и внеземные; два разных, лежащих пока порознь вида, которым предстояло вскоре смешаться в земле Юты.

Джозеф Адамс был впечатлен. Профессионалу Линдблому не потребовалось много времени. И даже Стэнтон Броуз, явившийся в своем специальном самоходном кресле, выглядел удивленным. И, само собой, крайне довольным.

Еще один присутствующий не выразил никакой реакции; ему этого не было позволено: он мялся на заднем плане. Адамс задумался, кто бы это мог быть, и довольно быстро догадался, передернувшись от отвращения, что четвертым здесь был шпион Броуза, проникший в команду Рансибла; перед ним был Роберт Хиг, который должен будет найти один или несколько — начать процесс обнаружения — этих артефактов.

— Мои статьи, — сказал Адамс, — даже в черновиках еще не готовы. А у тебя уже сами артефакты сработаны! — Строго говоря, он пока только начал первую страницу первой статьи; пройдут дни, пока он закончит всю серию из трех статей, передаст их в цеха Агентства, чтобы их отпечатали в журнальной форме и скомбинировали с другими, скорее всего настоящими, научными статьями тридцатилетней давности, в довоенных выпусках *Natural World*.

— Не переживайте, — пробормотала ему древняя оплывшая масса в моторизованном кресле. — Нам не потребуются эти выпуски *Natural World* до тех пор, пока наши юристы не потащат Рансибла в Дисциплинарный совет, а на это потребуется время; пишите так быстро, как можете, но мы можем двигаться по плану вперед и закопать эти предметы — нет необходимости ждать вас, Адамс. — И Броуз прибавил, словно бы случайно: — Слава богу.

— Мы тут узнали одну вещь, — сказал Адамсу Линдблом. — Частные детективы Фута, которым Рансибл платит, предупредили его или вот-вот предупредят, что против него планируется *кое-что*. Кое-что именно такого рода. Но люди Фута никак не могут знать, что конкретно. Если только

один из нас четверых в этой комнате не агент Уэбстера Фута, но это кажется маловероятным. В конце концов, знаем лишь мы четверо.

— И еще один человек, — поправил Броуз. — Девушка, которая делала исходные чертежи, особенно крайне правдоподобные остатки инопланетных черепов. Потребовались весьма обширные познания в антропологии и анатомии, чтобы составить эти спецификации; ей нужно было точно знать, какие отличия от *Homo sapiens* необходимо подчеркнуть… увеличенные надбровные дуги над глазницами, недифференцированные коренные зубы, отсутствие резцов, более узкий подбородок, но увеличенный лобный отдел черепа, чтобы вместить высокоразвитый мозг объемом более 1500 кубических сантиметров; иными словами, изобразить расу, более эволюционно продвинутую, чем мы. И то же самое вот с этим. — Он указал на кости. — Ни один любитель не смог бы сесть и начертить большую и малую берцовые кости так, как это сделала она.

— А как насчет нее? — спросил Адамс. — Не выдаст ли она что-либо Рансиблу или людям Уэбстера Фута? — Как, подумал он, я все еще могу и сам поступить… о чем ты, Верн Линдблом,

знаешь.

Броуз сказал:

— Она мертва.

Повисла тишина.

— Я выхожу из игры, — сказал Линдблом. Он обернулся и как сомнамбула направился к двери.

Мгновенно на его пути, блокируя дверь, из ниоткуда материализовались два агента Броуза в своих начищенных до блеска сапогах и с изысканно холодными лицами; господь милосердный, откуда они взялись? Адамс ужаснулся; они ведь на самом деле все это время были в комнате, но благодаря какому-то технологическому волшебству оставались абсолютно невидимыми. Это камуфляж, понял он; древний и популярный шпионский прием… они сливались с материалом стен комнаты.

Броуз сказал:

— Никто ее не убивал; у нее случился сердечный приступ. Слишком напряженная работа; она, к сожалению, надорвалась из-за весьма жесткого срока, что мы дали ей. Боже, она была ценным работником; гляньте только на качество ее работы. — Он ткнул пухлым и дряблым пальцем в ксерокопию исходного рулона со специфика-

циями.

Линдблом заколебался.

— Я…

— Это правда, — сказал Броуз. — Вы можете посмотреть медицинское заключение. Арлин Дэвидсон; ее поместье в Нью-Джерси. Вы знали ее.

— Да, верно, — сказал наконец Линдблом, обращаясь к Адамсу. — У Арлин действительно было увеличенное сердце, и ее предупреждали, чтобы она не перетруждалась. Но они… — Он злобно и в то же время беспомощно кивнул головой на Броуза. — Они насели на нее. Им непременно надо было иметь этот их материал к конкретной дате, по плану. — Он вновь повернулся к Адамсу. — Это как с нами. Я свою часть сделал; я умею работать быстро под давлением. А как насчет тебя? Ты точно доживешь до конца своих трех статей?

— Доживу, — сказал Адамс. У меня нормальное сердце, подумал он, и в детстве у меня не было ревматической лихорадки, как у Арлин. Но если бы она была, на меня бы давили все равно, Верн прав, как они и поступили с Арлин, даже если бы это убило меня; главное, чтобы я умер *после того*, как сделаю им работу. Он почувствовал слабость, бессилие и печаль. Наша фабрика лжи, подумал он, требует от нас многого; *может, мы и правя-*

щая элита, но мы не сидим сложа руки. Даже самому Броузу приходится без устали работать. И это в его-то возрасте.

— А почему Арлин не получила искусственное сердце, артифорг? — подал голос Роберт Хиг, ошеломив этим всех присутствующих. Он говорил словно извиняясь, но вопрос и впрямь был хорошим.

— Сердец не осталось, — пробурчал Броуз, раздосадованный тем, что Хиг вступил в разговор. Тем более таким образом.

— Насколько я понимаю, как минимум два… — Хиг попытался продолжить, но Броуз резко оборвал его.

— Не осталось *свободных*, — уточнил он.

Иными словами, понял Адамс, они физически существуют на том подземном складе в Колорадо. Но они для тебя, неповоротливый, слюнявый, сопливый, гниющий и старый мешок с жиром; тебе нужны все искусственные сердца, что только существуют, чтобы поддерживать функционирование своего трупа. Очень жаль, что мы не можем воспроизвести тот процесс, что разработал единственный лицензированный довоенный производитель… очень жаль, что мы не можем выпускать сердце за сердцем сами, в цехах Агент-

ства здесь, или хотя бы выслать по кабелю заказ в один из танков побольше, чтобы они собрали нам партию.

Черт, и ведь мы можем произвести здесь сердце, подумал он. Но это будет имитатор сердца; оно будет выглядеть как настоящее, биться как настоящее… вот только при попытке хирургически его вживить обман вскроется, как вскрывается все, что мы делаем. И *этим* жизнь пациента не продлить.

То, что мы производим, осознал он с горечью, не сможет продлить жизнь даже на секунду. Это многое говорит о нас и о нашей эффективности. Господи боже. И чувство печали в нем все росло; все тот же огромный и ужасный внутренний туман грыз его, пока он стоял в этой переговорной комнате в Агентстве рядом со своим коллегой и близким другом Верном Линдбломом, и со своим работодателем Стэнтоном Броузом, и с этим ничтожеством Робертом Хигом, который, как ни поразительно, задал единственный точный вопрос; молодец, Хиг, подумал Адамс. Молодец, что осмелился об этом спросить. Никогда ведь не скажешь; нельзя списывать человека со счетов заранее, каким бы бесцветным, пустым и продажным он ни казался.

Линдблом тяжело и неохотно, но все-таки вернулся наконец к столу с новенькими артефактами. Он заговорил — медленно и заторможенно, как-то механически, без души:

— В любом случае, Джо, поскольку Рансибл немедленно сделает радиоуглеродный анализ находок, то недостаточно, чтобы артефакты выглядели шестисотлетними. Они должны *быть* шестисотлетними.

— Вы понимаете, — обратился Броуз к Адамсу, — что иначе мы бы не просили Верна изготовить артефакты «с иголочки»? Как и ваши статьи в журнале, их необходимо искусственно состарить. Как видите, пока это не сделано.

Адамс вынужден был согласиться с Броузом — старение подделывать нельзя, иначе Рансибл мгновенно раскроет подделку. Выходит… выходит, что это правда. Он сказал:

— Ходят слухи. Относительно чего-то вроде временно́го ковша. Мы слышали их, но не были уверены, да и не могли быть.

— Да, ковш доставит их в то время, — сказал ему Броуз. — Он может отправлять предметы в прошлое, но не может ничего оттуда забрать; это дорога в один конец. Вы знаете, отчего так, Верн? — повернулся он к Линдблому.

— Нет, — ответил Линдблом. Адамсу же он пояснил: — Это оружие, и его уже во время войны разработала одна относительно небольшая фирма из Чикаго. Советская ракета накрыла фирму вместе со всем ее персоналом; и теперь у нас есть ковш времени, но мы не знаем ни как он работает, ни как воспроизвести его.

— Но он работает, — сказал Броуз. — Он может отправлять в прошлое небольшие предметы; мы положим в ковш эти артефакты, черепа и кости, все, что есть на столе, одно за другим; дело будет глубокой ночью на земле Рансибла в южной Юте — и с нами будут геологи, которые подскажут, на какую глубину их закладывать, и команда лиди, чтобы рыть. Все должно быть сделано крайне точно, потому что если мы зароем их слишком глубоко, то автоматические бульдозеры Рансибла не смогут их откопать. Понимаете?

— Угу, — хмыкнул Адамс. И подумал: господи, такое изобретение — и используется в таких целях. Мы могли бы отправлять в прошлое научные данные, конструкции невероятной ценности для цивилизаций прошлого — рецепты медицинских препаратов… мы могли бы оказывать огромную помощь людям и целым обществам прошлого; всего несколько справочников, переведенных на

латынь, или греческий, или староанглийский… мы могли бы предотвращать войны, могли поставлять лекарства, что остановили бы чуму в Средние века. Мы могли бы связаться с Оппенгеймером и Теллером, убедить их не разрабатывать атомную и водородную бомбы — для этого хватило бы всего нескольких отрывков хроники только что пережитой нами войны. Но нет. Ковш будет использоваться для махинаций, для жульничества, одного из «улучшений» в серии улучшений, при помощи которых Стэнтон Броуз захватит еще больше власти. А изначально ведь это изобретение задумывалось для чего-то еще более отвратительного; оно было оружием для ведения войны.

Мы проклятая раса, осознал Адамс. Книга Бытия права, на нас лежит стигма, клеймо. Потому что только проклятый, заклейменный, порочный вид будет использовать свои изобретения так, как мы используем свои.

— Строго говоря, — сказал Верн Линдблом и нагнулся, чтобы взять со стола один из жутковатых образцов «внеземного оружия», — я знал, что ковш времени задумывался как оружие — та фирмочка из Чикаго назвала его «Обратный метаболический дистрибутор» или что-то вроде, — и

потому разработал вот это, основываясь на его дизайне. — Он протянул Адамсу трубчатый предмет. — Обратный метаболический дистрибутор так и не принял участия в войне, — сказал он, — поэтому мы не знаем, как бы он функционировал. Но мне все равно требовался прототип для…

— Я не вижу ваших губ, — пожаловался Броуз; он быстро развернул свое моторизованное кресло так, что теперь мог видеть лицо Линдблома.

Линдблом сказал:

— Как я только что объяснял Адамсу, мне требовался какой-либо прототип для «внеземного оружия»; очевидно, я не мог просто надеть некий чужеродный корпус на привычные нам образцы оружия времен Третьей мировой, ибо эксперты Рансибла могли найти достаточное количество сохранившихся элементов, чтобы отметить сходство. Иными словами…

— Да уж, — согласился Броуз. — Это было бы действительно слишком странным совпадением, если бы инопланетяне, что вторглись на Землю шестьсот лет назад, чисто случайно использовали бы то же самое оружие, что и мы в последней войне… с единственным отличием, как правильно говорит Верн, во внешнем корпусе, который начертила Арлин.

— Следовательно, я должен был наполнить его компонентами, в наше время неизвестными, — продолжил Линдблом. — Изобрести их у меня не было возможности, поэтому я обратился к архивам перспективных вооружений здесь, в Агентстве, а в архивах полно образцов оружия, которые так никогда и не поступили в войска. — Он покосился на Броуза. — Мистер Броуз обеспечил мне доступ, иначе я не смог бы туда попасть. — Архивы перспективных вооружений Агентства были одним из многих секторов Нью-Йорка, которые Броуз закрепил за собой, точно так же, как и артифорги в их подземном хранилище в Колорадо. Все фальшивое было доступно любому Янси-мэну. Но настоящее было зарезервировано для Броуза лично. Или, как в этом случае, для его доверенных лиц, маленькой команды, что работала под его личным руководством над секретным проектом. Неизвестным классу Янси-мэнов в целом.

— То есть это и вправду оружие, — поразился Адамс, почти со страхом разглядывая артефакты непривычной формы. *До чего глубоко зашла эта фальсификация.* — То есть я могу взять одно из них и…

— Ну да, — весело подтвердил Броуз. — При-

стрелить меня. Берите любое и цельтесь в меня, ну или если вам Верн надоел, то в него.

Верн Линдблом сказал:

— Они не работают, Джо. Но после шестисот лет в земле Юты… — Он улыбнулся Джозефу Адамсу. — Если бы я мог сделать их действующими, то мог бы захватить мир.

— Это точно, — хмыкнул Броуз. — И вы бы работали на Верна, а не на меня. Нам пришлось достать — как он там назывался? — Обратный метаболический дистрибутор, да, его прототип, из оружейных архивов, чтобы использовать его для наших целей, так что у Верна была преотличнейшая возможность открыть его и покопаться внутри… — Он тут же поправился: — Нет, точно; вам ведь было запрещено копаться, я прав, Верн? Память меня подводит.

Верн скованно ответил:

— Мне позволили посмотреть. Но не трогать.

— Такому рукастому парню, как Верн, это было больно, — сказал Броуз Адамсу. — Он любит ощупать вещь пальцами, а тут дали только посмотреть. — Он иронически хмыкнул. — Понимаю, Верн, насколько болезненным был для вас мимолетный взгляд на прототипы вооружений времен войны, передовые технологии, которые

не вышли в серию, никогда не выпускались ни на наших, ни на советских автофабриках. Ну, когда-нибудь мой мозг откажет… артериосклероз или нечто подобное, тромб или опухоль, и тогда вы сможете победить всех остальных коллег и занять мое место. И вот *тогда* вы сможете отправиться в сектор перспективных вооружений нашего оружейного архива, и трогать, и копаться, и ласкать их своими пальцами хоть целый день.

Из своего почтительного отдаления Роберт Хиг снова задал точный вопрос:

— Я бы хотел уточнить пару моментов, мистер Броуз. Вот я нахожу один или два из этих предметов. Конечно, они будут проржавевшими и прогнившими. Должен ли я опознать в них внеземные артефакты? Я имею в виду — когда отнесу их мистеру Рансиблу…

— Вы скажете ему, — резко ответил Броуз, — что вы, как инженер, *уверены* во внеземном происхождении этих предметов. Американские индейцы в 1425 году не могли изготовить такого — черт, да это любой знает: вам не придется подтверждать ваш доклад Рансиблу каким-либо научным или инженерным жаргоном; вы покажете ему артефакты и сообщите, что они подняты из слоя шестисотлетней давности, и

гляньте на них — похожи они на стрелы с кремневыми наконечниками? Или, может, на сосуды из необожженной глины? Или на просверленные гранитные жернова? Вы говорите это, и сразу — черт, немедленно! — возвращаетесь обратно к бульдозерам, и видите, что те поднимают еще и еще — и особенно черепа, не принадлежащие человеку.

— Да, мистер Броуз, — сказал Роберт Хиг и почтительно поклонился.

Броуз сказал:

— Хотел бы я видеть лицо Луиса Рансибла в тот момент, когда вы покажете ему эти находки. — Его слабые старческие глаза увлажнились от предвкушения.

— Но вы его увидите, — напомнил ему Линдблом. — Ведь на Хиге будет работать одна из тех скрытых в пуговице камер совместно с аудиозаписью. Так что, когда начнутся судебные слушания, мы сможем предоставить доказательства того, что Рансибл не мог не знать о находках, а равно и об их научной ценности. — В его голосе чуть слышна была нотка презрения — презрения к стареющему мозгу, который был не в состоянии хранить все факты, который уже забыл эту принципиально важную часть проекта. Адамсу

Линдблом пояснил: — Ты знаешь эти маленькие камеры. Готтлиб Фишер постоянно использовал их в своих «документальных» фильмах; именно с их помощью он получал все эти «размытые и нечеткие секретные шпионские кадры».

— О да, — хмуро подтвердил Адамс. — Я знаю. — Уж *он-то* точно никогда не забудет о существовании этой знаменитой камеры-пуговицы. В районе 1943 года, подумал он едко, если верить Фишеру. — А ты уверен, — спросил он, — что не сделал эти находки *слишком* ценными? Такой фантастически огромной научной ценности, что даже Рансибл…

— По расчетам берлинских психиатров, — ответил ему Броуз, — чем выше научная ценность, тем больше он будет бояться потерять свою землю. И тем больше будет склонен утаить находку.

— Вам придется проделать огромную кучу работы впустую, — сказал Адамс, — если ваши берлинские психиатры не угадали. — И внутри себя он почувствовал надежду на то, что так и случится. Надежду на то, что Рансибл совершит достойный поступок, немедленно заявит всему миру о находке — вместо того, чтобы сплясать под дудку врагов из-за своих слабостей, страхов и страстей, своей жадности.

Но предчувствие говорило ему, что берлинские психиатры не ошиблись.

И если кто-то — бог весть кто — не придет на помощь Луису Рансиблу, то он уже обречен.

14

В солнечном свете, просачивающемся через увитую плющом обрешетку веранды своей кейптаунской виллы, Луис Рансибл лежа принимал доклад у доставившего очередную сводку представителя частного детективного агентства «Уэбстер Фут, Лимитед, Лондон».

— Утром в понедельник, — сказал тот, глядя в подшитые документы, — наши подслушивающие устройства перехватили видеоразговор между двумя Янси-мэнами, Джозефом Адамсом из управления Идей и Верном Линдбломом из отдела Строительства. Линдблом в основном строит для Айзенбладта, однако в последнее время Броуз прикрепил его к Агентству в Нью-Йорке.

— И что же, — спросил Луис Рансибл, — в своем разговоре они упоминали меня?

— Нет, — признал детектив.

— Тогда какого, собственно…

— Нам кажется, то есть лично мистеру Футу кажется, что вам необходимо ознакомиться с этими сведениями. Позвольте мне кратко изложить их.

— Ладно, — смирился Рансибл. — Излагайте.

Черт, подумал он, я и так знаю, что они открыли на меня охоту. И хотел бы за свои деньги получать от вас нечто большее, чем очередное подтверждение этого. Чтобы это знать, мне не нужен Уэбстер Фут.

Детектив продолжил:

— Адамс и Линдблом обсуждали очередной визуальный проект, который Айзенбладт будет снимать на своей московской студии; это будет уничтожение Сан-Франциско. Адамс упомянул новую речь, которую он написал и собирается прогнать через компьютер и затем загрузить в симулякр. «Написана от руки», — уточнил он.

— И за это я вам плачу…

— Еще минуту, мистер Рансибл, — ледяным тоном отозвался его собеседник в своей чисто английской манере. — Сейчас я процитирую точные слова Янси-мэна Линдблома, прямо из нашей записи. «До меня тут дошли слухи». Как вы понимаете, он обращался к своему другу. «Тебя снимают с речей и отправляют на спецпроект. Не спрашивай какой; мой источник сам не знал. У меня информация от сотрудника Фута». — Детектив замолчал.

— Что дальше?

— Затем в разговоре была упомянута архео-

логия.

— Хммм.

— Они обменялись шутками о разрушении Карфагена и военном флоте Афин. Довольно забавно, но значения не имеет. Позвольте мне, однако, уточнить один момент. То, что сказал Янси-мэн Линдблом, было неправдой. Никто из нашей корпорации не информировал его ни о каком «секретном проекте». Он, вне всякого сомнения, сказал так Адамсу для того, чтобы тот не донимал его насчет деталей. Очевидно, его источник находился внутри нью-йоркского Агентства. Однако…

— Однако мы теперь знаем, — сказал Рансибл, — что затевается некий спецпроект и в него вовлечены один из спичрайтеров и один из строителей картонных городов для Айзенбладта, и это проект высшей секретности. Даже внутри Агентства.

— Абсолютно верно. Такой вывод можно сделать из нежелания Линдблома раскрыть…

— Какая у Уэбстера Фута теория насчет этого? — спросил Рансибл. — Что, по его мнению, все это означает?

— После упомянутого сеанса видеосвязи в понедельник строитель Верн Линдблом был

беспрерывно занят работой; он ночевал либо в Агентстве, либо в студии Айзенбладта в Москве — у него не было времени, чтобы вернуться в свое поместье и отдохнуть там. Это первое. Второе. На этой неделе ни одна речь Адамса не загружалась в компьютер. Иными словами, он не успел даже загрузить свою речь, которую…

— И это, — перебил его Рансибл, — все, что вы, ребята, раскопали? На этом — *все?*

— Нам известен лишь еще один факт, который может быть значимым. Броуз несколько раз покидал Женеву и летал на скоростном флэппле в Агентство. И как минимум единожды — возможно, дважды — совещался с Адамсом, Линдбломом и, возможно, еще с одним-двумя сотрудниками; здесь мы не уверены точно. Как я уже говорил, мистер Фут убежден, что этот «спецпроект» каким-то образом касается вас, а, как известно, мистер Фут полагается на свои не ярко выраженные, но достаточно полезные парапсихологические предчувствия, свою интуитивную способность предугадывать грядущие события. В данном случае тем не менее он не может ничего предсказать четко. Но он желает подчеркнуть следующее: *пожалуйста, уведомляйте его обо всем необычном, что случится в ходе ведения*

вами дел. Сколь угодно мелком и тривиальном. И незамедлительно свяжитесь с мистером Футом до того, как предпринимать что-либо еще; мистер Фут совершенно явно на экстрасенсорном уровне обеспокоен вашим благополучием.

Рансибл язвительно заметил:

— Жаль, что беспокойство Уэбстера не вылилось в более конкретные данные.

Его собеседник в философском жесте развел руками.

— Без сомнения, сам мистер Фут тоже весьма об этом сожалеет. — Он несколько раз перелистнул свои документы, явно пытаясь что-то еще оттуда выудить. — О, еще одно. Может быть, и не имеющее отношения к вопросу, но достойное внимания. Женщина, Янси-мэн, по имени Арлин Дэвидсон, с поместьем в Нью-Джерси; ведущий чертежник Агентства. Умерла от тяжелого сердечного приступа в прошлые выходные. Поздно вечером в субботу.

— Проводились ли попытки поставить ей искусственное сердце, артифорг?

— Никаких попыток.

— Вот же тварь вонючая, — сказал Рансибл, имея в виду Броуза. Предельно ненавидя того — было невозможно ненавидеть Броуза больше,

чем он уже это делал.

— Было известно, — сказал детектив, — что у нее слабое сердце. С детства увеличенное из-за перенесенной ревматической лихорадки.

— Иначе говоря…

— Возможно, ей выставили дедлайн на что-то очень важное, и она перетрудилась. Это, конечно, чистой воды догадки. Но для Броуза в высшей степени необычно так часто летать из Женевы в Нью-Йорк; как ни крути, ему уже за восемьдесят. Этот спецпроект…

— Да, — согласился Рансибл. — Это, безусловно, что-то серьезное. — Он еще поразмыслил, а потом полувопросительно сказал: — Броуз, без сомнения, имеет своих людей в моей организации.

— Без сомнения.

— Но я не знаю, и вы не знаете…

— Нам по сей день не удалось вычислить агента или агентов Броуза в вашем окружении. Я приношу извинения. — Детектив выглядел искренне расстроенным; для «Уэбстер Фут, Лимитед» стало бы крупной победой выявление стукачей Броуза, состоящих в штате Рансибла.

— Я все думаю о Юте, — негромко сказал Рансибл.

— Простите?

— Я вот-вот отдам приказ начинать своим командам лиди и тяжелым автоматическим устройствам, близ бывшего Сент-Джорджа. — Эта информация была достаточно широко известна.

— Мистер Фут знает об этом, но рекомендаций по этому поводу не имеет; по крайней мере, мне он ничего на этот счет не передавал.

Луис Рансибл приподнялся, а затем и вовсе встал.

— Думаю, нет смысла ждать. Я свяжусь с ними по видеосвязи и прикажу начинать работы. И буду надеяться.

— Да, сэр, — кивнул детектив.

— Пятьдесят тысяч человек, — сказал Рансибл.

— Да, это будет крупный комплекс.

— Которые будут жить там, где должны, под лучами солнца. А не в поганой яме. Словно саламандра на дне пересохшего колодца.

Все еще копаясь в документах, безнадежно пытаясь отыскать хоть что-то полезное, курьер от Фута сказал:

— Желаю вам удачи. Может быть, в следующий раз…

И мимолетно задумался о том, будет ли вообще для Рансибла следующая сводка. Сегодняшняя, безусловно недостаточная, вполне могла оказать-

ся последней, если экстрасенсорное предчувствие его нанимателя, Уэбстера Фута, не солгало.

А обычно такие предчувствия оправдывались.

15

Из исковерканных, неизящно разбросанных обломков, что когда-то были высокими зданиями и улицами, сложными и крепкими структурами крупного города, навстречу Николасу Сент-Джеймсу поднялись четверо мужчин.

— Как вышло, — спросил первый из них, а все были заросшими, оборванными, но явно здоровыми, — что лиди тебя не заметили?

Измотанный до предела, Николас чуть постоял, а потом сел на ближайший обломок камня, тщетно поискал в карманах сигарету — пачку вытащил лиди — и сказал:

— Двое заметили. Когда я вылез. Они, видимо, уловили вибрацию ковша.

— Да, они очень чувствительны к этому, — согласился лидер группы. — К любой механике. И к любым радиосигналам; если ты, например…

— Ага. Разговаривал по интеркому. Они записали весь разговор.

— Как они тебя отпустили?

— Их уничтожили, — сказал Николас.

— Твои друзья-танкеры отправились за тобой

и грохнули их. Мы тоже так сделали: нас изначально было пятеро, и первого они схватили. Они его не собирались убивать; хотели утащить его в один из этих… а, ты же не знаешь. Конапты Рансибла. Как есть тюрьмы. — Он продолжал рассматривать Николаса. — Только мы их сзади накрыли. Но первого они убили, или, точней, он погиб, когда мы открыли огонь по лиди. Думаю, в этом есть наша вина. — Мужчина сделал паузу, затем представился: — Меня зовут Джек Блэр.

Один из его бородачей спросил:

— А ты из какого танка?

— «Том Микс», — ответил Николас.

— Далеко отсюда?

— Четыре часа пешком. — Он замолчал. Они, судя по всему, тоже не знали, что сказать; повисла неловкая тишина, никто не поднимал взгляд, и наконец Николас сказал: — Тех двух лиди, что схватили меня, уничтожил Тэлбот Янси.

Бородачи уставились на него, не отрывая взгляд. Не моргая.

— Господом богом клянусь, — сказал Николас. — Я знаю, что в это нелегко поверить, но я видел его. Он не собирался выходить; он не хотел, но я очень попросил. И я хорошо и близко его рассмотрел. Никаких сомнений. — Четверка

бородачей продолжала таращиться на него. — Ну как я мог его не узнать? — сказал тогда Николас. — Я пятнадцать лет видел его по телевизору, три, четыре, а то и пять вечеров в неделю.

После длительной паузы Джек Блэр сказал:

— Но… дело все в том, что нет никакого Тэлбота Янси.

Один из остальных попытался пояснить:

— Понимаешь, тут вот оно как, это всё обман, фейк; такие дела.

— Что «всё»? — переспросил Николас, и все же он уже понял; перед ним мгновенной вспышкой открылось невероятное: ложь таких гигантских размеров, что и описать невозможно. Воистину, она превосходила всяческое воображение, и эти люди напрасно пытались объяснить, и ему придется увидеть, испытать все самому.

Джек Блэр сказал:

— То, на что вы смотрите каждый вечер на вашем телеэкране, там, внизу, в этом, как ты сказал? «Том Микс»? Ну, в общем, там, в вашем танке, то, что вы называете «Янси», Протектор, — это робот.

— Даже и не робот, — поправил еще один из бородачей. — Он даже не автономный, как они говорят, гомео; это просто манекен, кукла, что

сидит там, за тем столом.

— Но этот манекен говорит, — задумчиво сказал Николас. — Говорит героические речи. В смысле, я с тобой не спорю. Я просто не понимаю.

— Он говорит, — объяснил Джек Блэр, — потому что большой компьютер под названием Мегавак 6-V, ну или что-то вроде, программирует его.

— А кто программирует компьютер? — помедлив, спросил Николас. Весь этот разговор был каким-то медленным, тяжелым, словно бы происходящим во сне, словно бы они пытались разговаривать под водой; как будто огромная тяжесть заполняла их всех. — Кто-то, — сказал он, — должен же эти речи вводить в компьютер; сам-то он не сможет…

— У них есть специально обученные люди, — сказал Джек Блэр. — Их зовут Янси-мэнами. Эти Янси-мэны все и придумывают, они пишут речи и вводят их в Мегавак 6-V, и тот обрабатывает еще их тексты, добавляет верные интонации и жесты для манекена. Так, чтобы выглядело достоверно. А потом они все это снимают на пленку, и в Женеве ее просматривает главный Янси-мэн, который всем и правит, чувак по фамилии Броуз. И когда он одобряет запись, ее ставят на коаксиальный кабель и отправляют во все танки ЗапДема.

Один из его людей добавил:

— В России есть такой же.

— Но как же война… — сказал Николас.

— Кончилась годы назад, — ответил Джек Блэр.

Николас кивнул.

— Вижу.

— Они совместно пользуются «Мосфильмом», — сказал Блэр. — И точно так же — нью-йоркским Агентством. У комми есть талантливый режиссер по имени Айзенбладт; он и ставит все военные сцены, что вы видите на вашем телеэкране. Обычно они снимают все это в миниатюре, но бывает и в натуральную величину. Например, когда показывают, как лиди дерутся друг с другом. Он здорово работает. В том смысле, что очень убедительно; я и сам помню, да вдобавок мы иногда ловим эти передачи на наш телевизор тут, когда он работает. Нас тоже дурачили, когда мы были внизу. Он, Айзенбладт этот, и его Янси-мэны; они одурачили почти всех, ну, кроме тех танкеров, что все же выходят наверх. Вот как ты.

Николас сказал:

— Но я вышел не из-за того, что догадался. — Кэрол начала догадываться, сказал он себе; Кэрол была права. Она умнее меня; *она знала*. — Весь

мир похож на это? — Он обвел рукой руины Шайенна. — Радиация? Одни руины?

— Да черта с два, — возбужденно ответил Блэр. — Это просто горячее пятно; нынче их не так уж и много осталось. А остальное стало парком. Они превратили мир в огромный парк, и он разделен на их поместья, имения; они, Янси-мэны, — у каждого из них есть свита из лиди. Как средневековые короли. Прямо даже интересно. — Его голос потух. — Ну, в смысле, это несправедливо. По крайней мере, я так думаю.

Остальные бородачи согласно закивали. Это было несправедливо. Вне всякого сомнения.

— Как вы вообще тут живете? — спросил Николас. Он указал на их четверку. — Где вы достаете пищу? — Он вспомнил еще кое о чем. — Вас тут всего сколько?

— В нашей группе двести бывших танкеров, — ответил Блэр. — Живем тут, в руинах Шайенна. Мы все теоретически должны быть в тюрьмах, в огромных жилых домах, что строит этот парень, о котором я говорил, Рансибл; там не так и плохо и совсем не похоже на убежища — ну, в смысле, что ты не чувствуешь себя как крыса в консервной банке. Но мы хотим… — Он махнул рукой. — Я не могу объяснить.

— Мы хотим ходить куда угодно и возвращаться назад, — объяснил один из его товарищей. — Но вообще-то при такой жизни мы не можем. Не рискуем выходить за пределы Шайенна, потому что тогда лиди поймают нас.

— А почему они сюда не заходят? — спросил Николас.

— Ну заходят, — сказал Блэр, — но они типа… ну как бы так сказать, не очень стараются, понимаешь? Чисто по обязанности. Потому что, понимаешь, тут сейчас строится новое поместье; и вилла, главное здание его, пока не закончена, ну или что-то вроде, ну и плюс радиация. Но хозяин, Янси-мэн, уже заселился сюда, рискнул. Пытается выжить, и если получится, если радиация его не убьет, то участок будет его собственностью; станет его поместьем, а он сам — доминусом.

— Дэвид Лантано? — уточнил Николас.

— Точно. — Блэр посмотрел на него странным взглядом. — А откуда ты знаешь?

— Это были его лиди, — объяснил Николас, — та пара, что зацепила меня крюком.

— И они собирались *убит*ь тебя?

Он кивнул.

Четверо бородачей обменялись опасливыми и растерянными взглядами.

— А сам Лантано был на вилле? Он это одобрил?

— Нет, — сказал Николас. — Они пытались связаться с ним, но не смогли. Так что они приняли решение сами.

— Вот же тупые уроды, — сказал Блэр и выругался. — Лантано не позволил бы им; я абсолютно уверен. Он бы вошел в положение. Но они были построены для убийства; ну, в смысле, многие лиди — ветераны войны, и у них есть рефлекс уничтожать все живое. Если их доминус не прикажет им иначе. Но тебе здорово повезло уйти живым; это ужасно — в смысле, я прям сочувствую. Реально.

— Но, — вспомнил вдруг один из бородачей, — что он там говорил насчет Янси; как такое вообще возможно?

— Я видел его, — повторил Николас. — Я знаю, что это был он.

Джек Блэр процитировал какой-то забытый текст:

— «Я видел Бога. Ты сомневаешься? Ты смеешь сомневаться?» А что за оружие использовал он, тот парень, что спас тебя? Лазерный пистолет?

— Нет. Лиди просто распылило. В прах. — Он попытался передать, насколько мгновенным

и смертоносным было уничтожение двух лиди. — Просто кучи, — сказал он. — Старых сухих чешуек, словно ржавчина. Не знаю, как еще объяснить.

— Все верно, это было продвинутое оружие какого-то Янси-мэна. — Блэр медленно кивнул. — А значит, тебя спас Янси-мэн; у бывших танкеров такого оружия нет, и я даже не знаю, как оно называется, но, скорее всего, осталось с войны — у них такого полно, и время от времени пара соседей вступают в свару из-за пограничной линии, ну знаешь, где кончается земля одного и начинается другого. И тогда они ныряют в открытую часть оружейных складов — архивов оружия — в Агентстве, в Нью-Йорке, — это там, где составляются все эти материалы для чтения, — и несутся обратно в свои поместья на своих маленьких этих флэпплах, словно черт их гонит. И потом ведут в бой свиту своих лиди; и это реально забавно — палят друг в друга словно чокнутые, убивают или калечат дюжину-другую лиди, а то, бывает, и их хозяину достается. А потом отправляют покалеченных лиди вниз, в ближайший танк, чтоб их там отремонтировали в мастерских. И вечно требуют новых лиди снизу, чтобы увеличить свои свиты.

Еще один бородач вступил в разговор:

— А у некоторых в поместьях под две тысячи лиди уже. Целая армия.

— Броуза вот взять, — сказал Блэр, — считается, что у него десять или одиннадцать тысяч, но формально *все* лиди в ЗапДеме в военном плане подчиняются генералу Хольту; у него типа приоритет, понимаешь: может отменить приказ любого Янси-мэна, любого доминуса поместья, может созвать своих лиди. Кроме, конечно, Броуза. — Он снова поник. — Никто не может отменить приказ Броуза. Броуз выше их всех; вот, к примеру, у него единственного доступ к той части оружейных архивов, где хранятся перспективные образцы, те, что и построить не успели, и там есть реально жуткие, что если использовать, то и планеты самой не станет. Война остановилась прям очень вовремя, в последний момент. Еще бы месяц — и вообще ничего б не осталось. — Он развел руками.

— Эх, сигаретку бы, — с тоской сказал Николас.

Бородачи посовещались, затем с явной неохотой протянули Николасу пачку «Лаки Страйк»; он аккуратно вытащил ровно одну сигарету и вернул остаток драгоценной пачки.

— У нас всего не хватает, — извиняющимся

тоном сказал Блэр, поднося Николасу зажигалку. — Вишь, этот новый доминус, что начал строить тут свое поместье, Дэвид Лантано этот, он парень-то неплохой. Он вроде как сдерживает своих лиди, как я и говорил, ну, когда он здесь сам, чтоб они нас не перебили и не сдали в один из этих конаптов; он вроде как даже о нас заботится. И он дает нам еду. — Блэр смолк; выражения его лица Николас разгадать не смог. — И сигареты. Да, он реально пытается нам помочь. И таблетки; лично сам приносит таблетки от радиации; они помогают с эритроцитами или что-то вроде. Он сам их тоже пьет. Ну, в смысле, ему реально приходится.

— Он болен, — добавил другой бородатый бывший танкер. — Сильно облучился; понимаешь, ему по закону надо быть тут, в горячем пятне, двенадцать часов из каждых двадцати четырех; и он не может залезать в подвалы, как мы; мы-то внизу торчим — вышли сейчас, потому что тебя заметили. — Обращаясь к Блэру, он нервно сказал: — И вообще-то нам пора возвращаться в нору прямо сейчас. Дневную дозу мы уже точно получили. — Он указал на Николаса. — И уж в особенности он; он несколько часов пешком шел по поверхности.

— Вы меня примете? — спросил Николас. — Я могу жить с вами, ребята; верно я понял?

— Ну да, — кивнул Блэр. — Так и сформировалась наша тут колония; что ж ты думаешь, мы тебя пинком выгоним? Да с чего бы? — Видно было, что он даже рассердился. — Чтоб какой-то лиди тебя убил или… — Он сделал паузу. — Хороша была бы наша благотворительность. Добро пожаловать, оставайся у нас сколько захочешь. Позже, когда узнаешь больше, может быть, захочешь сдаться, тогда пойдешь жить в какой-нибудь конапт; в этих конаптах сейчас, наверное, уже сотни тысяч бывших танкеров — это лично твой выбор. Но ты *обожди.* Прикинь, что да как. — Он двинулся по едва видимой тропке среди руин, буквально по козьей тропе; остальные, включая Николаса, пошли за ним след в след. — Некоторым потребовались целые недели, — через плечо сказал Блэр, — чтобы реально протрезветь, отряхнуть с себя то, чем кормили по кабелю целых пятнадцать лет. — Он на мгновение приостановился и обернулся, как-то очень искренне и тепло сказав Николасу: — Умом ты это все, может, уже и принял, я понимаю; но вот эмоционально это нужно пережить, все же слишком сильный удар. Нет никакого Янси и никогда не было — *никогда*

не было, мистер Сент-Николас…

— Нет, — поправил его Николас. — Николас Сент-Джеймс.

— Никогда Янси не было. А вот война *действительно* была, сначала; да ты и сам видишь. — Он жестом указал на мили и мили руин вокруг. На Шайенн. — Но Янси придумал Стэнтон Броуз, взял идею одного немецкого киношника прошлого века; ты мог о нем слышать, хоть он и умер задолго до тебя, но его документалку все еще крутят, «Победа на Западе», телесериал в двадцать пять серий о Второй мировой войне. Я в детстве смотрел.

— Готтлиб Фишер, — сказал Николас. — А как же. — Он смотрел этот великий и классический документальный фильм, и даже не один раз, а несколько; тот относился к той же категории, что и «Голубой ангел», «На Западном фронте без перемен» и «Головокружение». — И он придумал Янси? Готтлиб Фишер? — Он шел вслед за их четверкой, взволнованный и заинтересованный, недоумевая: — Но зачем?

— Чтобы править, — не останавливаясь, ответил Блэр; сейчас уже все четверо явно торопились, спеша побыстрее спуститься в то, что они назвали норой, в свой глубокий подвал, что избежал

радиационного заражения от водородных бомб, сделавших эту территорию такой.

— Править. — До Николаса наконец дошло. — Да, понятно.

— Вот только, как ты, может, помнишь, Фишер пропал без вести в том неудачном полете на Венеру; он очень хотел быть среди первых людей в космосе, просто должен был лететь, ну вот так оно и вышло, потому что…

— Да, я помню, — сказал Николас. Эта новость прошла тогда по миру огромными заголовками в прессе. Безвременная трагическая гибель Готтлиба Фишера; горючее в его космическом корабле воспламенилось во время приземления… Фишер погиб, не дожив и до сорока, так что он не смог снять больше ничего, подобного «Победе на Западе». После него были уже одни бездарности, разве что перед самой войной появились интересные экспериментальные фильмы какого-то русского, советского кинематографиста, чьи фильмы были запрещены в ЗапДеме… как его звали-то?

Пытаясь не отставать от быстро идущих впереди него бородачей, Николас все же вспомнил имя русского кинорежиссера. Айзенбладт. Тот самый человек, который, по словам Блэра, сейчас снимал фальшивые военные сцены для танкеров

как ЗапДема, так и НарБлока, визуальное подтверждение той лжи, которую составляли речи Янси. Ну, значит, жителям ЗапДема наконец-то удалось посмотреть фильмы Айзенбладта.

Очевидно, враждебности между Востоком и Западом больше не было. Айзенбладт больше не считался вражеским режиссером, как было на тот момент, когда Николас Сент-Джеймс, его жена Рита и его младший братишка Стю буквально под угрозой оружия были вынуждены спуститься в «Том Микс», как они тогда полагали, максимум на год… или, как считали записные пессимисты, на два.

Пятнадцать. И из этих пятнадцати…

— Скажи мне точно, — попросил Николас, — когда закончилась война? Сколько лет назад?

— Тебя это не обрадует, — сказал Блэр.

— Скажи. Все равно.

Блэр кивнул.

— Тринадцать лет назад. На Земле война продолжалась только два года, после того первого года на Марсе. Так что тринадцать лет, как вас водят за нос, Николас, или как ты там сказал; прости, я снова забыл. Ник. Нормально будет «Ник»?

— Вполне, — пробормотал Николас и подумал о Кэрол и Рите, о старом Мори Соузе, и о Стю, и

обо всех остальных, Йоргенсоне, и Фландерсе, и Холлере, Джиллере и Кристенсоне, Питерсоне, и Гранди, и Мартино, и дальше, и дальше, вплоть до Дэйла Нуньеса; даже вплоть до политкомиссара «Том Микс». Знал ли Нуньес? — задумался Николас. Если Нуньес знал, то я обещаю, я торжественно присягаю, я Господом Богом клянусь, что убью его, и я сделаю это своими собственными руками, чтобы почувствовать лично, и ничто не остановит меня. Но это было невозможно, потому что комиссар Нуньес был закупорен там внизу вместе с ними. Но не все это время. А только…

Нуньес знал. Он всего несколько лет назад спустился через шахту посланником «правительства Эстес-парка», посланником Янси.

— Послушайте, мистер Джеймс, — обратился к нему один из бородачей. — Я вот все думаю; если вы так и не догадались, то для чего же вы вышли наружу? Ну, в смысле, вы же рассчитывали не застать тут ничего, кроме войны, да и по телевизору вам рассказывали — ох, как я это помню! — что вас тут пристрелят с ходу…

— Это, кстати, и так чуть было с ним не произошло, — вставил Блэр.

— …из-за Пакетной чумы или Вонючего иссыхания, которых на самом-то деле не существует;

это еще один сволочной обман, который они устроили, эти две бактериальных заразы, хотя мы и вправду изобрели тот ужасный нервно-паралитический газ, Химическая корпорация Нью-Джерси, или как бишь ее; советская ракета разнесла ее вдребезги, я рад сообщить, вместе со всеми, кто был внутри. Ну, правда, это место до сих пор радиоактивное, хотя остальная часть поверхности…

— Я вышел для того, — сказал Николас, — чтобы купить искусственную поджелудочную железу. Артифорг. На черном рынке.

— Их нет, — сказал Блэр.

— Я готов… — начал было Николас.

— Их нет! Нигде! Даже Янси-мэны не могут достать их себе; Броуз закрепил их все за собой; по закону они принадлежат ему. — Блэр повернулся с искаженным от ярости лицом; словно у куклы-петрушки, что подчиняется движению пальцев у нее внутри. — Все для Броуза, которому восемьдесят два или три уже, который полон артифоргов, да они все ему заменяют, кроме мозга. А компания-изготовитель погибла, и теперь никто не умеет их изготавливать; мы откатились в развитии, в смысле, все это натворила война. Они пробовали воспроизвести, конечно, но в

лучшем случае получалось подсадить орган на месяц или около того, больше нынешние артифорги не работают. Там нужно много очень тонких технологий, понимаешь; точные приборы и инструменты и все такое — в смысле, это ведь была *настоящая* война, пока она была, не забывай. У Янси-мэнов есть свои поместья, вы там внизу клепаете для них лиди, и они летают куда хотят в своих этих чертовых маленьких флэпплах, Агентство в Нью-Йорке выдает речи, и Мегавак 6-V поддерживается в рабочем состоянии, но… упс. — Он махнул рукой и зашагал дальше молча.

Вскоре Николас повторил:

— Я должен достать поджелудочную.

— Ты никогда ее не достанешь, — ответил Блэр.

— Значит, — сказал он, — мне придется вернуться в «Том Микс» и сообщить об этом. Они могут выходить наверх, могут забыть о квоте и о том, что танк могут ликвидировать.

— Не вопрос, они могут подняться. И стать заключенными на поверхности. Это лучше; я согласен. Рансибл начинает целое созвездие конаптов в районе южной Юты; понимаешь, мы в курсе новостей, потому что Дэвид Лантано подарил нам широкополосный радиоприемник,

только аудио, без видеоряда, но мы ловим то, что передается не для танкеров, а типа переговоры между поместьями; они вечно треплются друг с другом вечерами, потому что им одиноко. Представь какого-нибудь парня одного в своем поместье на пятьдесят тысяч акров, и никого, только его лиди.

— А семьи? — спросил Николас. — Дети?

— Они почти все бесплодны, — ответил Блэр. — Вишь, они же были наверху во время войны, надо об этом помнить. В основном в Академии ВВС в Эстес-парке. И они выжили; они были элитой США, молодые кадеты ВВС. Но детей иметь они не могут. Так что в каком-то смысле они заплатили. Дорого заплатили. За то, что получили. За то, что были элитными кадетами в том огромном защищенном здании в Скалистых горах.

— Мы тоже заплатили, — сказал Николас. — Но посмотри, что *мы* получили.

— Ты, короче, не торопись, — сказал Блэр. — Подумай еще насчет этой твоей идеи вернуться в свой танк и все рассказать. Потому что как тут дела ведутся…

— Все равно им лучше выйти, — возразил ему один из его бородатых земляков. — Ты забыл, каково им там; становишься склеротиком,

будто старый Броуз. Рансибл старается, чтобы людям тут было лучше; он чертовски хороший строитель, и у них есть теннисные столы, и плавательные бассейны, и ковры от стены до стены из этой смешной пластиковой имитации…

— Ну а как же тогда вышло, — спросил Блэр, — что ты торчишь тут, в руинах, вместо того чтобы отдыхать у бассейна в одном из комплексов конаптов?

Мужчина закряхтел, засопел, махнул рукой.

— Ну я просто… просто люблю свободу.

Никто ничего не сказал; все и так было понятно.

Но еще один вопрос по-прежнему требовал объяснения, и Блэр глубоко задумался над ним. Он обратился к Николасу:

— Я все же не понимаю, Ник. Как мог Тэлбот Янси спасти тебя, если Тэлбота Янси не существует?

Николас ничего не ответил. Он слишком устал, чтобы отвечать.

Да он и все равно не знал.

16

Первый гигантский автоматический бульдозер заворчал, словно старик с радикулитом. И когда он, будто какое-то гигантское насекомое, наклонил голову, подняв хвост, первый ковш земли — огромного объема — оказался подхвачен, вырван из почвы, поднят вверх, а затем в сторону; этот ковш земли был сброшен в ожидающий конвертер, тоже автономный, работающий гомеостатически, без человеческого контроля. В его поле земля перерабатывалась в энергию, и эта энергия, которой не стоило разбрасываться, уходила по кабелю в огромный комплекс метабатарей хранения в четверти мили отсюда. Метабатарея, изобретенная непосредственно перед самой войной, могла запасать энергию в миллиарды эргов. И она могла хранить ее десятилетиями.

Энергия от метабатареи должна была обеспечивать электроснабжение готовых квартир в конаптах, когда те будут построены; стать источником для всего, что зажигалось, нагревалось, охлаждалось или крутилось.

За годы Рансибл выработал весьма эффективные методы строительства. Все шло в дело.

А настоящая прибыль, подумал Роберт Хиг, стоящий у автоматического бульдозера — а точней, у первого из них, ибо одновременно работу начали двенадцать, — поступала в конечном счете от людей, населяющих конапты. Потому что их работа внизу, в подземных убежищах, по сбору лиди для увеличения свит, частных армий владельцев поместий, сменялась теперь работой на Рансибла.

Нижние этажи каждого здания-конапта состояли из цехов, и в этих цехах изготавливались компоненты для лиди. Изготавливались вручную — сложная сеть, система автоматических фабрик на поверхности, оказалась уничтожена войной. Танкеры под землей, разумеется, об этом не знали, не представляли себе, откуда к ним поступают компоненты для сборки. Потому что если бы они узнали, то поняли бы — боже упаси, — что люди могут жить на поверхности.

И целью всего этого, подумал Хиг, было обеспечить их неведение, ибо как только они поднимутся наверх, начнется следующая война.

По крайней мере, так ему говорили. И он не спорил; в конце концов, он ведь не был Янси-мэном;

он был просто наемным служащим Агентства, Броуза. Когда-нибудь, если ему повезет и он хорошо выполнит свое задание, Броуз выдвинет его в кандидаты; тогда по закону он сможет подбирать себе горячую точку под свое поместье… если, конечно, к тому времени они еще будут существовать.

Возможно, подумал Хиг, я стану Янси-мэном по итогам одного нынешнего задания, крупного спецпроекта Агентства. И тогда я начну платить детективам Фута, чтобы они снабжали меня показаниями из горячих точек, что еще остаются; я начну свое долгое ожидание, как Дэвид Лантано ждал до недавнего времени. Если смог он, то смогу и я, ибо кто слышал о нем раньше?

— Как оно, мистер Хиг? — прокричал ему человек-рабочий сквозь гул бульдозеров, что вгрызались в землю, сбрасывали ее в конвертеры и вгрызались снова.

— Все в порядке! — крикнул Хиг в ответ.

Он подошел ближе, чтобы взглянуть на обнаженную темно-коричневую землю; бульдозеры должны были углубиться на пятнадцать метров, соорудить плоскую выемку размером в пять квадратных миль. Это ни в коей мере не было каким-то необычным заданием, автоматы Ран-

сибла могли и большее; проблема тут, на старте строительства, скорее была в том, чтобы спланировать территорию, сделать выемку ровной, а не собственно в раскопках. Команды геодезистов, состоящие из лиди высокого уровня, были видны там и тут; они использовали теодолиты на треногах, чтобы определить точную горизонталь. Таким образом, собственно земляные работы не должны были занять много времени; совсем не так, как в предвоенный год, когда лихорадочно строились и вкапывались убежища, антисептические танки — никакого сравнения.

И, значит, зарытые артефакты должны быть найдены уже скоро. Или никогда. В течение двух дней земляные работы завершатся.

Надеюсь, подумал Хиг, что прокола не случится, что это барахло не зарыли слишком глубоко. Потому что если так, то спецпроект тут же и закончится; будет поздно что-то искать, лишь только пойдет первый бетон, пойдут первые стальные сваи; да строго говоря, уже когда начнется укладка пластиковой опалубки для бетона. А опалубка уже летела сюда с места последней стройки.

И еще он сказал себе: мне надо быть готовым. В любую минуту. Остановить бульдозеры, остано-

вить весь их вой и грохот, рытье и продвижение, остановить намертво, а затем…

Начать орать изо всех сил.

Он напрягся. Потому что там, внутри коричневой твердой почвы, ниже уровня мертвых древесных корней, он уже заметил, как что-то блеснуло, что-то темное и грязное, что прошло бы незамеченным, если бы не его готовность. Лиди не заметят; бульдозеры не заметят; даже остальные инженеры-люди не заметят — у всех своя работа.

А у него была своя. Он присмотрелся внимательней. Камень это или первое из…

Да, это было оно. Темное и проржавевшее оружие; трудно поверить, но именно то, что он видел вчера вечером новеньким и блестящим; только что вышедшим из опытных рук Янси-мэна Линдблома. Как же на нем отразились шесть веков! Хиг ощутил ужасное чувство нереальности, недоверия самому себе, своему зрению — это просто *не могло* быть тем, что сделал Линдблом, тем, что они все вместе видели лежащим на столе. Его с трудом можно было узнать… Он подошел поближе, щурясь от солнца. Камень или артефакт? Хиг махнул ближайшему бульдозеру, который автоматически попятился, освобождая

для него место. Спрыгнув в выемку, Хиг подошел к находке и остановился у окаменевшего, темного и бесформенного предмета.

Он присел на корточки.

— Эй! — прокричал он, оглядываясь, пытаясь найти взглядом другого человека — вокруг были лишь лиди да автоматические установки. Но был и Дик Паттерсон, еще один человек, такой же, как и он сам, инженер, нанятый Рансиблом. — Эй, Паттерсон! — начал кричать Хиг. И в этот миг он понял, что, черт побери, это был не артефакт! Он поторопился сделать свой ход! О боже правый, он провалил свое задание!

Паттерсон подошел к нему.

— Чего?

— Да ничего. — Хиг, злясь на себя самого, полез назад из выемки; он махнул бульдозеру, чтобы тот продолжал работу, и механизм послушно вернулся к своей задаче; с ревом бульдозера черный предмет — просто камень — исчез под его поступью.

Через десять минут бульдозер вскрыл нечто, заблестевшее ярким металлом на утреннем солнце, и теперь никаких сомнений уже не было; на глубине десяти футов был откопан первый артефакт.

— Эй, Паттерсон! — заорал Хиг. Но на этот раз Паттерсон оказался вне пределов слышимости. Хиг потянулся к лежащему неподалеку радиотелефону, начал уже было набирать общий вызов, но тут же передумал. Лучше мне больше не ошибаться, подумал он. Так что он отогнал бульдозер — тот, казалось, протестовал, недовольно ворча, — и на сей раз, подойдя к предмету, увидел с яростным возбуждением, что да, это было то, что надо, — странного вида оружие, глубоко ушедшее, погрузившееся в почву. Получилось так, что край ковша бульдозера словно бы сбрил верхний слой ржавчины с него, и под коррозией обнажился все еще твердый металл.

Прощайте, мистер Рансибл, торжествуя, сказал себе Хиг. Теперь я стану Янси-мэном — интуитивно он был уверен в этом, — а вот вы узнаете, что такое тюрьма, именно вы, строящий тюрьмы для других. Вновь подав знак бульдозеру, на этот раз полного выключения, он бодрым шагом двинулся к радиотелефону; сейчас он планировал подать код, который прервет все работы — и сюда сбегутся все люди-инженеры на стройке плюс половина лиди, чтобы выяснить, что же произошло.

Он незаметно включил свою встроенную в пуговицу камеру и одновременно звукозаписы-

вающее устройство. Рансибла тут пока не было, но Броуз в последний момент решил, что хочет запись всей последовательности событий, начиная с того, как Хиг оповестит всех о находке.

Он нагнулся и взял радиотелефон.

Лазерный луч разрезал его, отделив правое полушарие мозга с частью черепа и пройдя через скальп; он рухнул наземь, а радиотелефон упал рядом и разбился. Там он и остался лежать. Там и умер.

Автономный бульдозер, который он остановил, терпеливо ждал сигнала, чтобы продолжить работу. Наконец этот сигнал поступил от другого инженера-человека с другой стороны; бульдозер, благодарно взревев, двинулся вперед.

И под его гусеницами исчез маленький металлический объект, вросший в землю на десятифутовой глубине и ненадолго увидевший солнце после шести сотен лет.

И со следующим ковшом он попал в конвертер вместе с почвой.

Без малейших колебаний конвертер переработал его, со всеми его сложными миниатюрными компонентами, вместе с камнями и землей, в чистую энергию.

И земляные работы с грохотом двинулись

дальше.

17

В своем лондонском офисе Уэбстер Фут с ювелирной лупой — старомодные приспособления всегда завораживали его — изучал медленно разворачивающийся фотоотчет, который разведывательный спутник номер 65, принадлежащий «Уэбстер Фут Лимитед, Лондон», снял во время своего пролета номер 456 765 над западной частью Северного полушария.

— Вот, — сказал его фотоэксперт Джереми Сенсио и указал на кадр.

— Спасибо, мальчик мой. — Уэбстер Фут дотянулся до кнопки и остановил перемотку на конкретном кадре; затем подтянул микроскоп с 1200-кратным увеличением, вручную настроил сперва грубую, а затем и точную фокусировку — на правом глазу у него был легкий астигматизм, поэтому он пользовался левым — и увидел на пленке то, что Сенсио хотел ему показать.

Сенсио сказал:

— Это примерно тот район, где смыкаются Колорадо, Небраска и Вайоминг. Южнее бывшего Шайенна, до войны это был крупный американ-

ский город.

— Угу.

— Мне анимировать этот отрывок?

— Да. Пожалуйста, — ответил Уэбстер Фут. — И спроецируй его на стену.

Через мгновение свет в комнате погас, а на стене появился квадрат, проекция сегмента пленки. Сенсио включил анимирующую аппаратуру, которая из отдельных кадров собрала небольшой клип на несколько минут.

Увеличенная при помощи микроскопа, стоящего между пленкой и аппаратурой, на экране появилась сцена; разумеется, вид сверху вниз. Человек и двое лиди.

Уэбстер Фут увидел, как один из лиди собирается убить человека; заметил однозначное движение правой верхней конечности к тому месту механической анатомии, где он, как профессионал, отлично знал — лиди держат оружие. Мужчина вот-вот должен был погибнуть.

И вдруг, словно дуновением, словно чиханием от пыли, этого лиди сдуло, а его компаньон бешено закрутился в так называемом циркулярном движении, все системы на полной скорости, в попытке обнаружить источник губительного луча — а потом он тоже распался на не связанные

меж собой клочки, что взлетели и закружились в воздухе.

— Вот и все, — сказал Сенсио, включая в комнате свет.

— Это у нас, значит, поместье, принадлежащее… — Фут проконсультировался в одном из справочников собственной корпорации, — некоему мистеру Дэвиду Лантано. Нет, не поместье еще, пока только в процессе оформления. Год пока не прошел, так что формально это все еще горячая точка. Но под юрисдикцией Лантано.

— Предположительно, это были именно его лиди.

— Да. — Фут рассеянно кивнул. — Что я тебе скажу, мальчик мой. Обыщи все окружающие сегменты на четырехсоткратном увеличении, пока не найдешь источник луча, который разобрал этих двух лиди на запчасти. Найди, кто…

В офисе запищал видеотелефон; это была его секретарша, мисс Грей, а дополнительный сигнал, трижды мигнувший огонек, означал, что вызов срочный.

— Я прошу прощения, — сказал Фут и обернулся к экрану видеосвязи, куда лично ему уже должна была перенаправить вызов мисс Грей.

На экране появилось лицо Луиса Рансибла, ши-

рокое, румяное и мясистое, в старомодных очках без оправы… лысина стала чуть заметнее с последнего раза, когда Фут видел его; чуть меньше стало тонких седых волос, зачесанных наискосок, от уха до уха.

— Твой курьер, — сказал Рансибл, — просил меня связаться с тобой в тот же миг, когда в моих делах случится что-то необычное.

— Да! — Фут с энтузиазмом наклонился к экрану, проверив попутно, записывается ли вызов. — Говори, Луис. Что стряслось?

— Кто-то убил одного из моих инженеров. Застрелил из лазера в затылок на новой стройплощадке в Юте. Твое экстрасенсорное предчувствие оправдалось, они точно охотятся на меня. — Рансибл на экране казался более разгневанным, чем испуганным; впрочем, это было вполне характерно и ожидаемо от него.

— Ты можешь продолжать подготовку стройплощадки без этого человека? — спросил Фут.

— Да, конечно. У нас продолжаются земляные работы. Мы и нашли-то его через час с лишним после убийства; никто и не заметил, у всех куча дел. Хиг его звали, Боб Хиг. Не из лучших у меня был, но и не самый плохой.

— Ну и копай дальше, — сказал Фут. — Мы к

тебе, конечно, отправим человека из ближайшего отделения, чтобы он изучил тело погибшего; через полчаса должен быть у тебя. А ты тем временем держи меня в курсе. Это может быть их первым ходом. — Ему не нужно было уточнять, кто такие «они»; и он, и Рансибл и так все отлично понимали.

Завершив разговор, Фут вернулся к изучению отрывка фильма, снятого со спутника.

— Как успехи в поисках источника луча? — спросил он у Сенсио. Он вдруг подумал: нет ли какой-нибудь взаимосвязи между убийством инженера у Рансибла и уничтожением этих двух лиди? Его всегда привлекало связывание вместе вроде бы независимых событий; он наслаждался, придумывая гармоничную взаимосвязь между ними, некое сплетение всех нитей. Но в отношении взаимосвязи между этими двумя жестокими событиями — что ж, даже его экстрасенсорные способности не давали ему никакого ответа. Возможно, со временем…

— Не выходит, — ответил Сенсио. — Пока никак.

— Неужели они пытаются запугать Рансибла, чтобы он остановил стройку в Юте? — задал Фут вслух риторический вопрос. — Это очень

маловероятно; *Луис* может терять инженера за инженером и все равно выстоит. Бог мой, у них в Агентстве столько оружия, да еще в придачу те продвинутые прототипы, к которым у Броуза есть доступ, что они могли бы уничтожить всю стройплощадку, всех людей, лиди и механизмы, что там находятся. А не просто одного-единственного инженера… да еще и не главного. — Смысла в этом действительно не было.

— Нет никаких идей? — спросил Сенсио. — Экстрасенсорного предвидения?

— Есть, — сказал Уэбстер Фут; у него была одна странная догадка. Она росла и росла в его сознании, пока не выросла до размера настоящего предсказательного откровения. — Двое лиди превращены в ржавые хлопья, — сказал он. — Потом один из строителей Рансибла в Юте получает выстрел лазера в затылок в тот момент, когда они начинают разравнивать почву под застройку… Я предвижу… — Он прервался. Еще одна смерть, сказал он себе. И скоро. Он взглянул на свои старинные круглые карманные часы. — Это был выстрел в *затылок*. Убийство. Нам нужно искать кого-то из Янси-мэнов.

— Кто-то из Янси-мэнов будет убит? — Сенсио вытаращился на него.

— Очень скоро, — сказал Фут. — А может быть, и уже.

— И обратятся к нам.

— О да, — сказал Фут. — Но на этот раз уже не Рансибл, а Броуз. Потому что… — И его экстрасенсорный дар сказал ему это, четко и ясно. — Убит будет кто-то такой, от кого Броуз зависит; это до крайности огорчит Броуза — и мы получим весьма возбужденный вызов.

— Что ж, поживем — увидим, — скептически отозвался Сенсио. — Увидим, правы ли вы.

— Я знаю, что прав относительно того, что случится, — сказал Фут. — Вопрос лишь — *когда?* — Дар его был очень слаб относительно временны́х рамок предсказания, с этим приходилось мириться; он мог промахнуться на несколько дней, а то и на неделю. Но, пожалуй, не больше. — Предположим, — сказал он задумчиво, — что убийство этого человека не было направлено против Рансибла. Оно просто не нанесло Луису достаточного ущерба; он не мог являться целью. — Предположим, подумал он, что хотя Хиг и был сотрудником Рансибла, его убийство направлено против Стэнтона Броуза.

Так ли это плохо?

— Как ты относишься к Броузу? — спросил он

своего фотоэксперта, помощника по всем данным спутникового наблюдения.

— Я никогда не задумывался об этом, — ответил Сенсио.

— А я задумывался. И он мне совсем не нравится. Я бы и мизинцем не двинул, чтобы помочь ему. Если мог бы избежать этого. — Но как можно этого избежать? Броуз, действуя через генерала Хольта и маршала Харензани, имел в своем распоряжении целую армию обстрелянных лиди-солдат да плюс еще архив перспективного вооружения в Агентстве. Броуз мог при желании нанести удар по нему, по всей его организации, в любой момент.

Но, возможно, существовал кто-то еще, человек, который не боится Броуза.

— Мы узнаем, существует ли такой человек, — сказал Фут, — тогда и только тогда, когда будет убит какой-то ценный для Броуза Янси-мэн. — Что он и предвидел с помощью своего парапсихологического дара.

— Какой человек?

— Нового типа, — сказал Фут. — Такого типа, который мы никогда еще не видели. — Которого, по всем имеющимся в его распоряжении данным, не существует.

Я буду сидеть тут за своим столом, сказал сам себе Фут, *и буду ждать и надеяться на видеовызов от жирного жуткого паука, Стэнтона Броуза. Который расскажет мне с траурным видом, что ключевой Янси-мэн из его ближайшего окружения был убит, и причем не грубым и варварским способом, но, напротив, весьма — как они любят выражаться — изощренно. И когда этот вызов поступит, я уйду в двухнедельный запой.*

И он начал ждать прямо с этого момента. С девяти утра по лондонскому времени, уточнил он по своим архаичным круглым карманным часам. И, совсем чуть-чуть, уже начал праздновать: принял по одной маленькой щепотке — одной на каждую ноздрю — Сверхтонкой Любимой Смеси Миссис Клуни; высококачественного зелья. Нюхательного табака.

В общем коридоре первого этажа Агентства в Нью-Йорке Джозеф Адамс оглянулся. Не увидев вокруг никого, он быстро вошел в кабинку платного видеофона. Он закрыл за собой дверь и смог вставить в качестве залога монету в один посткред.

— Кейптаун, пожалуйста. Виллу Луиса Рансибла. — Его так трясло, что он с трудом мог удержать около уха телефонную трубку.

— Семь долларов за первые… — сказал оператор; это был лиди, эффективный и быстрый.

— Окей. — Он быстро вставил в щель аппарата пятерку и две монеты, а затем, пока устанавливалась связь, Адамс судорожным и торопливым, но тщательным движением накрыл экран носовым платком; визуальная часть вызова была теперь заблокирована, оставалась только звуковая.

Женский голос в трубке произнес:

— Это мисс Ломбард, секретарь мистера Рансибла; кто его вызывает?

Адамс хрипло ответил — причем ему не пришлось специально менять голос до неузнаваемости, он изменился сам.

— У меня сверхсрочное сообщение лично для мистера Рансибла, и никого более.

— Извините, кто говорит? Вы можете…

— Нет, не могу, — проскрипел Адамс. — Может быть, линия прослушивается. Может быть…

— В чем дело, сэр? Не могли бы вы говорить чуть громче? А видеосигнал и вовсе не проходит. Вы не могли бы связаться по другому каналу, получше?

— До свиданья, — сказал Джозеф Адамс. *Я просто не могу рисковать*, подумал он в страхе.

— Я соединю вас, сэр; если вы всего лишь немно-

го подождете…

Он повесил трубку.

Сняв с экрана носовой платок, все еще дрожа, он поднялся на ноги и покинул кабинку видеофона. Что же, у него почти получилось. Попытался, подумал он, я вправду попытался. Почти.

Тогда, может быть, телеграмма? Или заказное письмо мгновенной доставки без подписи, с буквами, вырезанными из газет?

Нет, понял он; я не смогу сделать даже этого. Прости меня, Луис Рансибл; мои оковы оказались слишком крепкими. Эти путы; они такие длинные, старые и тесные. Я сжился с ними, и теперь они стали частью меня; и живут внутри меня. На всю жизнь. Ныне и присно.

Он неторопливо шел и чувствовал, как вместе с его шагами движется пленка словно бы наркозного онемения, паря над ним все время, пока он шагал по коридору от кабинки видеофона. Обратно в свой офис. Словно ничего не произошло.

Ничего и не произошло. В этом и была горькая ирония, горькая правда: ничего, совсем ничего.

Так что оно пойдет своим чередом, это нечто. Сила, которую он не понимал, немалая, но далекая, ускользающая, словно бабочка, едва досягаемая его чувствами: словно образы, проносящиеся

на крыльях по небу его жизни и не оставляющие следа или ощущения; он почувствовал себя слепым и беспомощным, ощутил страх. И все же он шел. Потому что это было естественным. А для него ничего больше и не оставалось.

И пока он шел, оно двинулось. Пошевелилось; он почувствовал — покатилось. Двигаясь в неизменном направлении: строго вперед.

18

По ухоженному зеленому газону, сейчас временно покинутому, поскольку была ночь и все садовники-лиди удалились в свои сараи, где и замерли в неподвижности, катилась машина на твердых резиновых колесах; она шла бесшумно, ориентируясь по отражению подобных радиолокационным сигналов, которые она испускала на обычно не используемой частоте. Сигналы как раз начали возвращаться, и последовательность их возвращения уведомила машину, что большой каменный дом — цель первой фазы ее автономного, но многоэтапного путешествия — располагался точно по курсу, так что она начала замедлять ход, пока наконец беззвучно не соприкоснулась со стеной здания, затем замерла на момент, а следующая фаза ее цикла тем временем проворачивалась, словно камора револьвера, вставая на свое место.

Щелк. Началась вторая фаза.

При помощи дисков-присосок, что крепились к жестким лучам вращаемого мотором центрального вала, машина поднималась по вертикальной

поверхности, пока не достигла окна.

Вход в здание через окно не составлял проблемы, несмотря на то что окно в своей алюминиевой раме было надежно закрыто; машина просто подвергла стекло внезапному сильнейшему нагреву — и оно расплавилось и закапало вниз, словно мед, оставляя прямо по центру окна широкую дыру — там, куда был направлен тепловой луч. Машина без труда сошла со своей вертикальной траектории, преодолев алюминиевую раму…

И, на мгновение застыв над ней, выполнила четвертую фазу всей операции; она приложила к этому довольно мягкому металлу точно такое давление, которое создало бы стокилограммовое тело, лежащее на этом месте; рама подалась и выгнулась, застыв в изогнутом положении, — успешно выполнив эту задачу, машина вновь использовала свои присоски, на этот раз для того, чтобы спуститься на пол комнаты.

Некоторое время машина оставалась внешне неподвижной. Однако внутри нее щелкали, открываясь и закрываясь, реле. Наконец кусочек ферромагнитной ленты прополз через считывающую головку; в аудиосистеме прошел ток от трансформатора к динамику, и машина внезапно сказала низким и приглушенным, но чуть визг-

ливым голосом: «Черт побери». Отработанная лента упала в специальный резервуар внутри машины и была там сожжена.

Машина вновь покатилась вперед на своих маленьких колесах из сплошной резины, ориентируясь, словно летучая мышь, при помощи отраженных радиосигналов. Справа от нее стоял невысокий столик. Машина остановилась близ него, и ее реле опять защелкали. Затем машина вытянула псевдоподию, конец которой крепко прижала к краю столика, словно на мгновение она случайно прислонилась к нему под грузом собственного избыточного веса, и отдохнула, опершись на него, перед тем как двинуться дальше. И она двинулась дальше. Осторожно. Потому что ее конечная цель, конкретный человек, находился уже совсем недалеко. Он спал в соседней комнате; машина уловила звук его дыхания и тепло его тела. Ориентируясь на оба этих сигнала — обе системы наведения работали синхронно, — машина повернула в сторону цели.

У двери стенного шкафа она замерла, пощелкала, а затем испустила электрический импульс, соответствующий альфа-волне человеческого мозга — говоря точнее, одного конкретного человеческого мозга.

Находящийся в стенном шкафу записывающий инструмент-энцефалограф уловил импульс и сохранил его в виде постоянной записи, переслав в закрытый сейф глубоко внутри стены, добраться до которого было возможно лишь с помощью соответствующего ключа или длительного сверления. Машина, однако же, совершенно об этом не знала, да если бы и знала, то ей бы это было безразлично; она не вдавалась в подобные детали, не они были ее главной задачей.

Она катилась дальше.

Проезжая мимо открытой двери в спальню, она остановилась, откинулась чуть назад на своих задних колесах и выпустила псевдоподию, которая ловко — но все же ценой нескольких секунд — вложила одиночную нить искусственной одежной ткани в латунные гнезда для замка в дверной раме. Успешно выполнив и это задание, она вновь покатилась дальше, лишь единожды остановившись, чтобы вытряхнуть из себя три волоска и кусочек сухой кожи головы; более ничто не мешало ее двойному влечению, тропизму, к спящему в своей постели человеку.

У края кровати машина полностью остановилась. С быстрой серии срабатываний реле началась самая сложная часть ее программы.

Корпус машины радикально изменил свою форму, по мере того как медленный и педантично контролируемый нагрев размягчил пластик; машина приобрела более тонкий и вытянутый вид, а когда преображение закончилось, снова откинулась на свои задние колеса. Это выглядело бы комично, если бы кто-то мог наблюдать; машина теперь качалась, словно змея, еле-еле удерживая равновесие, она чуть не завалилась сперва в одну сторону, потом в другую, потому что в своей новой удлиненной форме ей уже не хватало ширины опоры. Однако она была слишком занята, чтобы отвлекаться на проблемы боковой качки; главная цепь, что контролировала ее, «часы», как техники времен войны, построившие ее, называли эту сборку, пыталась достичь чего-то более важного, чем сохранение вертикального равновесия.

Завершив свои мобильные, подвижные фазы, основанные на спаренном наведении на тепло тела и ритм дыхания, машина пыталась теперь точно определить, где именно бьется сердце спящего в постели человека.

В течение считаных минут ей это удалось; она сфокусировала воспринимающую систему на бьющемся сердце: ее сенсоры стали чем-то вроде

стетоскопов, и данные от них поступили глубоко в ее недра, и тогда незамедлительно началась следующая фаза. Когда бьющееся сердце было найдено, машина не могла колебаться; она должна была действовать сейчас — или никогда.

Из щели под своей верхней крышкой она выпустила самодвижущийся дротик с цианидом в наконечнике. Двигаясь исключительно медленно, чтобы поправки в траекторию можно было внести даже в последние доли секунды, дротик спустился с верхушки вставшей на дыбы машины, чуть изменил курс согласно ее сигналам, требующим от него небольшой корректировки, и его игольчатый нос пронзил грудь спящего человека.

Дротик тут же выплюнул груз яда.

И человек, не просыпаясь, умер.

А на его горле чрезвычайно сложный, но и крайне тонкий поясок, не толще золотой проволоки, однако содержащий множество работающих электронных микрокомпонентов, испустил серию радиосигналов, что были без потери времени приняты более крупными устройствами, смонтированными под кроватью. Эти устройства, запущенные в действие тончайшим ошейничком, который мгновенно отреагировал

на остановку сердца и кровотока, тут же выслали свои собственные сигналы.

Раздался сигнал тревоги; в комнате стало шумно. В других частях виллы лиди скачком переходили в бодрствующий режим и мчались полным ходом в верхнюю спальню. Еще один сигнал повлек за собой автоматический кодированный вызов всех лиди, что базировались на территории вокруг здания; они, также прервав свою неподвижность, рванулись к зданию и выстроились в ряд под окном спальни.

Датчик смерти человека пробудил полсотни лиди разных типов, составлявших его свиту, и каждый из них, ведомый спешными импульсами устройств под кроватью, словно призываемый самой смертью, двинулся к месту убийства.

Машина же, выпустившая свой дротик, зафиксировала остановку сердцебиения; она вновь изменила свой облик, осела, опять стала квадратной. И начала откатываться от кровати — ее задание было выполнено.

И тут миниатюрные, подобные ресничкам антенны на ее передней поверхности уловили радиосигналы, испускаемые большим устройством, смонтированным под кроватью. И машина поняла, что ей не уйти.

Снаружи здания, из-под окна с прожженной, зияющей входной дырой на месте стекла, лиди типа шесть выкрикнул на полной громкости: «Сэр, мы знаем, что вы внутри. Не пытайтесь бежать. Сотрудник полицейского агентства уже в пути; пожалуйста, оставайтесь на месте до его прибытия».

Машина откатилась на своих колесиках от кровати с мертвым человеком; она засекла лиди за дверью спальни, и в холле, и под окном, выстроенные точно и продуманно, лиди были везде; она вернулась в соседнюю со спальней комнату, из которой начала свой путь по дому. Там она сделала паузу, словно бы о чем-то вспомнила, и выпустила одну каплю крови, что упала на ковер, а затем закружилась, метнулась сперва в одну сторону, потом в другую, пока наконец все переключатели по команде управляющей схемы, «часов», не закрылись, ибо обреченность ситуации стала схеме очевидна; все выходы были блокированы и двинуться было некуда. Следовательно, пришло время для последней — запасной — фазы ее плана, рассчитанной именно на такой случай.

И еще раз пластиковый корпус, содержащий в себе компоненты машины, побледнел, потек,

поменял форму. На этот раз — на привычный вид переносного телевизора, с ручкой, экраном и V-образной антенной.

И в этой форме машина застыла в неподвижности; все части ее электронной структуры окончательно прекратили свою активность.

Не осталось ничего; это был конец. Нервное колебание между двумя противоречащими импульсами — к бегству и к маскировке — разрешилось в пользу последнего; в темноте комнаты машина ничем не отличалась от заурядного переносного телевизора, как и планировали ее военные разработчики для подобных условий: когда в результате неожиданно быстрого защитного ответа обороняющихся машина, хоть и выполнившая свою задачу убийства, не могла — как планировалось исходно — бежать.

Так она и стояла там в темноте, пока под пробитым окном старший из лиди, тип шесть, все выкрикивал, вновь и вновь, свое обращение, а в холле, под дверью спальни убитого, целая фаланга лиди держала бдительную оборону, готовая воспретить выход любого человека или механизма, который мог бы попытаться покинуть место убийства.

Так она там и оставалась до тех пор, пока

час спустя Уэбстер Фут, в своей официальной должности, не был пропущен фалангой лиди, охраняющей дверь в холл, внутрь, в спальню.

19

Его сорвал со своего места торопливый, полубезумный видеовызов от старика Броуза; изображение Броуза на экране истерически колебалось под воздействием сходного с болезнью Паркинсона возбуждения, признака серьезного неврологического расстройства, на грани старческого маразма.

— Уэбстер, они убили одного из моих людей, моих лучших людей! — Броуз только что не рыдал, обращаясь к Футу, полностью выведенный из равновесия; содрогания его конечностей буквально завораживали Фута, который не мог отвести взгляд, думая в то же время: *Я был прав. Моя догадка оправдалась. И так быстро.*

— Безусловно, мистер Броуз, я отправлюсь туда сам. — Он взял ручку, готовясь записывать. — Назовите, пожалуйста, имя этого Янси-мэна и расположение его поместья.

Броуз пробормотал, брызгая слюной:

— Верн Линдблом. Я забыл; я не знаю, где его поместье. Меня оповестил его датчик смерти — вызов пошел в ту же секунду, как они убили его.

И его лиди окружили убийцу, он до сих пор там, на вилле, — лиди стоят у всех окон и дверей, так что если ты отправишься туда, то найдешь его там. И это не первое убийство; это уже второе.

— В самом деле? — пробормотал Фут, удивленный тем, что Броуз знал об убийстве инженера Рансибла, Роберта Хига.

— Да; они начали с… — Броуз прервался, а лицо его словно бы свернулось и развернулось, как если бы голодная плоть откатилась, а затем вновь нахлынула, заполняя пустоты, провалы черепа. Он отчасти взял себя в руки и сказал: — Мне доложили об этом мои агенты в организации Рансибла.

— Хмм.

— Это все, что ты можешь сказать? Верн Линдблом был… — Броуз высморкался; он вытер нос и глаза, мазнув по губам своими расслабленными влажными пальцами. — Теперь слушай, Фут; слушай внимательно. Вышли отряд своих лучших бойцов в Калифорнию, в поместье Джозефа Адамса, чтобы его не убили следующим.

— Почему именно Адамс? — Фут знал, но хотел услышать, что скажет Броуз. Участники специального проекта, о существовании которого он знал, но о сути нет, гибли один за другим; Броуз

заметил закономерность, и Фут тоже. В ожидании ответа Фут черкнул срочную записку: *Отряд в пом. А. Сейчас же.*

— Не надо меня расспрашивать, — сказал Броуз старческим, но смертельно опасным голосом, — почему так, а не иначе. Просто выполняй.

Скованно и официально Фут сказал:

— Безотлагательно. Я отправляюсь в поместье Линдблома; мой лучший отряд коммандос поддержит Янси-мэна Адамса. С этого момента мы неотлучно будем с Адамсом, если, конечно, он еще жив. Был ли он, как и Линдблом…

— У каждого из них, — проскрипел Броуз, — был датчик смерти. Так что Адамс все еще жив, но он умрет, если ты не прикроешь его немедленно; мы не готовы — мои люди не подготовлены — к тому, чтобы защищать себя. Мы думали, что все закончилось, когда кончилась война; я знаю, что их лиди ведут стычки между собой из-за границ поместий, но тут ничего подобного, тут как на войне — это снова открытая война!

Уэбстер Фут вежливо согласился, завершил вызов, отдал приказ об отправке четверки коммандос со своей базы в районе Лос-Анджелеса; а затем поднялся на крышу здания корпорации, сопровождаемый двумя специально обученными

лиди, что тащили тяжелые чемоданы с детективным оборудованием.

На крыше уже ожидал и прогревался сверхскоростной межконтинентальный, еще времен войны, боевой флэппл, заведенный удаленно из офиса Фута; тот взошел на борт со своими лиди и минуту спустя был уже в пути через Атлантику.

По видеофону он связался с Агентством в Нью-Йорке и выяснил там местонахождение поместья убитого. Оно находилось в Пенсильвании. Связавшись затем с собственной штаб-квартирой в Лондоне, он запросил и получил — тут же на экране, чтобы он мог лично ознакомиться, — досье на Янси-мэна Верна Линдблома для освежения памяти. Никаких сомнений не было; Линдблом был не просто каким-то строителем, одним из многих, он был Строителем с большой буквы, единственным своего рода в Янси-организации. У него был полный карт-бланш на использование всех мощностей Айзенбладта в Москве… это, впрочем, Фут определил еще при первичном расследовании по вопросу «спецпроекта», в котором Линдблом играл ключевую роль. Расследовании, подумал он кисло, которое не смогло достичь никаких полезных результатов.

Кроме того, пожалуй, что отчаяние Броуза и

его почти детская обеспокоенность возможной следующей в очереди смертью Джозефа Адамса показывали, что состоявшиеся на сей момент убийства, Хига, а затем Линдблома, стали результатом участия обоих мужчин в пресловутом спецпроекте; Фут воспринимал это отчетливо, ощущал вьющуюся нить, ведущую от Хига к Линдблому и теперь, потенциально, дальше к Адамсу — а также, как он только что понял, вероятно имеющую отношение к умышленному убийству Арлин Дэвидсон в прошлую субботу, которое, однако, было замаскировано под смерть по естественным причинам. В любом случае Броуз сквозь слезы признал, что эти убийства были последовательной серией, касающейся участников спецпроекта Агентства — проекта Броуза, — а это значило, что Хиг, как стало сейчас абсолютно ясно, был агентом Броуза среди персонала Рансибла. То есть инсайт Фута не подвел; убийство Хига вовсе не было нацелено на Рансибла, допустим, по заказу Броуза; убийство Хига, что доказала смерть Янси-мэна Линдблома, своей конечной целью имело Броуза. Главного, верховного Янси-мэна лично. И все это перестало быть гипотезой; это уже стало историей.

И тем не менее Фут так и не знал, в чем же

задумка этого спецпроекта… а точнее, в чем она была. На текущий момент проект выглядел полностью остановленным. Судя по всему, в нем участвовало совсем немного людей; возможно, Адамс был последним, ну, кроме самого Броуза, конечно.

Профессиональным чутьем Фут уловил вытекающую из этого возможность. Адамс, являвшийся частью проекта и сейчас находящийся под охраной коммандос Фута, мог под давлением обстоятельств разговориться с одним из специалистов компании и выболтать тому суть спецпроекта… который, Фут уже не сомневался в этом, был нацелен на Рансибла. Рансибл должен был стать козлом отпущения, но что-то пошло не так. Бульдозеры продолжали работу на стройплощадке в Юте; остановить Рансибла не удалось. А вот Броуз был остановлен полностью, насовсем.

Фут не мог даже вспомнить, чтобы когда-либо видел Броуза — или кого-то еще — до такой степени выбитым из колеи эмоциями. До такой степени потерявшим самообладание. Фут подумал: «Этот специальный проект, судя по всему, был критически важным делом. Мог ли он, чисто гипотетически, быть направлен на полное и абсолютное уничтожение Луиса Рансибла? Иначе

говоря, возможно ли, что мы видим здесь провокацию окончательного столкновения между Броузом и строителем сказочной империи конаптов? Провокацию — и мгновенный крах!»

Боже, подумал Фут иронически, ни у моего курьера, что лично говорил с Луисом Рансиблом, ни у меня самого в видеоразговоре с ним не сложилось ни малейшего впечатления о том, что он готовит настолько выверенные и эффективные шаги для самообороны. Луис Рансибл, по всем признакам, не знал — и даже знать не хотел — о готовящемся заговоре против него… как он мог ответить столь решительно и за столь короткое время?

И Рансибл не уловил значения гибели своего сотрудника, Роберта Хига; это было очевидно по разговору.

Таким образом, понял Фут, вполне возможно и даже вероятно, что Хиг, а после него этот Янси-мэн Линдблом, а до него та женщина-Янси-мэн, Арлин Дэвидсон, — что ни один из них не был убит по приказу Рансибла и даже с его ведома.

Безопасность Луиса Рансибла обеспечена, решил Фут, но кем-то другим, не им самим.

На арену вышла некая дополнительная фигура, появления которой не ожидал ни я, ни Рансибл,

ни Броуз, — некая *весьма важная* дополнительная фигура; и вступила в борьбу за власть.

Он подумал: я очень рад, что с меня хватает того, что у меня есть. Потому что если бы я попытался прыгнуть выше головы, как Броуз со своим спецпроектом, то мог бы сам оказаться целью — *и стрелком, если это правда.*

20

Не прошло и часа, как Уэбстер Фут приземлился на крыше виллы убитого. Вскоре в сопровождении двух своих экспертов-лиди, тащивших тяжелые чемоданы с оборудованием, Фут спустился на верхний этаж здания. Печальный вид предстал перед его глазами — фаланга лиди, сторожащих закрытую дверь, за которой лежало тело их доминуса, хозяина поместья. И если старший из них, тип шесть, — все еще дежурящий под окнами в ночной темноте — был прав, то убийца оказался в ловушке внутри комнаты, в том месте, где и произошло убийство.

Вот так и работает датчик смерти, подумал Фут. История трагически доказала, что каким бы высокопоставленным человек ни был, застраховаться от убийства он не в состоянии. Но можно угрожать — и осуществить свою угрозу — *тем, что киллер окажется в ловушке.* Механизм задержания, который сейчас окружал убийцу, пришел в действие мгновенно после смерти Верна Линдблома, так что следовало предполагать — и старший лиди предполагал, — что когда он,

Уэбстер Фут, откроет дверь спальни, то увидит не только труп (нетронутый, надеялся он), но и вооруженного профессионального ассасина, готового драться, чтобы спасти свою жизнь.

Фут остановился перед шеренгой лиди, которые с собачьей верностью ждали, несли свою стражу в достойном молчании. Обернувшись к своим собственным лиди, он коротко приказал: «Оружие». Те поставили свой груз на пол, открыли чемоданы и стали ждать дальнейших инструкций, над которыми он как раз задумался. «Один из быстро разлагающихся нервно-паралитических газов, — наконец сделал выбор Фут. — Для временного выведения из строя. Я сомневаюсь, что у человека внутри есть кислородный баллон и газовая маска». Один из его лиди послушно подал ему длинный и тонкий цилиндр со сложным устройством наверху.

— Спасибо, — сказал Фут и, миновав шеренгу безмолвных лиди Линдблома, потянулся к закрытой двери в спальню.

Приставив головку цилиндра к деревянной поверхности двери — дверь, судя по всему, была бережно вынесена из руин какого-то старинного дома, — он на секунду задумался о бренности жизни, о том, что вся плоть — трава, и обо всем

таком прочем, а потом нажал на спуск.

Головка цилиндра завертелась на высокой скорости, ввинтившись в деревянную — из массива, не фанерную — дверь, прошла насквозь, запечатала дыру пластиковой слизью, чтобы избежать утечки газа и поражения хозяина оружия, а затем, руководствуясь собственной программой, выстрелила внутрь комнаты хрупкой сферой с газом нервно-паралитического действия, отключающим синапсы; сфера упала в темноте комнаты, и ни одна сила на свете не могла вмешаться и помешать ей разбиться; отчетливый треск, встроенный сигнал, достиг ушей Уэбстера Фута, который сверился со своими круглыми карманными часами и начал ждать. Газ должен был проявлять активность в течение пяти минут, а затем, благодаря некоторым своим составляющим, стать безвредным. Тогда и можно было входить внутрь.

Пять минут истекли.

— Время, сэр, — сказал один из лиди.

Уэбстер Фут извлек цилиндр и передал его ближайшему из своих лиди, который вернул его на место в чемодан. Тем не менее не исключалась возможность того, что киллер оказался предусмотрительным и прихватил с собой ней-

трализующий это оружие реактив. Поэтому Фут выбрал себе из чемодана фанни-ган в качестве наступательного оружия, а затем, хорошенько подумав (что в прошлые разы сильно помогало спасти его шкуру), попросил еще пластиковый защитный костюм, который он развернул и неуклюже, но довольно грамотно накинул на себя; один из его лиди помог ему, так что в итоге щит прикрыл его полностью, словно плащ, оставив лишь ступни в английских шерстяных носках и лондонского же производства оксфордах. Затем, с фанни-ганом (вовсе не смешным оружием, несмотря на название), он вновь миновал шеренгу лиди Линдблома. И открыл дверь в спальню.

— Фальшфейер! — тут же приказал он. В комнате было темно, и не было времени, чтобы искать — промахиваться и снова искать — выключатель.

Один из двоих его блестяще вышколенных лиди без колебаний послушно метнул в спальню безопасный комнатный фальшфейер — а скорее светильник; тот зажегся теплым и успокаивающим желтым светом, что не слепил, но четко освещал каждый предмет. На кровати, под покрывалами, лежал убитый Верн Линдблом, глаза его были закрыты. Выражение лица его было

спокойным, словно он ни о чем не знал; словно был не в курсе, даже не догадывался о факте своей безболезненной и мгновенной смерти. Для Фута было очевидным: расслабленная поза мужчины указывала на применение одного из старых добрых, не раз проверенных и надежных инструментов с цианидом. Скорее всего, автономный дротик прямо в мозг, или в сердце, или в верхний узел спинного мозга. Что ж, хотя бы гуманно, сказал себе Фут и огляделся вокруг в поисках ожидаемого: совершенно беспомощного взрослого мужчины, неспособного двигаться и говорить, бьющегося в пароксизме нерегулярных рефлексов, неспособного защищаться или бежать.

Но такого человека в спальне не оказалось. Ни в подобном состоянии, ни в любом ином. Убитый спокойно лежал в своей постели и был единственным человеком в комнате, не считая самого Уэбстера Фута. А когда Фут осторожно прошел в прилегающую комнату, через окно которой изначально и проник убийца, то не увидел никого и там. За ним следовали двое его опытных лиди; он не увидел никого, и они не увидели никого и потому сразу начали открывать боковые двери, осматривая ванную комнату с ее великолепной мозаичной керамикой, а затем два стенных

шкафа.

— Он ушел, — громко сказал Фут.

Его два лиди промолчали; от них комментариев не требовалось.

Вернувшись к шеренге линдбломовских лиди, что по-прежнему охраняли выход из спальни в холл, Фут сказал:

— Сообщите вашему типу шесть внизу, что они опоздали.

— Да, мистер Фут, — подтвердил старший в шеренге и выполнил приказ. — Ответ, полученный мною, — проинформировал он затем учтивым металлическим голосом, — заключается в том, что такого не может быть. Убийца мистера Линдблома находится в спальне или в непосредственной близости от нее; иное невозможно.

— По вашей дедуктивной логике лиди, видимо, так, — согласился Фут. — Но эмпирические данные говорят об обратном. — Он обернулся к собственным лиди. — Я попрошу вас, — распорядился он, — начать сбор улик. В предположении о том, что убийца не лиди, а человек, особое внимание обратите на присутствие органических следов. Волосы, чешуйки кожи.

Один из старших лиди Линдблома сказал:

— Мистер Фут, здесь, внутри стены, находится

приемник мозговых частот. У нас есть ключ доступа к нему.

— Хорошо, — сказал Фут. — Мне понадобятся его записи.

— Кроме этого, есть и звукозаписывающее устройство. Постоянного действия.

— Очень хорошо. — *Если* убийца был человеком. *Если* он сказал что-либо. И *если* он прошел мимо датчиков приемника мозговых частот. Уэбстер Фут задумчиво вернулся в спальню, а затем прошел в соседнюю комнату, чтобы изучить окно, через которое проник убийца.

На полу стоял портативный телевизор.

Он нагнулся и поднял его за ручку, не беспокоясь о возможных отпечатках пальцев; было крайне маловероятно, что убийца зачем-то передвигал телевизор.

Телевизор оказался слишком тяжелым. Он мог поднять его, но с трудом. Фут сказал вслух:

— Ну, вот и оно.

Один из лиди Линдблома отозвался из стенного шкафа, где занимался разблокированием устройства, содержащего возможную запись мозгового ритма:

— Простите, сэр?

Фут сказал:

— Вот убийца. Этот телевизор.

— Сэр, — сказал лиди и хмыкнул, — переносной телевизор не является инструментом, при помощи которого смерть человека может быть…

— Ты хочешь заняться работой по поиску убийцы твоего хозяина? — спросил Фут. — Или все же оставишь ее мне?

— Конечно, мистер Фут, вы здесь главный.

— Спасибо, — саркастически поблагодарил Фут. И всерьез задумался, как ему удастся, и удастся ли вообще, вскрыть этот предмет, прикидывающийся обычным телевизором — точнее, закамуфлированный под него. Ибо если он был прав, то устройство окажет сопротивление попыткам разобрать его, будучи построенным так, чтобы противостоять любому насильственному и враждебному вскрытию.

Его посетило мрачное предвидение. Потребуются дни, а может, и недели, чтобы проникнуть в устройство этого «телевизора», внутрь него. Даже при использовании многочисленных и разнообразных приспособлений в мастерских корпорации.

В его руках находилось орудие смерти. Но пользы от этого не было ни на грош.

21

Улики. След, ведущий от погнутой алюминиевой оконной рамы, стекло в которой было проплавлено; лиди-эксперты Фута присели близ рамы, сфотографировали и проанализировали точную степень изгиба металла, записали отклонение и рассчитали давление в фунтах, которое должно было вызвать такой изгиб.

Лиди Фута собирали улики словно честные и добросовестные машины, каковыми они и являлись. Но сам он не чувствовал ничего, глядя невидящими глазами в пространство; не был заинтересован, не был увлечен.

— Пятно крови, мистер Фут, — сообщил ему один из лиди.

— Хорошо, — безжизненно отозвался он.

Линдбломовский лиди, который открыл наконец глубоко спрятанный сейф в стене шкафа, подал голос:

— Приемник мозгового ритма показывает, что на записи в его хранилище присутствует…

— Человек, — сказал Фут. — Который прошел мимо, излучая альфа-ритм мозга.

— Звукозаписывающее устройство также содержит…

— Ага, этот человек еще и говорил, — сказал Фут. — Он явился сюда, чтобы убить спящую жертву, и все же он что-то сказал, достаточно громко для того, чтобы его голос записался на ферромагнитную ленту.

— И не только громко, — заметил лиди, — но и отчетливо. Желаете послушать запись на ленте прямо сейчас?

Фут отмахнулся.

— Нет, я обожду. Потом.

Один из его лиди воскликнул с резким металлическим триумфом:

— Три человеческих волоса, не принадлежащих жертве!

— Продолжайте, — сказал Фут. Будут и еще улики, что позволят опознать убийцу, сказал он себе. У нас есть его уникальный альфа-ритм мозга, его отчетливый голос; мы знаем его вес, есть волосы с его головы и капля крови — хотя и выглядит несколько странным то, что он внезапно без всякой причины проронил вдруг ровно *одну* каплю крови, точно посередине комнаты: каплю, и не больше.

В течение следующих нескольких минут был

найден фрагмент одежды, нитка. А затем, на низком столике, отпечатки пальцев, не принадлежащие жертве.

— Хватит, вы можете заканчивать, — сказал своим лиди Фут.

— Но, сэр, — запротестовал один из них, — мы можем найти еще…

— Нет, это все, — сказал Фут. — Все, что содержит стандартная модель Eisenwerke Gestaltmacher 2004 года. Голос, отпечатки пальцев, волосы, капля крови, нитка от одежды, указание на вес тела и специфический альфа-ритм мозга — это все, и этого достаточно. Основываясь на этом, любой адекватный компьютер выдаст ответ, карту убийцы; *у вас есть семь факторов определения.* — Шесть из которых, строго говоря, были и не нужны. Хватило бы и записи строго индивидуального альфа-ритма, не говоря уж об отпечатках пальцев.

Именно это и раздражало его в западногерманской машине времен войны — она была слишком усердна в своей работе. Девяносто процентов ее схем и программ можно было просто выбросить — и тогда она больше бы напоминала по весу переносной телевизор. Но таков уж был немецкий менталитет, с их любовью к *гештальту*,

полному образу.

Теперь, с этой цепочкой улик в его распоряжении, составляющих гештальт, возникал вопрос, к которому из компьютеров, хранящих досье на людей, ему обратиться. Строго говоря, он мог выбирать из трех, и у каждого была гигантская память, а в ней библиотека данных с возможностью поиска по нескольким факторам; по удивительному совпадению — именно по тем, которые его лиди за последний час собрали в этих двух комнатах.

Он мог обратиться в Москву. Огромный ВВ-7, вероятно, нашел бы ему ту запись, которой соответствовали бы все эти семь факторов, полный гештальт. Или, как вариант, 109-А3 в Эстес-парке. Или даже Мегавак 6-V в Агентстве в Нью-Йорке; он мог бы использовать этот компьютер, пусть и меньших размеров и более специализированный, хранящий в памяти лишь данные на бывших и действующих Янси-мэнов. Интуиция подсказывала Футу, что гештальт должен был имитировать какого-то Янси-мэна, а не одного из миллионов танкеров под землей; информация по ним не требовалась. И в этом случае Мегавака 6-V было бы вполне достаточно.

Однако был повод не обращаться именно туда,

сразу же понял Фут. Его клиент Стэнтон Броуз, находясь в своей женевской крепости, автоматически получил бы извещение о его действиях — сперва дубликат введенных в компьютер данных, а затем и собственно ответ компьютера.

А обладание Броузом этой информацией могло послужить всем заинтересованным сторонам.

И, значит, выбором являлся огромный ВВ-7 в Москве, как максимально удаленный от контроля Броуза.

Когда Фут и два его лиди, оба опять нагруженные тяжелыми чемоданами, возвращались в свой флэппл, детектив сказал себе: интересно, чью же карту выплюнет компьютер... и, теоретически, по крайней мере, приведет в действие колеса уголовного преследования. Кого именно из класса Янси-мэнов была запрограммирована подставить эта машина, этот гештальт-махер? Он осторожно поставил фальшивый телевизор на сиденье рядом с собой, вновь почувствовав его непривычно большой вес — ту характеристику, которую машина не могла скрыть и которая в итоге ее и выдала... она могла мимикрировать под любой предмет приблизительно ее размера, но не могла по своей воле отказаться от воздействия земного притяжения.

В общем, он уже представлял себе, чья же именно карта выпадет из компьютера. Но ему было бы интересно проверить свои предсказательные способности.

Три часа спустя, хорошенько вздремнув, пока его флэппл летел на автопилоте, Уэбстер Фут прибыл в Москву.

Под ним лежали инсталляции киностудии Айзенбладта, напоминающие рассыпанные капризным ребенком из ящика по полу игрушки; с привычным интересом разглядывая эту гигантскую фабрику подделок, Фут уставился вниз, отмечая, что с его последнего визита сюда студия еще больше разрослась: ввысь поднялись несколько новых зданий из склеенных вместе обломков; зданий, построенных лиди и, скорей всего, уже нестройно гудящих деловитой фальсификацией, выдавая на-гора поддельные разрушения городов… он припомнил, что по графику Агентства следующим должен был стать Сан-Франциско, а это, без сомнения, означало мосты, воду, холмы — серьезная строительная задача для всех участвующих в проекте профессионалов.

А там, где когда-то стоял Кремль — пока американская самонаводящаяся ракета «Царица

Дидона» в Третью мировую не стерла его с лица Земли до последней крошки старинного красного кирпича, — располагалась вилла маршала Харензани, второе по величине поместье на планете.

Конечно, поместье Броуза в Женеве было намного больше. И все же этот огромный парк с его могучими, словно дворцы, центральными зданиями, хвастливыми и кичащимися, и в самом деле впечатлял. И главное, у поместья Харензани не было той черной, гнетущей ауры, что у владений Броуза; не было ощущения какой-то злобной твари, висящей там вниз головой, закутанной в древние и драные крылья. Как и его коллега из ЗапДема, маршал все же прежде всего был солдатом, а вовсе не политкомиссаром. Обыкновенный любитель мальчишников, разве что с необыкновенными возможностями; сибарит. Человек, любящий жизнь.

Но точно так же, как и генерал Хольт — каждый с армией закаленных и обстрелянных лиди в формальном подчинении, — он оставался под ярмом, под игом Броуза.

И пока его флэппл заходил на посадку, Фут задавался давним вопросом: *как, каким образом это восьмидесятидвухлетнее, наполовину уже в маразме, но все еще дьявольски пронырливое*

колоссальных размеров чудище, весящее бог знает сколько фунтов, ухитряется сохранять свою власть? Правда ли, что у себя в Женеве Броуз владеет и распоряжается неким электронным ключом или какой-то другой безотказной хреновиной, которая в случае кризиса отстранит Хольта и Харензани от их командования большинством лиди в мире? Или у него есть какой-то другой, не столь грубый и более глубокий, метод контроля?

Видимо, это было тем, решил он, что секта христиан называла апостольской преемственностью. Рассуждения строились следующим образом: перед Третьей мировой войной верховную власть как в НарБлоке, так и в ЗапДеме осуществляли военные элиты; все гражданские управленческие структуры были не более чем реликтами эпохи Лиги Наций. И эти соперничающие близнецы управляли посредством некоего полубога, а именно фабрики лжи Готтлиба Фишера; управляли при помощи циничной и профессиональной манипуляции всеми средствами массовой информации, вплоть до стен деревенских амбаров, но *как* конкретно управлять, манипулировать СМИ, военные не знали; этим знанием обладал лишь Фишер. А потом

началась война, и две элиты договорились между собой. Вот только Фишер к тому времени был мертв — но у него остался один ученик. Стэнтон Броуз.

Но кроме этого, похоже, было что-то еще, глубже. Возможно, харизма. Та магическая аура, которой обладали величайшие лидеры в истории — Ганди, Цезарь, Иннокентий III, Валленштейн, Лютер, Рузвельт. А может быть, просто «*Броуз — это Броуз*»? Он был у власти с самого конца войны, полубог, на сей раз добившийся верховного положения. Но даже и до этого он был весьма влиятелен; он унаследовал — буквально, в судах, — все студии и оборудование, что принадлежали Фишеру. Ту фабрику лжи, без которой не обойтись — *sine qua non.*

И еще эта странная гибель Фишера, столь внезапная и трагичная, далеко в космосе.

Хотел бы я, пожелал про себя Фут, *располагать тем ковшом времени, к которому Броуз имеет доступ через секретный сектор архивов оружия. Я бы отправил в прошлое целую пачку следящих устройств, с аудио– и видеозаписью… я бы приделал электронные хвосты к задницам и Броуза, и Фишера в те дни, начиная с 1982-го; и особенно я бы установил наблюдение за Готтлибом Фи-*

шером вплоть до момента его смерти, просто чтобы узнать, что же на самом деле произошло, когда его корабль при посадке на Венеру попытался включить тормозные двигатели — включил их и взорвался.

Когда он выходил из флэппла, видеофон его корабля сказал «*пиннннгггг*». Вызов пришел из лондонской штаб-квартиры корпорации; скорее всего, от Сенсио, который заменял его там на время отсутствия.

Ступив обратно в корабль, Фут включил видеофон.

— Да, мальчик мой.

На экране появилось миниатюрное изображение лица Сенсио.

— Я получил анимацию кадров из сектора, откуда был направлен тот уничтоживший лиди луч.

— Какой луч?

— Тот, что уничтожил двух лиди, принадлежавших Янси-мэну Дэвиду Лантано. Вы, вероятно, забыли.

— Да, теперь я вспомнил. Продолжай. Кто или что выпустило этот луч? Янси-мэн, но кто именно из них?

Сенсио сказал:

— Наш кадр, как вы понимаете, был снят ровно

вертикально сверху. Поэтому мы с большим трудом смогли увидеть эту фигуру. Но… — Он смолк.

— Ну давай же, не тяни, — сказал Фут. — Я на пороге офиса маршала Харензани, и…

— Человеком, который выпустил этот луч, — выпалил Сенсио, — согласно съемкам нашего спутника, был Тэлбот Янси. — Он подождал, но Фут не сказал ничего. — Я имею в виду, — уточнил Сенсио, — он *выглядел* как Янси.

— Насколько похож?

— В точности. Мы увеличили до натуральной величины. В точности то, что вы… в смысле *они* видят на своих телеэкранах. Никакой ошибки.

И мне сейчас придется идти в офис к Харензани, подумал Фут, ну просто очень своевременная новость.

— Хорошо, мальчик мой, — сказал он. — Спасибо. И, кстати, отдельное огромное спасибо за тончайший психологический расчет, позволивший тебе доставить мне эту информацию именно сейчас. Когда она мне более всего нужна. — Он прервал видеосвязь, поколебался, а потом пошел прочь от припаркованного флэппла, оставив своих лиди на борту неактивными.

Это все сделал Янси, подумал он. Убил Арлин Дэвидсон, потом Боба Хига, потом Верна Линдбло-

ма, затем он убьет Джозефа Адамса, после этого, наверное, самого Броуза, ну и под конец, на десерт, и меня тоже.

Манекен, прикрученный к дубовому столу, управляемый Мегаваком 6-V. Стоял за валуном в шайеннской горячей зоне и расстрелял из неизвестного оружия двух опытных лиди. Спасая чью-то жизнь — без сомнения, всего лишь очередного несчастного танкера, что пробурил себе дорогу наверх, чтобы глотнуть немного воздуха и еще раз взглянуть на солнце. Теперь уже бывшего танкера, сидящего где-то в руинах Шайенна со всеми остальными, бог весть зачем живущего и чего ожидающего. А потом этот манекен, этот симулякр, известный как Тэлбот Янси, вернулся к своему дубовому столу, прикрутился обратно и возобновил свое управляемое компьютером существование в качестве оратора. И никто в Агентстве ничего не заметил.

С тяжелым вздохом, признавая безумие происходящего, Уэбстер Фут двинулся дальше, к спуску с посадочной площадки на крыше, к офису маршала Харензани.

Полчаса спустя, с объемистым документом, дающим законное право на использование компьютера и врученным ему одним из клерков

Харензани, он встал перед огромным советским компьютером ВВ-7 и с помощью вежливых и дружелюбных русских техников загрузил в него те семь фальшивых улик, которые нашли его лиди-криминалисты, а предварительно выложил цепочкой убийца Линдблома, гештальт-махер.

ВВ-7, возвышающийся перед ним до самого потолка, начал обработку, начал сортировку своего перечня людей. И вскоре, как Фут и ожидал, одна-единственная перфокарта выскользнула из щели и упала в приемную корзину.

Он поднял перфокарту и прочитал напечатанное на ней имя.

Его предсказательные способности подтвердились еще раз; он поблагодарил русских техников за помощь, нашел выход на крышу и поднялся к своему запаркованному флэпплу.

На карте значилось — БРОУЗ, СТЭНТОН.

Как он и предполагал.

Если бы машина, гештальт-махер, которая сейчас покоилась рядом с ним в своем защитном облике переносного телевизора, смогла уйти — если бы у Линдблома не оказалось датчика смерти, — то улики с точки зрения закона указывали бы абсолютно однозначно в сторону Броуза. Казалось безупречно доказанным, что Стэнтон

Броуз, человек, что нанял Фута расследовать это преступление, и был убийцей. Но, само собой, Броуз им не был; предмет рядом с Футом доказывал это.

Если только он не ошибался. Что, если это не гештальт-махер? Он ведь не сможет сказать наверняка — не сможет *доказать* это, — пока не вскроет машину, не увидит своими глазами ее внутреннюю механику.

А тем временем, пока он со своими техниками будет пытаться взломать машину — о, какая долгая, тяжелая борьба им предстоит! — Броуз будет пилить его по видеофону, требуя сообщить, что показали улики, собранные на вилле Линдблома. На кого они указывают?

Я буквально вижу, как говорю ему:

— На тебя самого, мистер Броуз, — иронически подумал Фут. — Ты и есть убийца, и посему омерзителен ты в глазах моих, и настоящим помещаю тебя под арест и добьюсь того, чтобы ты предстал перед Дисциплинарным советом.

Очень смешно.

Но веселья он как-то не чувствовал. Ни от этого, ни от осознания того, сколько же придется помучиться, вскрывая предмет рядом с ним. Там настолько твердые пластмассы, настолько устой-

чивые к обычным сверлам и нагреву…

И все это время где-то в глубине его мозга жила и билась одна мысль — существует ли Тэлбот Янси? И если да, то *как?*

Он был не в силах это понять.

И все же его работа требовала, чтобы именно он, единственный из всех людей на свете, разобрался в происходящем. Ибо если не он, то кто?

Пока, решил Фут, я не скажу Броузу ничего. Или, точнее, самый минимум, только чтоб отстал.

Его интуиция, его психонический дар, утверждала одно: никому — включая и его самого — не пошло бы на пользу, если бы он сообщил Стэнтону Броузу все факты, установленные на данный момент.

Потому что Броуз — и именно эта мысль более всего мучила его — мог понять, что эти факты означают, *и мог сообразить, как с ними поступить.*

22

Бородатый бывший танкер Джек Блэр грустно сказал Николасу:

— Похоже, у нас не найдется для тебя койки, Ник. Вот прямо сейчас нету. Так что тебе придется располагаться прямо на полу.

Они стояли в темноватом подвале бывшего главного офиса какой-то страховой компании. Компания давным-давно исчезла, а с ней ее могучее здание из стали и бетона; но подвал все же остался. И это было очень удачно.

И вокруг, со всех сторон, Николас видел других бывших танкеров, ныне в некотором смысле обитателей поверхности. Но по-прежнему тотально, ощутимо обездоленных, лишенных в самом буквальном и физическом смысле того, что принадлежало им по праву.

— Не слишком-то мы унаследовали Землю, — сказал Блэр, заметив его выражение лица. — Наверное, мы были недостаточно кроткими.

— А возможно, как раз чересчур кроткими, — сказал Николас.

— О, ты начинаешь чувствовать эту нена-

висть, — усмехнулся Блэр. — Желание отомстить им. Отличная идея. Но как? Если придумаешь способ, скажи нам; всем нам. Тем временем… — Он начал оглядываться. — Сейчас срочный вопрос — твоя постель. Лантано дал нам…

— Я бы хотел посмотреть на вашего Лантано, — сказал Николас. — Этого единственного Янси-мэна, у которого, похоже, есть один или два приличных гена. — А через него, подумал он, попробую выйти на артифорг.

— Да скоро и увидишь, — сказал Блэр. — Он как раз примерно в это время и заходит. Ты его сразу узнаешь, он очень смуглый. Лучевой загар. — Он глянул вверх и тихо сказал: — А вот и он.

Человек, вошедший в подвальное убежище, пришел не один: за ним тянулась цепочка лиди, навьюченная припасами для бывших танкеров, а ныне сквоттеров в здешних руинах. И он был смуглым; его кожа отливала красно-черным цветом. Но это не были ожоги от радиации, осознал Николас.

И, пока Лантано шел по подвалу, между койками, перешагивая через людей и их скудные пожитки, тут с кем-то здороваясь, там кому-то улыбаясь, Николас думал: *Боже мой, ведь когда он только заходил сюда, то выглядел высохшим*

стариком, а сейчас, вблизи, уже выглядит на средний возраст; эта аура пожилого возраста была лишь иллюзией, вызванной его худобой и странной, скованной манерой передвигаться; словно бы он был очень хрупким и боялся падения, травмы.

Подойдя к нему, Николас позвал:

— Мистер Лантано!

Пришедший, в окружении своей свиты лиди, которые сейчас распаковывали свои узлы и раздавали их содержимое на всех, остановился и глянул на Николаса.

— Да? — отозвался он, улыбнувшись хоть и приветливо, но устало, невесело и довольно мимолетно.

Блэр дернул Николаса за рукав.

— Не задерживай его чересчур; помни, что он болен. Ожоги. Ему нужно обратно на виллу и там отлежаться. — Обращаясь к смуглому гостю, Блэр добавил: — Верно же, мистер Лантано?

Кивнув, тот по-прежнему не сводил взгляда с Николаса.

— Да, мистер Блэр. Я болен. Иначе я навещал бы вас чаще. — Затем он отвернулся, чтобы проконтролировать раздачу припасов своими лиди — все ли делается максимально эффективно и

быстро; он перенес свое внимание с Николаса.

— Он истязуем был и презрен, — сказал Николас.

Мгновенно Лантано вновь повернулся к нему, изучая его взглядом; его глаза, черные и глубоко сидящие, горели, словно под огромным напряжением, словно всплеск энергии в нем зашкалил за безопасный предел — и вспышка эта, казалось, поглотила сам орган зрения, через который и нашла свое выражение, и Николас почувствовал благоговейный ужас.

— Да, друг мой. О чем вы меня просили? О кровати, чтобы спать на ней?

— Точно так, — с готовностью подтвердил Блэр. — У нас закончились койки, мистер Лантано, нам бы еще с десяточек хотя бы, чтоб уж наверняка, потому что постоянно кто-то появляется, как вот Ник Сент-Джеймс, каждый день почти. Все больше и больше постоянно.

— Возможно, — сказал Лантано, — иллюзия истончается. Ошибка здесь, ошибка там. Слабый видеосигнал, что прерывает… ты поэтому поднялся, Ник?

— Нет, — сказал Николас. — Мне нужна поджелудочная. У меня есть двадцать тысяч долларов. — Он полез в то, что осталось от его куртки

после потрошения ее лиди. Но бумажника там не было. Он выпал, получается, когда лиди схватил его, или когда волокли зацепленным на крюк, или во время долгих часов ходьбы… в любой из этих моментов. Он не знал. И стоял с пустыми руками, не представляя, что сказать или сделать; просто стоял, молча глядя на Лантано.

После паузы Лантано сказал:

— Я все равно никак не смог бы достать ее для тебя, Ник. — Голос его был слабым, но сочувственным. И его глаза. Они все еще пылали. Все еще переполненные пламенем, которое было не просто жизнью; оно было стихийным, первичным — далеко выходящим за рамки индивидуума, обычного животного человеческой породы. Оно питалось из того окончательного источника, откуда вообще происходила подобная энергия; Николас не знал о таком, не имел представления: он никогда не видел подобного раньше.

— Как я и говорил, — напомнил ему Блэр. — Этот Броуз все подгреб…

Лантано сказал:

— Твоя цитата была неточна. «Он был презрен и умален пред людьми». Ты имел в виду меня? — Он указал на своих лиди, которые как раз закончили распределять свой груз между бывши-

ми танкерами. — Да у меня все не так плохо. Ник, у меня сорок лиди, для начала вполне. Особенно учитывая, что по закону здесь все еще горячая зона, а не поместье.

— Ваш цвет, — сказал Николас. — Ваша кожа.

— Да господи боже мой! — взревел Блэр, ухватил его и оттащил подальше от Лантано. Сердито и тихо он зашептал на ухо Николасу: — Чего ты хочешь добиться? Поставить его в неловкое положение? Он знает, что у него ожоги; боже мой, он приходит сюда и дает нам выжить, а ты явился и…

— Но это не ожоги, — сказал Николас. *Он индеец,* продолжил он про себя. *Чистокровный чероки, судя по форме носа. И он объясняет цвет своей кожи лучевым загаром, ожогами от радиации; зачем? Есть ли какой-то закон, запрещающий ему быть…* Он не мог вспомнить название. *Янсимэном. Частью тех, кто правит; элиты. Может быть, там только белые, как раньше, в прежние дни, в столетия расизма.*

— Мистер Сент-Джеймс, — обратился к нему Лантано, — Ник, мне очень жаль, что твоя первая встреча с моей свитой сегодня оказалась столь травматичной. Эти два лиди; они были столь воинственны, потому что… — Голос его был спо-

коен; сам он казался безмятежным, не задетым словами Николаса: он на самом деле не обращал внимания на свою кожу; Блэр был абсолютно неправ. — ...потому что другие владельцы поместий, граничащих с этой горячей зоной, хотели бы получить ее. Они высылают сюда своих лиди со счетчиками Гейгера; они надеются, что тут слишком горячо и радиация убьет меня, и тогда эта территория снова станет свободной. — Он улыбнулся.

Мрачно.

– *Действительно ли* здесь слишком горячо? — спросил его Николас. — Что показывают их замеры?

— Их замеры не показывают ничего. Потому что их разведчики никогда не выживают. Мои металлические спутники уничтожают их; насколько радиоактивна эта местность — теперь лишь моя забота. Но, понимаешь ли, это делает моих лиди опасными. Пойми, Ник, мне пришлось подбирать таких, кто являлся ветераном войны; мне были нужны их стойкость, их опыт и способности. Любой Янси-мэн — ты уже знаком с этим термином? — предпочтет новых, неповрежденных, нетронутых лиди, только что произведенных внизу. Но у меня есть особая задача; я должен за-

щищать себя. — Его голос, чарующе мелодичный, напоминал пение псалма, пусть и еле слышное; Николасу приходилось напрягаться, чтобы расслышать его. Словно бы, подумал он, Лантано становился нереальным. Таял.

И когда он снова взглянул на темнокожего человека, то опять заметил признаки возраста, но на сей раз вместе с этими признаками — знакомые черты лица. Как будто, старея, Лантано становился… кем-то иным.

— Ник, — мягко сказал Лантано, — так что там было насчет моей кожи?

Настала тишина; он не мог ничего вымолвить.

— Ну же, — подбодрил его Лантано.

— Вы… — Он внимательно рассмотрел Лантано, и на сей раз вместо человека в возрасте увидел юношу. Гибкого парня, намного младше него самого; не старше лет девятнадцати-двадцати. Это, видимо, радиация, подумал Николас; она пожирает его, сам костный мозг в его скелете. Сушит, известкует, ускоряет разрушение клеток, тканей; он болен — Блэр был прав.

И все же этот человек выздоравливал. Прямо на глазах. Казалось, он колеблется между двумя состояниями; то приходил в упадок, покорялся радиации, с которой должен был сосуществовать

двенадцать часов в день… то, когда она начинала грызть его, оттаскивал сам себя от края; перезаряжался.

Время извивалось вокруг и стучалось в него, коварно вмешивалось в метаболизм его тела. Но никогда полностью не подчиняло его себе. Никогда не могло *победить*.

— Блаженны миротворцы, — проговорил Николас. И смолк. Похоже, больше сказать ему было нечего. Он не мог сказать то, что знал; то, что его многолетнее увлечение, интерес к североамериканским индейцам, их артефактам и культуре позволило ему понять; то, что все остальные бывшие танкеры вокруг него не понимали и понять не могли; их собственная радиофобия, развившаяся и укоренившаяся в них за годы под землей, а теперь и еще выросшая, повела их неверным путем, скрыла от них то, что для его глаз было очевидным.

И все же его удивляло, почему — не менее очевидно — Лантано позволял им думать о себе как об обожженном, пострадавшем. И он действительно казался травмированным. Пусть не в отношении кожи, но гораздо глубже. Так что в главном бывшие танкеры были правы.

— А почему, — спросил Лантано, — миротвор-

цы блаженны?

Его вопрос поставил Николаса в тупик. И ведь он сам это сказал!

Он сам толком не знал, что имел в виду; мысль возникла при взгляде на Лантано; вот и все, что он знал, точно так же, как другая, пришедшая мгновение назад — откуда-то из-за грани времен, из глубин подсознания, — о человеке, что был презрен и умален. А тот человек был… что ж, он-то сам точно знал, кем был тот человек, пусть большинство жителей «Том Микс» и посещали воскресные службы чисто формально. Но для него все это было реальным; он верил. Точно так же как верил, хотя точнее будет сказать *опасался*, что рано или поздно им придется изучать, как выживали индейцы Северной Америки, потому что им самим может пригодиться умение изготавливать кремневые наконечники для стрел и обрабатывать шкуры животных.

— Навести меня, — сказал Лантано, — на моей вилле. Несколько комнат уже готовы; я могу жить с комфортом, пока шумные металлические люди вкалывают, таская бетонные блоки и обломки, что когда-то составляли здания банков, и дорожные эстакады, и парковки, и…

Николас перебил его:

— А могу я остаться там? Там, а не здесь?

После паузы Лантано ответил:

— Конечно. Ты можешь обеспечивать безопасность моих жены и детей от посягательств лиди четырех соседних поместий, пока я в Агентстве; ты можешь возглавить мои скромные защитные полицейские отряды. — Обернувшись, он подал знак своим лиди; те начали цепочкой покидать подвал.

— Ну, я тебе доложу, — с завистью сказал Блэр, — ты крупно выиграл.

— Прости, — сказал Николас. Он не знал, отчего Лантано так пугал и восхищал его, отчего так захотелось уйти с ним. Тайна, подумал он; есть какая-то загадка вокруг этого человека, который при первом взгляде на него стар, потом уже не так стар, средних лет, а потом, когда ты уже вблизи него, он вдруг оказывается юношей. Жена и ребенок? Тогда он не может быть так молод, как кажется. Потому что Дэвид Лантано, бодрым шагом выходя из подвала впереди него, двигался как человек чуть за двадцать, с полным задором юности, пока на ней еще не висит ответственность за жену и детей: за семью.

Время, подумал Николас. Похоже на то, что сила, которая тащит нас односторонней дорогой

власти, причем вся власть на ее стороне, а на нашей ничего, расступилась перед ним; и он движим ею, но одновременно или, может, поочередно сам хватает ее и держит ее в кулаке, и тогда он движется туда, куда ему необходимо.

Вслед за Лантано и его цепочкой лиди он вышел из подвала, наверх, к серому свету гаснущего дня.

— Здесь очень красивые, цветные закаты, — сказал Лантано, приостанавливаясь и оглядываясь назад. — Это компенсирует запыленность атмосферы днем. Ты когда-нибудь видел Лос-Анджелес в дни смога?

— Я никогда не жил на Западном побережье, — ответил Николас. А потом подумал: но ведь смог перестал досаждать Лос-Анджелесу уже к 1980-му; я тогда еще не родился. — Лантано, — сказал он, — *сколько вам лет?*

Ответа от впереди идущего человека он не дождался.

Что-то медленно летело в небе, очень высоко. С востока на запад.

— Спутник! — возбужденно воскликнул Николас. — Боже мой, я все эти годы не видел ни одного…

— Разведывательный, — уточнил Лантано. —

Он фотографирует и как раз вошел обратно в атмосферу, чтобы сделать снимок получше. Интересно почему? Что может заинтересовать тут кого-то? Враждующие владельцы поместий? Доминусы, что предпочли бы видеть меня трупом? Я похож на труп, Ник? — Он остановился. — Ответь же мне. Здесь я, Ник, *или я мертв?* Как ты полагаешь? Есть та плоть, что висит на древе… — Он замолчал; затем резко развернулся и зашагал дальше.

Николас, несмотря на вымотавший его четырехчасовой поход от туннеля до Шайенна, все же смог не отстать. Он двигался с трудом, но надеялся, что идти недалеко.

— Ты ведь никогда не видел виллу в поместье, верно?

— Я и поместья-то никогда не видел.

— Тогда я прокачу тебя над несколькими из них, — сказал Лантано. — На флэппле. Тебя заинтересует вид сверху; тебе покажется, что это парк — ни городов, ни дорог. Очень красиво, вот только животные мертвы. Все. Навсегда.

Они побрели дальше. Спутник у них над головой почти уже скрылся за линией горизонта, в серой, подобной смогу, дымке, которая, понял Николас, останется в воздухе еще на многие по-

коления.

23

Разглядывая фрагмент фотоснимка через лупу в правом глазу, Сенсио сказал:

— Два человека, десять лиди. Идут через руины Шайенна в сторону недостроенной виллы Лантано. Хотите крупный план?

— Да, — тут же откликнулся Уэбстер Фут. Приказать разведспутнику снизиться над Шайенном оказалось верным решением; сейчас у них в руках был намного более подробный снимок.

Свет в комнате погас, и на стене появился белый квадрат, сразу сменившийся изображением участка пленки, пропущенного через проектор с увеличением в 1200 раз. Заработал аниматор, ценнейшее устройство; двенадцать фигурок потащились вперед.

— Это тот же самый человек, — сказал Сенсио, — который был с теми двумя уничтоженными лиди. Но с ним сейчас не Лантано; Лантано молодой человек, ему немного за двадцать. А этот человек среднего возраста. Я найду досье на него и покажу вам. — Он исчез. Уэбстер Фут остался в одиночестве, наблюдая за разворачивающимся

эпизодом; двенадцать фигур, тяжело идущих вперед, бывший танкер заметно выбился из сил, а человек рядом с ним, безусловно, Дэвид Лантано. И все же Сенсио был прав, перед ними был человек среднего возраста, даже на грани пожилого. Странно, сказал себе Уэбстер Фут. Видимо, все дело в радиации. Она убивает его, и именно такое обличье приняла его смерть — преждевременное старение. Лантано следовало бы выбираться оттуда, пока не стало слишком поздно, пока это могло еще на что-то повлиять.

— Взгляните, — сказал Сенсио, возвращаясь с досье на Лантано; он вновь включил в комнате свет и остановил анимацию отрывка пленки. — Родился в 2002-м; следовательно, ему двадцать три. Так каким образом человек там может… — Он снова выключил свет. — Это *не* Дэвид Лантано.

— Его отец?

— Согласно досье, его отец умер еще до войны. — Под небольшой настольной лампой Сенсио изучал информацию, которую их корпорация собрала на Янси-мэна Дэвида Лантано. — Любопытно, что Лантано, судя по всему, тоже бывший танкер. В любом случае в один прекрасный день он вышел из руин Сан-Франциско, попросил убежища в одном из конаптов Рансибла. Попал, как

водится, в берлинский институт психиатрического оружия. Миссис Морген обнаружила у него необыкновенные способности; порекомендовала принять его в Агентство на испытательный срок. Начал писать речи и занимается этим до сих пор. Блестящие речи, тут подчеркивается.

— Это именно он на экране, — сказал Уэбстер Фут, — и радиация убивает его. Так что из-за своей жадности, желания получить поместье он потеряет жизнь, а Агентство — блестящего спичрайтера.

— У него есть жена и двое детей. Значит, он не бесплоден. Они вышли из руин Сан-Франциско все вместе, маленькая семья. Очень трогательно.

— Вероятнее всего, они умрут вместе с ним. И года не пройдет. Прокрути-ка эту запись еще раз, мальчик мой.

Сенсио исполнительно запустил аппарат еще раз. Усталый бывший танкер по-прежнему плелся сзади. Два идущих человека ненадолго пропали, скрытые каким-то огромным, частично еще стоящим зданием; затем они снова появились в свете дня, цепочка лиди следовала за ними.

Внезапно Уэбстер Фут воскликнул, наклонившись вперед:

— Боже мой! Ну-ка останови.

Сенсио вновь остановил просматриваемый эпизод; фигурки людей замерли, где стояли.

— Не мог бы ты дать еще больше увеличения прицельно на Лантано? — попросил Фут.

Умелыми, опытными движениями Сенсио настроил систему увеличительных линз, подработал грубую, а затем точную фокусировку; фигура на экране — первого, более смуглого человека — выросла до таких размеров, что одна занимала уже весь экран. Один-единственный, без сомнения, юный и энергичный человек.

И Сенсио, и Уэбстер Фут смотрели на него во взволнованном и неловком молчании.

— Что ж, мальчик мой, — наконец прервал паузу Фут. — Это начисто опровергает теорию о воздействии радиации.

— Да, вот так он и должен выглядеть. Как выглядит сейчас. Его внешность совпадает с его официальным возрастом.

Фут сказал:

— В секретной части архивов оружия в Агентстве хранится какое-то оружие, связанное с путешествиями во времени; они пытались работать с ним, и в итоге получился ковш, который можно использовать для отправки предметов в прошлое. Доступ к нему имеет только Броуз. Но то,

что мы видим сейчас, заставляет предположить, что Лантано получил в распоряжение либо исходное оружие, либо его модификацию, сделанную в Агентстве. Я думаю, нам бы очень не помешало установить постоянное видеонаблюдение за Лантано, если это в принципе возможно. Сможем ли мы каким-то образом установить камеру на одном из лиди, непосредственно приближенных к нему? Я понимаю, что дело рискованное, но если он ее и обнаружит, то самое большее — сорвет и уничтожит камеру, но не сможет доказать, кто установил ее туда. А нам всего-то и нужно еще несколько снимков; всего ничего.

Тем временем аппарат довел эпизод до конца и теперь жужжал вхолостую, а фигуры на экране вновь застыли. Сенсио включил свет; мужчины поднялись с мест, потягиваясь и размышляя.

— Какие именно несколько снимков? — спросил Сенсио.

— Его снимки, максимально пожилого возраста, до какого только он доходит в этих своих колебаниях, — пояснил Фут.

— Возможно, мы видели их. Уже.

— Но возможно, и нет. А ты знаешь, — сказал Фут, внезапно подхваченный порывом интуиции; тот буквально подмял его — никогда раньше

он не являлся к Футу в такой силе. — Этот человек не белый; он негр, индеец или что-то вроде.

— Но ведь индейцев больше нет, — сказал Сенсио. — Вспомните ту статью, что вышла перед самой войной; программа этнического переселения на Марс вовлекла их практически полностью, и в первый же год войны они все и погибли, пока боевые действия велись на Марсе; а те немногие, кто остался на Земле…

— Ну, по крайней мере, этот точно здесь, — сказал Фут. — Так что вот так. Нам не нужно двадцать индейцев; нам нужен только один — пропущенный, я имею в виду.

Один из сотрудников лаборатории почтительно постучал в дверь кабинета.

— Мистер Фут, сэр. Доклад по тому портативному телевизору. Который вы поручили разобрать.

Фут усмехнулся.

— Вы разобрали его, и оказалось, что это стандартный довоенный цветной переносной телевизор модели «Филко 3-Д» с…

— Мы не можем его вскрыть.

— Как насчет рексероидного сверла? — Рексероид, материал с Юпитера, вообще говоря, мог просверлить что угодно. И одно такое сверло Фут держал в своей лондонской лаборатории как раз

на подобный случай.

— Корпус предмета, сэр, тоже из рексероида; сверло вошло на четверть дюйма и застряло — материал корпуса затупил сверло. Другими словами, мы в минусе на одно рексероидное сверло. Мы заказали еще, но их придется везти с Луны; ближе просто нет. Нет ни у кого из Янси-мэнов, причем нет даже у Айзенбладта в Москве. Ну или есть, но они не хотят делиться; вы же знаете, что это за народ. Боятся, что если дадут взаймы…

— Не надо читать проповедь, — сказал Фут. — Просто продолжайте попытки. И кстати, я же видел этот корпус; он вовсе не из какого-то сплава — он пластиковый.

— Тогда там применен такой пластик, которого мы раньше никогда не видели.

— Это какое-то экспериментальное оружие, — сказал Фут, — без сомнения, из закрытых архивов Агентства, хотя не исключено и то, что кто-либо отрыл его в руинах. В любом случае разработанное в конце войны и никогда ранее не применявшееся. Неужели ты хочешь сказать, что не узнаешь немецкую точность при взгляде на нее? Это гештальт-махер; я абсолютно уверен. — Он со значением постучал себя по лбу. — Так говорит эта моя дополнительная шишка на лобной доле

мозга. Доказать не могу. Когда вскроете машину, то сами увидите; аппарат, выдающий каплю крови, волосы, речь, мозговые волны, нити, отпечатки пальцев. — И еще, подумал он, автономный самонаводящийся дротик с цианидом. Первое и последнее; и более всего — последнее. — Вы пробовали нагрев, конечно?

— Не слишком большой. Примерно до 240; опасались, что если нагреем сильнее…

— Попробуйте до 350. И сообщите сразу, если она начнет менять форму.

— Есть, сэр. — Техник удалился.

Фут сказал:

— Им никогда ее не открыть. Это не рексероид, это термопластик. Но это хитрый немецкий термопластик, который размягчается ровно в интервале половины градуса; чуть выше или чуть ниже — и он тверже рексероида. Нужно найти точную температуру; у нее внутри нагревательный элемент, что плавит корпус, когда надо поменять форму. Если долго и тщательно подбирать…

— Или, — добавил Сенсио, — если они перегреют ее, и тогда внутри останется один пепел.

Он был прав. Немцы предусмотрели все; механизм был построен так, что необычные воздей-

ствия на него — нагрев, сверла, всевозможные щупы — срабатывали, активируя систему самоуничтожения. И эта гадость даже не лопалась у всех на виду; просто ее внутренности полностью уничтожались… так что можно было еще долго пытаться проникнуть внутрь — внутрь приспособления, которое давным-давно уже грамотно покончило с собой, превратило свои внутренние механизмы в бесформенное запекшееся ничто.

Эти машины времен конца войны, подумал Фут, слишком уж умные. Просто чертовски умные по сравнению с нами, смертными; страшно представить, что конструкторы могли еще выдумать, будь у них лишний год. Если бы все автоматические фабрики не были уничтожены, все наземные цеха, и лаборатории, и полигоны… как то, одно-единственное предприятие, что выпускало артифорги.

Интерком щелкнул, и мисс Грей сообщила:

— Сэр, Янси-мэн Дэвид Лантано на связи и хочет поговорить с вами. Вы ответите ему или вас нет на месте?

Фут коротко глянул на Сенсио.

— Увидел, что спутник снизился. Понял, что мы внимательно следим за ним. Собирается спросить почему. — Он попытался быстро придумать

повод. Бывший танкер? Да, неплохо; здесь можно было зацепиться, поскольку по закону Лантано обязан был сдать любого танкера, что выбрался из-под земли на территории его поместья, берлинским психиатрам. В интерком он сказал: — Да, я поговорю с ним, мисс Грей, пропустите вызов.

На большом видеоэкране появилось лицо Дэвида Лантано, и Уэбстер Фут зачарованно отметил, что тот находился в фазе молодости своей осцилляции, или цикла; в любом случае перед ним был человек, соответствовавший своему официальному возрасту, двадцатитрехлетний.

— Я никогда не имел чести быть вам представленным, — вежливо сказал Фут (Янси-мэны, как правило, обожали эту вербальную форму уважения). — Тем не менее я знаком с вашим творчеством. Оно бесподобно.

— Мы хотели бы получить артифорг, — обратился к нему Лантано. — Поджелудочную железу.

— Боже мой.

— Вы можете найти такую? Откопайте. Мы заплатим очень много.

— Их не существует. — Фут подумал: зачем? Кому она нужна? Тебе? Или твой дружок танкер пробился на поверхность ради нее? Скорее всего,

последнее, и ты проявляешь благотворительность или как минимум изображаешь ее.

— Нет ни единого шанса, мистер Лантано.

И тут его осенила идея.

— Позвольте мне, — сказал он, — посетить вашу виллу, чтобы обсудить некоторые моменты. У меня есть кое-какие карты, военные карты тех времен, на которых указаны территории, до сих пор не раскопанные, где могут находиться запасы артифоргов; это госпитали ВВС США в удаленных локациях. Аляска, Северная Канада. На самом краю тогдашней линии безопасности и на Восточном побережье. Возможно, мы с вами…

— Отлично, — согласился Лантано. — Как насчет девяти вечера на моей вилле? Девять по здешнему времени, у вас будет…

— Сэр, я владею навыком расчета времени, — сказал Фут. — Я обязательно буду. И я уверен, что вы, с вашими исключительными способностями, сумеете извлечь пользу из этих карт. Можете отправить туда ваших лиди, если пожелаете, или моя корпорация может…

— Хорошо, в девять вечера по моему времени, — прервал его Лантано и отключился.

— Зачем? — после паузы спросил у Фута Сенсио.

— Чтобы установить видеонаблюдение, — ответил тот.

— Ах да! — Сенсио даже покраснел.

— Прокрути еще раз этот эпизод, — задумчиво попросил Фут. — Там, где Лантано в среднем возрасте. И останови на том моменте, где он старше всего. Я вот только что, в разговоре, заметил у него одну особенность…

Вновь настраивая увеличительное оборудование, пленку, аниматор и проектор, Сенсио спросил:

— Какую особенность?

— Мне показалось, — ответил Фут, — что Лантано, старея, начинает кого-то напоминать. Не могу точно сказать кого, но кого-то хорошо знакомого. — Изображение даже молодого Лантано на большом видеоэкране вызвало у него чувство дежавю.

Через минуту в комнате погас свет, а он разглядывал снимок Лантано в среднем возрасте, вид сверху; снова угол был неудачным, как всегда, когда фотоаппаратура находится почти вертикально сверху — а для спутника это обычная ситуация. Но сейчас ему удалось различить черты лица, потому что при прохождении спутника и Лантано, и бывший танкер остановились и

посмотрели на него — вверх.

— Я знаю, кто это, — внезапно сказал Сенсио. — Тэлбот Янси.

— Да, только он смуглый, — сказал Фут. — Этот человек здесь.

— Но если наложить отбеливатель кожи, изобретение военного времени…

— Нет, Янси значительно старше. Когда мы получим хороший снимок Лантано в возрасте шестидесяти пяти лет, а не пятидесяти, тогда, может быть, что-то у нас и будет. — А когда я попаду к нему на виллу, подумал Фут, у нас появится техническая возможность сделать такой снимок. И это будет сегодня; всего через несколько часов.

Что такое этот Лантано? — спросил он себя.

И не получил ответа.

По крайней мере, пока.

Но за годы он научился быть терпеливым. Он был профессионалом; он установит на недостроенной вилле Лантано камеру наблюдения, которая раньше или позже даст ему дополнительные факты, и в конце концов, однажды, достаточно скоро, появится ключевой, краеугольный факт, и все свяжется воедино: смерть Дэвидсон, Хига и Линдблома, уничтожение двух лиди, странное старение Лантано — и тот, самый

удивительный, факт, что, старея, он все более и более становится похож на манекен из стали и пластика, привинченный к деревянному столу в Нью-Йорке… ох, подумал Фут; это ведь объясняет тот удивительный и до сих пор загадочный отрывок с человеком, застрелившим двух лиди. Мы-то думали, что на снимках кто-то, *напоминающий* Тэлбота Янси.

А это был Дэвид Лантано в крайней точке его возрастных колебаний; *мы уже это видели*. Ключевой факт уже показался нам.

Ах, Броуз, подумал он, ты крепко просчитался; ты потерял свою монополию на секретное оружие из архива. Кто-то другой завладел оборудованием для путешествия во времени и теперь использует его, чтобы уничтожить тебя. Как он им завладел? Абсолютно неважно; оно у него есть: и в этом-то все дело.

— Готтлиб Фишер, — сказал он вслух. — Идея создания Янси принадлежит ему; так что кризис, строго говоря, располагается в прошлом. — И тот, кто обладает возможностью путешествовать во времени, имеет доступ к прошлому, понял он. Существует пересечение, взаимосвязь между Дэвидом Лантано, кем бы или чем бы он ни был, и Готтлибом Фишером, тогда, в 1982-м, или

1984-м, или в любом году до смерти Фишера, но не позже нее… а скорее всего, незадолго до того, как Фишер начал свою работу над принципом Янси, его вариацией *принципа фюрера*: над своим новым решением вопроса о том, кому быть лидером, поскольку если люди слишком слепы, чтоб управлять собой, то как им можно доверять управление другими? И ответ на этот вопрос — фюрер, как знает каждый немец, а Готтлиб Фишер был немцем. А потом, как все мы знаем, Броуз украл эту идею у Фишера и воплотил ее в реальность; манекен, один в Москве и один в Нью-Йорке, прикрученный к дубовому столу, управляемый компьютером, которому, в свою очередь, поставляют речи отлично обученные элитные спичрайтеры, — все это можно честно поставить в заслугу Стэнтону Броузу, вот только мы и не догадывались, что Готтлиб Фишер украл *свою* часть, исходный зародыш концепции еще у кого-то.

Где-то в районе 1982 года германский кинематографист *увидел Тэлбота Янси.* И создал своего фюрера не на основе собственной креативности, своего художественного дара, но на основе обычного наблюдения. А кого мог видеть Готтлиб Фишер в районе 1982 года? Актеров. Сотни. Он

просматривал их на роли в своих двух гигантских псевдодокументальных фильмах — подбирал специально по способности изображать мировых лидеров. Иными словами, тех актеров, кто обладал *харизмой*, магией.

И он сказал Сенсио, медленно и задумчиво, рассеянно теребя губу:

— Думаю, если я прочешу Версии А и В, два шедевра изобретательности Фишера, то в одной из постановочных сцен рано или поздно наткнусь на Тэлбота Янси. В гриме, конечно; играющего какую-то роль. — Например, Сталина, подумал он. Или Рузвельта. Любого из них — или всех сразу. Чего не было в этих фильмах, так это честных титров; кто играл кого из мировых лидеров: нам нужен этот список, а его нет и никогда не было; его сознательно и старательно *не сделали*.

Сенсио сказал:

— Как вы знаете, мы располагаем собственными копиями обеих версий.

— Отлично. Просмотри их и вырежи каждую игровую, фейковую сцену. Отдели их от реальных съемок, которые…

Сенсио саркастически рассмеялся.

— Господи боже, помилуй нас. — Он закрыл глаза и покачался туда-сюда. — Ну кто, по совести

говоря, может *вообще* это сделать? Никто не знал тогда, не знает сейчас и не будет знать…

Верно; весомый аргумент. Собственно говоря, главный.

— Ну хорошо, — сказал Фут. — Тогда просто начни их просматривать. Пока не увидишь — может быть, мельком — образ Протектора. Он будет одним из великих харизматичных лидеров, одним из большой четверки; точно не Муссолини и не Чемберлен, этих можно пропустить. — Господь небесный, подумал он; а если он и есть тот «Гитлер», что приземляется на турбореактивном «Боинге-707» в Вашингтоне, округ Колумбия, чтоб провести секретные переговоры с Рузвельтом? *Неужели вот этот человек сегодня управляет миллионами танкеров*, тот актер, что показался Готтлибу Фишеру самым подходящим для исполнения роли Адольфа Гитлера?

Но, конечно, у него могла быть и эпизодическая роль. Какого-то генерала. И даже одного из рядовых джи-ай в окопах.

— Это займет у меня недели, — сказал Сенсио, очевидно придя к таким же выводам. — А есть ли у нас недели? Людей-то убивают…

— Джозеф Адамс находится под защитой, — сказал Фут. — А Броуз… ну что сказать, жаль будет,

если его убьют; его тайный враг получит еще больше власти.

…А его тайным врагом совершенно явно и очевидно является Дэвид Лантано. Но это всего лишь возвращает к исходному вопросу — кто такой или что такое Дэвид Лантано?

Сейчас, по крайней мере, он имел частичный ответ — пусть и временный. Подлежащий проверке. Дэвид Лантано на самой возрастной точке своих колебаний был нанят Готтлибом Фишером — или хотя бы просмотрен, — чтобы играть некую роль в одной из двух версий его документального фильма 1982 года; да, такой была гипотеза. И нужно было переходить к ее проверке.

И следующий шаг обещал быть очень непростым — тот шаг, который должен был следовать за обнаружением Янси — то есть Дэвида Лантано — в одной или обеих документальных лентах Фишера.

Следующим шагом, который потребует всего мастерства «Уэбстер Фут Лимитед, Лондон», станет незаметное и бесшумное проникновение на недостроенную виллу Дэвида Лантано при помощи специальных инструментов, пока Лантано находится в Агентстве, в Нью-Йорке. И завладение, хотя бы на миг, одним из тех приспособлений

для путешествий во времени, которыми Лантано располагал.

Да, будет непросто, Фут осознавал это. Но у нас есть необходимое оборудование; это наша работа с 2014 года. И на сей раз мы не просто выполняем заказ клиента; мы делаем это для себя.

Потому что, понял он, наши собственные жизни сейчас — без нашего согласия — поставлены на карту; перед нами, как уже доказано, самый главный, последний приз, за который игроки сражаются и торгуются, ради которого лгут и рискуют, к которому стремятся.

— Юридическая контора, — сказал он вслух. — Господа Ложь, Гордыня, Жадность, Гнев, Зависть; партнеры. Они могут представлять нас на суде Дисциплинарного совета, когда мы подадим иск против Броуза.

— На каких основаниях иск?

— На основаниях того, — негромко сказал Фут, — что легитимно избранным мировым лидером является Протектор, Тэлбот Янси, как известно каждому танкеру; именно этот факт правительство Эстес-парка утверждало и утверждает пятнадцать лет подряд. И этот человек существует в реальности. Следовательно — Броуз не обладает законной властью. — Поскольку

законная власть, продолжил он уже про себя, полностью принадлежит Янси, что и требовалось доказать, и как НарБлок, так и ЗапДем сходятся здесь в едином мнении — добровольно и с песней.

И, мне кажется, Янси уже начал оформлять требования на свои законные права, подумал Фут. Наконец-то.

24

Маленький смуглокожий мальчик застенчиво произнес:

— Меня зовут Тимми.

Рядом с ним его младшая сестренка заерзала, улыбнулась и прошептала:

— А я Дора.

Николас повторил:

— Тимми и Дора. — Их матери, миссис Лантано, стоявшей чуть в стороне, он сказал: — У вас прекрасные ребятишки. — Увидев жену Лантано, он подумал о своей, о Рите, все еще живущей внизу обреченной жизнью подземных убежищ. Судя по всему, вечной; поскольку даже честные люди с поверхности вроде Дэвида Лантано и, если он правильно понял, строительного магната Луиса Рансибла — даже эти люди не имели ни планов, ни надежд, им нечего было предложить танкерам. Разве что, в случае Рансибла, гигиеничные и удобные тюрьмы на поверхности вместо темных и переполненных тюрем внизу.

А Лантано…

Его лиди убили бы меня, понял Николас. Если

бы вдруг откуда-то не появился Тэлбот Янси, да еще с исправным оружием.

Он обратился к Лантано:

— Как они могут утверждать, что Янси — обман? Блэр сказал так; они все подтвердили. И вы говорите так же.

— Каждый лидер, что когда-либо правил… — ушел от прямого ответа Лантано.

— Это другое, — сказал Николас. — И я думаю, что вы понимаете. Это ведь не вопрос отличия человека от его образа в глазах общественности; это такой вопрос, который — насколько я знаю — никогда в истории вообще не поднимался. Вероятность того, что данного человека в принципе не существует. И все же я видел его. Он спас мне жизнь.

Он вдруг подумал — я поднялся сюда, чтобы узнать две истины: что Тэлбот Янси не существует, наперекор тому, во что мы верили всегда, — и что он все же существует; что он достаточно материален, чтобы прикончить двух хищных, профессиональных и опытных лиди, которые в отсутствие властного усмиряющего приказа совсем одичали и убили бы меня, даже особенно не рассуждая. Убийство человека как само собой разумеющееся, как часть их работы. Возможно,

даже основная часть.

— В качестве компонента своего облика, — сказал Лантано, — каждый мировой лидер всегда имел *некий* фиктивный аспект. Особенно в прошлом веке. И, безусловно, во времена Рима. Как, например, на самом деле выглядел Нерон? Мы не знаем. Но и они, тогда, не знали. И то же самое верно по поводу Клавдия. Был ли Клавдий идиотом или же великим, даже святым человеком? И пророки, религиозные…

— Вы не дадите ответа, — сказал Николас. Это было очевидно.

Сидящая со своими детьми на длинном диване из кованого чугуна с подушками из пенорезины Изабелла Лантано сказала:

— Вы правы, мистер Сент-Джеймс; он не ответит. Но он знает. — Ее глаза, огромные и полные внутренней силы, безотрывно смотрели на мужа. Они с Дэвидом обменялись взглядами, значительными и молчаливыми. Николас, оказавшийся лишним, поднялся на ноги и прошелся по просторной, с высоким потолком гостиной, бесцельно, чувствуя себя отвратительно беспомощным.

— Выпей, — предложил ему Лантано. — Это текила. Мы привезли очень хорошую из Мехи-

ко. — Он добавил: — Я тогда выступал перед Дисциплинарным советом и, к своему удовольствию, обнаружил, насколько же им все безынтересно.

— Что такое Дисциплинарный совет? — спросил Николас.

— Это настоящий верховный суд этого, только нашего, мира.

— Что вы пытались получить от них? — снова спросил Николас. — Постановление?

После длительной паузы Лантано лаконично ответил:

— Постановление по очень теоретическому вопросу. Точного легального статуса Протектора. В сравнении с Агентством. В сравнении с генералом Хольтом и маршалом Харензани… — Он прервался, поскольку один из его домашних лиди вошел в гостиную и почтительно приблизился к нему. — В сравнении со Стэнтоном Броузом, — закончил он. — Что случилось? — спросил он у лиди.

— Доминус, у границ нашей охраняемой территории находится некий Янси-мэн, — доложил лиди. — Вместе с его свитой или прислугой, общим счетом тридцать лиди; он крайне возбужден и желает пообщаться с вами. Вместе с ним там находится группа людей, определяемых как ком-

мандос Фута, которые защищают его персону от реальных или воображаемых угроз, как он заявляет, согласно приказу из Женевы. Он выглядит весьма напуганным и просит передать вам, что его лучший друг убит и что «он будет следующим». Вот его точные слова, мистер Лантано, я записал их. Он сказал: «Если Лантано… — будучи крайне взволнован, он забыл про обязательную вежливую форму, — если Лантано не сможет мне помочь, то я следующий». Впустить ли нам его?

Обращаясь к Николасу, Лантано сказал:

— Это, судя по всему, один Янси-мэн из Северной Калифорнии, по имени Джозеф Адамс. Поклонник некоторых аспектов моей работы.

Он на секунду задумался и сказал лиди:

— Пригласи его войти и присаживаться. Но на девять часов у меня запланирована рабочая встреча. — Он взглянул на часы. — Уже почти девять; убедись, что он понял — я приглашаю его ненадолго. — Когда лиди удалился, Лантано сказал Николасу: — Парень не совсем пропащий. Он даже может показаться тебе интересным; его работа вызывает у него угрызения совести, внутренние конфликты. Но… — Лантано сделал пренебрежительный жест; для него вопрос был решенным. — Он все равно продолжает этим за-

ниматься. Несмотря на все прошлые и настоящие сомнения. Да, они у него есть, но он продолжает. — Голос Лантано вдруг затих, и внезапно проявился его облик старика, древнего и морщинистого, старше, чем когда-либо ранее; уже далеко не среднего возраста: это было тем, что Николас увидел вскользь, когда Лантано спускался в подвал в Шайенне, вот только сейчас он увидел это же — на мгновение — практически в упор. И сразу все исчезло. Словно всего лишь игра отражений огня; вовсе не перемены в человеке. И все же он знал, понимал отчетливо, что все таилось внутри этого человека, и при взгляде на жену Лантано и двоих его детей ему на мгновение почудилось — он словно бы краем глаза увидел — некое увядание и у них, разве что для детей это скорее было взрослением, продвижением в сторону юности и энергии; они вдруг на миг стали старше. И потом это тоже закончилось.

Но он успел увидеть. Увидеть, как дети стали подростками. А миссис Лантано — седой; кивающей головой в полусне безвременья, в забытьи, которое было попыткой сберечь ускользающие, ушедшие силы.

— Вот и они, — сказала Изабелла Лантано.

С лязгающим звуком в гостиную вошла группа

лиди, остановилась; из-за них выскользнула четверка бойцов, профессионально и внимательно осмотревших все вокруг. И только потом, после них, появился напуганный и одинокий человек. Джозеф Адамс, догадался Николас; мужчина дрожал от мрачных предчувствий, словно выжатый изнутри, уже — а не только потенциально — ставший жертвой некой подвижной, как жидкость, вездесущей, смертельно тревожной силы.

— Спасибо, — хрипло сказал Адамс хозяину. — Я не задержусь надолго. Верн Линдблом был моим близким другом; мы работали вместе. Его смерть — я даже не слишком беспокоюсь за себя. — Он указал сперва на отряд своих лиди, потом на охраняющих его коммандос; свой двойной щит. — Все дело в шоке от его смерти. Я к тому, что это и без того очень одинокая жизнь — в лучшем случае. — Дрожа, он опустился у огня, недалеко от Лантано, бросил взгляд на Изабеллу и двоих детей, потом на Николаса, с явным растерянным непониманием. — Я отправился в его поместье в Пенсильвании; его лиди знают меня; запомнили, потому что мы с ним частенько играли в шахматы по вечерам. И они впустили меня.

— И что же вы там обнаружили? — спросил Лантано неожиданно жестко; Николас был пора-

жен враждебностью его тона.

Адамс сказал:

— Лиди типа шесть, старший из них, — это он впустил меня — вручил мне данные от встроенного в стену энцефалографа. То, что аппарат смог записать, отчетливый альфа-ритм мозга убийцы. Я загрузил эти данные в Мегавак 6-V и проверил их; у компьютера есть досье на всех членов организации. — Его голос дрогнул, ладони тоже.

— И, — спросил Лантано, — чью же карточку он выплюнул?

После паузы Адамс сказал:

— Стэнтона Броуза. Таким образом, я полагаю, что это Броуз убил его. Убил моего лучшего друга.

— То есть сейчас, — подытожил Лантано, — вы не только лишились лучшего друга, но еще и приобрели взамен врага.

— Да; я думаю, Броуз убьет меня следующим. Как он убил Арлин Дэвидсон, потом Хига, а потом Верна. Это люди Фута, — он указал жестом на четверку коммандос, — без них я был бы уже мертв.

Лантано задумчиво кивнул и сказал:

— Вероятнее всего.

Сказал, будто точно это знал.

— Так вот зачем я прибыл, — сказал Адамс, —

прибыл, чтобы просить вашей помощи. Я видел вас — ни у кого нет ваших способностей. Броуз нуждается в вас; без таких людей, молодых блестящих новичков в Агентстве вроде вас, в конце концов мы совершим ошибку — сам Броуз все более и более впадает в маразм, его мозг дряхлеет; раньше или позже он пропустит пленку с крупной, серьезной ошибкой. Вроде тех ошибок в лентах Фишера; «Боинг-707» или Сталин, говорящий по-английски, — ну вы знаете о них.

— Да, — сказал Лантано. — Я знаю. Там есть и еще. Но в основном так и не замеченные. Обе версии сознательно и коварно искажены в деталях. Хорошо, я критически нужен Броузу, и что дальше? — Он взглянул на Адамса в ожидании ответа.

— Скажите ему, — ответил Адамс, задыхаясь, словно испытывая трудности с дыханием, — что если я погибну, то вы с вашими талантами уйдете из Агентства.

— А зачем бы мне это делать?

— Потому что, — сказал Адамс, — однажды придет и ваша очередь. Если Броуз останется безнаказанным.

— Как вы думаете, почему Броуз убил вашего друга, Верна Линдблома?

— Видимо, он решил, что его специальный проект… — Адамс прервался и смолк, явно борясь с собой.

— Все вы выполнили свою работу, — сказал Лантано. — И как только каждый из вас сделал свою часть, он был уничтожен. Арлин Дэвидсон, как только прекрасно сделанные наброски — да не наброски даже, а абсолютно реалистичные чертежи, идеальные в каждой детали, — были сделаны и сданы. Хиг, как только он обнаружил артефакты на стройплощадке в Юте. Линдблом, как только он доделал сами артефакты и они были запущены в прошлое. Вы, как только допишете ваши три статьи для *Natural World.* Они ведь закончены? — Он остро взглянул на Адамса.

— Да, — кивнул Адамс. — Сегодня я передал их в Агентство. Для дальнейшей обработки. Чтобы их напечатали в фальшивых изданиях задним числом, состарили и так далее; похоже, что вы в курсе. Но… — Он ответил Лантано не менее острым взглядом. — Хиг погиб слишком рано. Он не успел, не привлек внимания Рансибла к артефактам, хотя на нем была камера и она записывала происходящее. У Броуза есть и другие агенты в структурах Рансибла, и они доносят, и камера подтверждает их слова, что Рансибл

ничего не знает; вне всяких сомнений, он не в курсе о существовании — теперь уже бывшем — этих артефактов. Так что… — Его голос стих, превратился в удивленное бормотание. — Что-то пошло не так.

— Да, — согласился Лантано, — в самый критический момент действительно что-то пошло не так. Вы правы; Хиг погиб самую малость раньше, чем нужно. Я вам еще кое-что скажу. Вашего друга Линдблома убила немецкая машина, изобретение военного времени под названием «гештальт-махер»; она выполняет две отдельные задачи: во-первых, уничтожает жертву мгновенно и безболезненно, что в немецком понимании этически приемлемо. А потом она выкладывает цепочку…

— Улик, — перебил его Адамс. — Я знаю, мы наслышаны о таком. Мы знаем, что она хранится в закрытой секции военного архива, куда, само собой, доступ имеет только Броуз. Тогда получается, что альфа-ритм мозга, который записал у Верна следящий монитор постоянного действия… — Он замолчал, сплетая и расплетая пальцы. — Он был поддельным. Целенаправленно сфальсифицированным этой машиной, гештальт-махером. Фальшивки. Они и создают гештальт, образ —

улики вроде этой, указывающие на человека. А остальные улики…

— Все указывали на Броуза, в унисон. Уэбстер Фут, который вот-вот здесь появится, загрузил все семь улик в московский компьютер, и тот выдал в ответ единственную карточку — Броуза. Точно так же, как Мегавак 6-V на основе вашей единственной улики. Но одной — этой одной — оказалось достаточно.

— Тогда получается, — хрипло сказал Адамс, — что Броуз не убивал Верна; это сделал кто-то другой. Который не только желал убить Линдблома, но и хотел, чтобы мы поверили, что убийца — Броуз. То есть какой-то враг Броуза. — Его лицо страшно исказилось, и Николас, наблюдая за ним, понял, что мир этого человека только что рухнул; сию секунду у него не было никакой опоры, не на что было ориентироваться в интеллектуальном или идейном смысле; психологически он поплыл, потерялся в море без цвета и берегов.

Однако Лантано не казался особенно тронутым отчаянием и непониманием Адамса. Он резко произнес:

— Но гештальт-махер оказался пойманным на месте убийства, его задержали бдительные лиди Линдблома. Человек, пославший машину, на-

строивший для нее все улики, знал, что Линдблом носит датчик смерти. *Разве не почти все Янси-мэны носят датчики смерти?* Вот вы, например, носите. — Он указал на шею Адамса, и Николас увидел там золотую нить толщиной с волос, а точнее, нить из какого-то необычного металла.

— Да… это факт, — признал Адамс, растерянный практически до полной потери речи.

— И, таким образом, Броуз увидел возможность создания себе алиби, доказательства того, что это не он стоял за отправкой гештальт-махера. Поскольку заложенные улики указывали на него, а очевидно, что цепочка улик фиктивна, то Фут, профессионально об этом осведомленный, понял — как и планировал Броуз, — что цепочка эта должна указывать на Броуза как на убийцу, что именно этого и хотел киллер и что Броуз невиновен. — Он сделал паузу. — Однако Броуз виновен. Именно Броуз запрограммировал машину. Чтобы создать улики против себя и таким способом заставить детективов поверить в свою невиновность.

— Я не понимаю, — сказал Адамс. Он покачал головой. — Я просто не понимаю, Лантано; не надо повторять — я услышал все, что вы сказали. И я понимаю, что это означает. Это просто

слишком…

— Слишком запутанно, — согласился Лантано. — Машина, что убивает, а затем выкладывает фальшивые улики; только на этот раз фальшивые улики являются настоящими. Перед нами, Адамс, *вершина искусства фальсификации*, последняя стадия эволюции той организации, что была создана именно с целью выработки фальшивок. Убедительно. А вот и Фут.

Лантано встал и обернулся к двери. Она открылась, и вошел человек (без своры лиди и бойцов охраны, как отметил Николас) с кожаной папкой под мышкой.

— Адамс, — поздоровался Фут. — Я рад видеть, что им не удалось добраться до вас.

Мрачно, с необычной усталостью, Дэвид Лантано представил присутствующих друг другу; он впервые объяснил присутствие Николаса до безумия испуганному Янси-мэну, Джозефу Адамсу.

— Я прошу прощения, Адамс, — сказал Лантано, — но, боюсь, мое совещание с мистером Футом является конфиденциальным. Вам придется нас оставить.

Севшим от волнения голосом Адамс спросил:

— Так вы поможете мне или нет? — Он встал, но пока не двигался с места. А его охранники — как

люди, так и искусственные создания — оставались неподвижными, внимательно наблюдая за происходящим. — Мне нужна помощь, Лантано. Нет такого места, где я могу укрыться от него; он достанет меня, поскольку у него есть доступ к этому секретному оружию; бог весть, что еще хранится в этих архивах. — Он бросил на Николаса умоляющий, сумасшедший взгляд в поисках любой поддержки — даже его.

Николас сказал:

— Есть такое место, где он вас точно не найдет. — Он раздумывал над этим уже несколько минут, как только сумел понять суть проблемы Адамса.

— Где? — жадно спросил Адамс.

— Внизу, в каком-нибудь из убежищ, танков.

Адамс смотрел на него с нечитаемым выражением лица; оно было слишком расплывчатым, слишком отражало внутренний конфликт, чтобы можно было что-то по нему понять.

— Мой танк, — сказал Николас, сознательно — поскольку вокруг было слишком много ушей — не упоминая его названия. — Я могу найти вертикальный туннель. И я собираюсь вернуться с артифоргом, за которым и шел, или без него; вы можете пойти со мной.

Фут оживился.

— Ах, артифорг! Так это для вас! Поджелудочная железа. — Он уселся и расстегнул свою кожаную папку. — Кто-то из вашего танка? Ценная личность, нежно любимая пожилая тетушка? Артифорги, как мистер Лантано, без сомнения, успел рассказать вам…

— Я все равно буду продолжать поиски, — упрямо сказал Николас.

25

Расстегивая молнию на своей кожаной папке, Уэбстер Фут ухитрился выронить на пол бумажный рулон; он нагнулся, чтобы подобрать его, и в тот же момент увидел свой шанс и использовал его; поднимая левой рукой отвлекающие внимание документы, правой он одновременно сумел вложить меж подушек дивана, на котором сидел, — в тщательно выбранном месте — передающую камеру; та не просто записывала и сохраняла данные, но и мгновенно передавала все, что смогла записать, оператору на ближайшей принимающей станции.

Выглядящий абсолютно несчастным Янси-мэн Адамс сказал ему:

— Вы скормили все улики московскому компьютеру, и он выдал карточку Броуза. Следовательно, вы полагаете Броуза невиновным, поскольку улики фальшивые, выложенные гештальт-махером; и сделал все это некто, враждебный как Линдблому, так и Броузу.

Разглядывая Адамса и удивляясь, откуда он все это знает, Фут лишь хмыкнул в ответ.

— Это так, — хрипло продолжил Адамс. — Я знаю, потому что сам вложил зафиксированный альфа-ритм в Мегавак 6-V и получил тот же самый ответ. Но Дэвид Лантано… — он мотнул головой в сторону смуглого молодого Янси-мэна, — полагает, что Броуз мог запрограммировать машину, зная, что она будет поймана; и вы действительно поймали ее.

— Ну что же, — тщательно подбирая слова, сказал Фут, — объект у нас в руках. Но мы пока не смогли вскрыть его; он противодействует вскрытию. Мы предполагаем, что это немецкая машина военного времени в своем закамуфлированном состоянии; да, все действительно так.

Он не видел повода сейчас отрицать этот факт; в любом случае, поскольку Джозеф Адамс и Дэвид Лантано уже знали о нем, естественно, придется вскоре рассказать и Броузу. И как можно скорее, понял Фут. *Броуз должен узнать это от меня, а не от них. Так что мне надо выбираться отсюда, и чем раньше, тем лучше, а в моем флэппле есть видеофон спутниковой связи с Женевой.* Если же Броуз узнает эту новость от них, а не от меня, то моя репутация пострадает навсегда; я не могу такого допустить. Он почувствовал досаду и раздражение.

Полагаешь, спросил он у себя, *что я стал жертвой обмана — или, точнее,* двойного *обмана? Преступление совершил этот переносной телевизор — будем так его называть, раз он так выглядит, — но на самом деле отправил его Броуз с задачей подставить* себя самого? *Удивительно, но эта идея никогда не пришла бы мне в голову, даже с моими экстрасенсорными способностями.*

Все этот Лантано, понял он; *эта мысль принадлежит ему. Вдохновение. Парень опасно одарен им.*

В его ухе пиликнул крохотный динамик, вживленный для невидимости под кожу:

— Принимаем сигналы отчетливо, мистер Ф. Отлично установлено. С этого момента у нас будет все, что происходит в этой комнате.

Задумчиво, в глубоких размышлениях, Фут развернул свои военные карты, на которых было указано расположение ключевых складов оружия и других запасов; эти карты были совершенно секретными… «особой важности», по тогдашним обозначениям. Их передал ему генерал Хольт через Агентство. Для одного из заданий Броуза, что он когда-то выполнил; сами карты были возвращены, но он сделал с них ксерокопии. Фут небрежно просматривал их, готовясь

к утомительному — для прикрытия — разговору с Лантано… и вдруг, без предупреждения и уведомления, его толкнуло изнутри; интуиция болезненно уколола его, наполнила разум неким сообщением, и Фут, повинуясь ей, пристально и подробно всмотрелся в самую верхнюю из карт. На ней была изображена территория у атлантического побережья Северной Каролины. Были указаны три арсенала армии США, подземные склады, что давно были раскопаны и опустошены броузовскими лиди. Так говорили пометки на карте. Но…

Расположение арсеналов показывало, что они были построены для поддержки мобильных тактических бронечастей, вероятно использованных — или планировавшихся к использованию — против советских лиди, доставленных гигантскими транспортными субмаринами СССР девяностых годов через океан. А в те времена было принято четверное деление подобных арсеналов: три с оружием, горючим и запчастями для тяжелых американских танков с рексероидной броней, способной пережить прямое попадание ракеты с ядерной боеголовкой… и эти три были раскопаны. Но карта не указывала четвертый склад, а он обязан был существовать милях в пя-

тидесяти в тылу от первых трех; и в нем должны были храниться медицинские запасы — для личного состава тех мобильных механизированных частей береговой обороны, что пользовались тремя арсеналами ближе к океану.

Он провел карандашом линии, соединяющие три указанных на карте арсенала, а затем, использовав вместо линейки какую-то книгу с ближайшего столика, отмерил линию, что заканчивалась в гипотетическом, не обозначенном на карте месте, которое, однако же, превращало треугольник в квадрат.

Через пять часов, прикинул Фут, у меня будет рабочая бригада лиди, копающая в этом месте; они пробьют шахту вниз и за пятнадцать минут установят, действительно ли там существует четвертый склад, с медицинским оборудованием для военного госпиталя. Он прикинул шансы; выходило около сорока процентов за успех. Но раскопки уже проводились, и с гораздо меньшими шансами, причем его корпорацией.

Где-то удачно, где-то нет. Но найти запас артифоргов было невероятной удачей, это была бы находка неслыханной ценности. Даже жалкие несколько штук, три или четыре… даже это скудное количество *разрушило бы монополию Броуза.*

— В этом месте, — сказал он Лантано, который подошел и сел рядом с ним, — я планирую начать копать. Вы видите почему. — Он указал три уже раскопанных склада, а потом проведенные от них линии. — Мой психонический дар, — сказал он, — подсказывает мне, как лозоходцу, ищущему воду, что здесь мы найдем нераскопанный медицинский склад армии США. И, возможно, удача будет с нами — в том, что касается искусственной поджелудочной железы.

Джозеф Адамс сказал:

— Я пойду. — Судя по всему, он сдался; он махнул своим лиди — те вместе с четверкой коммандос Фута начали смыкаться вокруг него, и вся группа медленно двинулась к дверям, словно разбитая армия.

— Обождите, — сказал Лантано.

Адамс остановился у дверей, его несчастное лицо все еще было искажено, перекошено; страдание и растерянность, боль из-за гибели друга, непонимание, кого за нее винить и что же делать ему самому — все это смешивалось и спутывалось на лице.

Лантано спросил:

— Вы убьете Стэнтона Броуза?

Уставившись на него, Адамс промямлил:

— Я… — Взгляд его стал невидящим; он явно пришел в ужас. Повисла тишина.

— Вы не скроетесь от него, Адамс. Скорее всего, даже в убежище; даже там вам не спастись. Потому что политкомиссары Броуза уже внутри, и они ждут. Если вы спуститесь вместе с Ником в его танк — там будет их политкомиссар, работающий на Броуза, скорее всего осведомленный о ситуации тут, наверху… — Лантано прервался. Продолжать не имело смысла. — Вам придется решать самому, Адамс, — сказал Лантано. — Мотив вы можете выбрать себе любой. Месть за смерть Линдблома, опасения за собственную жизнь… для блага человечества. Выбирайте. Можете принять все три мотива, если вам так удобнее. Но у вас есть возможность встретиться с Броузом. И гипотетически вы можете его убить. Хотя, честно говоря, шанс будет невелик. И тем не менее это реальный шанс. И взгляните на свое положение сейчас; взгляните на свой страх. А станет еще хуже, Адамс; я предсказываю это и полагаю, что мистер Фут предскажет то же самое.

— Я… я не знаю, — пробормотал наконец Адамс.

— С точки зрения морали, — сказал Лантано, — это будет справедливо. Я уверен в этом. Мистер

Фут тоже знает это. И Ник тоже знает это — уже знает. И вы знаете, Адамс. Разве не так?

Он подождал; Адамс молчал. Лантано обратился к Футу:

— Он знает это. Он один из немногих Янсимэнов, кто действительно осознает это. Особенно сейчас, после смерти Линдблома.

— Убить его — чем? — спросил Адамс.

Лантано внимательно вглядывался в военную карту Фута.

— Я предоставлю вам оружие. Эту часть оставьте мне. Думаю, что мы попали в точку, вот здесь. — Он указал пальцем на то место, которое Фут вычислил по карте. — Начинайте копать, я все оплачу. — Он еще раз обернулся к Адамсу, который стоял у дверей, полностью прикрытый своими лиди и эскортом из людей Фута. — Броуз должен быть убит. Это всего лишь вопрос времени. И кем. И при помощи какого технического приспособления. — Он спросил у Фута: — Какое оружие вы посоветуете? Адамс повстречает Броуза в Агентстве на этой неделе, в своем собственном офисе. В офисе Адамса. Так что ему не придется носить оружие с собой; оно может храниться в офисе замаскированным; Адамсу нужно будет только привести его в действие или

запрограммировать наперед.

Великолепно, подумал Фут. *Неужели я прибыл сюда ради этого?* Мой визит сюда должен был стать всего лишь предлогом для установки следящего устройства. При помощи которого я планировал узнать больше о Дэвиде Лантано. И вместо этого я оказался втянут, или как минимум приглашен, участвовать в заговоре с целью убийства самого влиятельного человека в мире. Который вдобавок имеет в своем распоряжении крупнейшую коллекцию самого лучшего оружия.

Человека, которого все мы панически боимся.

И разговор этот благодаря шпионской камере, которую он лично установил в диван, *записывался*. И по безумной, невероятной иронии его собственными техниками. И специалистами его корпорации — и на местной станции подслушивания, и в самом лондонском офисе. Выключать уже поздно; данные слишком важны и уже были отправлены. И, конечно же, где-то в корпорации «Уэбстер Фут, Лимитед» у Броуза были свои агенты; и вскоре, хотя, возможно, и не сию минуту, этот разговор, во всех его абсолютно точных подробностях, по каким-то неизвестным каналам поступит в Женеву. И каждый в этой комнате,

осознал Фут, будет убит. Даже если я откажусь; даже если мы с Адамсом откажемся оба; *этого будет недостаточно.* Потому что старик Броуз не захочет рисковать; с нами обязательно разделаются. Просто на всякий случай; для гарантии его абсолютной безопасности.

Вслух же Фут сказал:

— У вас есть запись альфа-ритма мозга Броуза. В мониторе, в стене виллы Линдблома. И у вас есть туда доступ… — Он обращался к Адамсу.

— Тропизм, наведение, — сказал Лантано и кивнул.

— Поскольку лиди Линдблома признают вас как ближайшего друга покойного… — Фут поколебался, но потом все же бесстрастно продолжил: — …то, таким образом, я бы предложил — да, альфа-ритм в качестве образца для наведения. Обыкновенный автономный скоростной дротик с цианидом. Установленный на запуск из какого-то уголка в вашем офисе в Агентстве в тот момент, когда управляющий им механизм воспримет этот конкретный альфа-ритм как находящийся рядом.

Все молчали.

— Это можно сделать сегодня вечером? — спросил у Фута Лантано.

— Нужно буквально несколько минут, чтобы установить гнездо для такого дротика, — сказал Фут. — И запрограммировать управляющий механизм внутри этого гнезда. И зарядить туда сам дротик.

Адамс спросил:

— У вас… у вас есть такое приспособление? — Он обращался к Футу.

— Нет, — ответил Фут. Это было правдой. К сожалению. Он не мог солгать.

— У меня есть, — сказал Лантано.

— Этих скоростных автономных дротиков с цианидом остались сотни, — сказал Фут, — с тех дней, когда международные коммунистические убийцы творили свои дела, и буквально тысячи медленных, позволяющих корректировку после запуска, вроде того, что убил Верна Линдблома. Но они старые. Они существуют, но полагаться на них нельзя; слишком много лет…

— Я сказал, — перебил его Лантано, — *что у меня один есть*. В полном сборе: дротик, его гнездо, корпус, управляющий механизм. Абсолютно свежий.

— Тогда, — сказал Фут, — вы должны также иметь доступ и к машине времени. То оборудование, о котором вы говорите, судя по всему,

доставлено прямиком из прошлого, пятнадцать-двадцать лет назад.

Лантано немедленно кивнул.

— Да, имею. — Он порывисто сжал кулаки. — Но я не умею настраивать эту сборку. Коммунистические убийцы — до войны и во время войны, — которые ее использовали, проходили специальное обучение. Но я полагаю, что ваши общие знания по этому вопросу… — Он бросил взгляд на Фута. — Вы смогли бы. Сделаете?

— Сегодня вечером? — спросил Фут.

— Броуз, — объяснил Лантано, — прибудет в офис Адамса, вероятнее всего, не позже завтрашнего дня. Если установить приспособление сегодня ночью, Броуз умрет через полсуток-сутки. Альтернативой этому, разумеется, будет смерть каждого из людей в этой комнате. Потому что через *двое суток* информация об этом разговоре будет в руках Броуза. — И он добавил: — Благодаря некоему шпионскому устройству, Фут, которое вы лично сюда принесли; я не знаю, где оно, что оно собой представляет, как и когда вы установили его, но я знаю, что оно в комнате. И оно работает.

— Это правда, — сказал Фут, помолчав.

— Так что мы вынуждены продолжать, — за-

говорил Адамс. — Сегодня вечером, как он и говорит. Хорошо, я отправлюсь в поместье Линдблома и снова заберу запись того альфа-ритма; я вернул его старшему из лиди там, тип шесть. — Он заколебался, внезапно что-то осознав. — У гештальт-махера был этот альфа-ритм. Откуда он взялся там? У человека, что программировал машину, он был; а он мог быть только у Броуза. Так что я полагаю, что вы правы, Лантано. Загрузить эти данные в машину мог только Броуз.

— А вы полагали, — тихо спросил Лантано, — что это я отправил ту машину, чтобы убить вашего друга?

Адамс снова заколебался.

— Я не знаю. Кто-то это сделал; вот и все, что я знаю. Но компьютер выдал эту карточку; и мне показалось…

— Я думаю, что у вас было именно такое мнение, — сказал Фут.

Лантано улыбнулся, вскользь глянув на него. Это не была улыбка юноши; в ней была дикая древняя магия. Уклончивая, но неприрученная мудрость, которая могла позволить себе мягкость и терпимость, потому что видела так много.

— Вы американский индеец, — сказал Фут, поняв все и сразу. — Из прошлого. Который каким-то

образом завладел одним из наших современных устройств для путешествия во времени. Как вам это удалось, Лантано? Броуз послал ковш в ваше время, *ведь так?*

После паузы Лантано сказал:

— Те артефакты, что сделал Линдблом. Он использовал компоненты настоящего оружия времен войны, основанного на этом принципе. А геолог допустил ошибку; некоторые из артефактов оказались не под землей, а на поверхности, видимые глазу. И я проходил мимо; я возглавлял боевой отряд. Вы бы не узнали меня тогда; я был одет иначе. И раскрашен с головы до ног.

Бывший танкер Николас Сент-Джеймс сказал:

— Чероки.

— Да, — кивнул Лантано. — По вашему летосчислению — пятнадцатый век. Так что у меня было много времени, чтобы подготовиться к этому.

— Подготовиться к чему? — спросил Фут.

— Вы знаете, кто я, Фут, — сказал Лантано. — Или, точнее, кем я был в прошлом, а конкретно — в 1982 году. И кем я стану. Вскоре. Ваши люди сейчас копаются в фильмах. Я сэкономлю вам время, бросьте это долгое и трудное занятие; вы найдете меня в девятнадцатой серии Версии А.

В эпизоде.

— И кого же, — не показывая эмоций, спросил Фут, — вы изображали?

— Генерала Дуайта Дэвида Эйзенхауэра. В той фиктивной, полностью сфальсифицированной сцене, выдуманной Готтлибом Фишером в воспитательных целях, где Черчилль и Рузвельт — или, точнее, изображающие их актеры — совещаются с Эйзенхауэром и принимают решение, насколько конкретно они могут задержать высадку на континент. «День Д», так это называлось. У меня была очень интересная выдуманная реплика… Я никогда ее не забуду.

— Я помню ее, — внезапно сказал Николас.

Все обернулись к нему, буквально все.

— Вы сказали, — процитировал Николас, — «Я думаю, что погода достаточно плохая. Чтобы помешать нашей высадке и чтобы можно было списать на нее неудачу с надежным закреплением на плацдармах». Фишер заставил вас произнести именно это.

— Да, — кивнул Лантано. — Именно эта реплика. Тем не менее высадка оказалась удачной. Потому что, как показано в Версии В — в столь же вдохновенно выдуманной сцене для потребления зрителями из НарБлока, — Гитлер сознательно

задержал две танковые дивизии, находящиеся в Нормандии, *для того, чтобы вторжение удалось.*

Некоторое время все молчали.

— Станет ли смерть Броуза, — спросил Николас, — концом эпохи, которую начали эти два фильма? — Он обратился прямо к Лантано: — Вы сказали, что располагаете доступом к…

— Смерть Броуза, — твердо ответил Лантано, — ознаменует тот момент, когда мы плюс Дисциплинарный совет, с которым я уже обсудил данный вопрос, начнем — в сотрудничестве с Луисом Рансиблом, без которого не обойтись, — решать, что же конкретно нам сказать миллионам жителей подземных убежищ.

— Чтобы они поднялись наверх? — уточнил Николас.

— Если мы этого захотим, — ответил Лантано.

— Черт, — возмутился Николас, — конечно же, мы этого хотим; в этом же вся суть. Разве не так? — Он переводил взгляд с Лантано на Адамса, потом на Фута.

Фут сказал:

— Я думаю, да. Я согласен. И Рансибл тоже согласится.

— Но только один человек, — сказал Ланта-

но, — обращается к танкерам. И этот человек — Тэлбот Янси. Что он решит?

Адамс, запинаясь, начал:

— Но ведь Тэлбот Янси не су…

— Он существует, — сказал Фут. Обращаясь к Лантано, он поинтересовался: — И что же решит делать Тэлбот Янси?

Я надеюсь, у тебя найдется авторитетный ответ, сказал он про себя. *Потому что ты знаешь ответ на этот вопрос; и я знаю, откуда ты знаешь, и ты понимаешь это. Мы больше не в болоте фейков; сейчас все реально. Я знаю, кто ты, благодаря фотоснимкам с моего спутника.*

После паузы Лантано задумчиво произнес:

— Если все пойдет по плану, Тэлбот Янси в ближайшем будущем объявит, что война прекращена. Но поверхность все еще радиоактивна. Поэтому убежища будут разгружаться поочередно. В строгой последовательности, шаг за шагом.

— А это правда? — недоверчиво спросил Николас. — Они действительно будут поочередно подниматься на поверхность? Или это всего лишь еще одна…

Взглянув на часы, Лантано сказал:

— Нам пора заняться делом. Адамс, за вами запись альфа-ритма из Пенсильвании. Я достану

ту оружейную сборку, о которой мы договорились; Фут, вы пойдете со мной — мы повстречаем Адамса в его офисе в Агентстве, и вы сможете установить оружие, запрограммировать его, подготовить к завтрашнему дню. — Он встал и гибко, легко двинулся к двери.

— А что насчет меня? — спросил Николас.

Лантано подхватил военную карту Фута, подошел к Николасу и вручил ее ему.

— Мои лиди в твоем распоряжении. И скоростной флэппл; он доставит тебя и девять-десять лиди в Северную Каролину. Вот точка, в которой им надо копать. И удачи, — кратко закончил Лантано. — Потому что с этого момента ты автономен, сам занимаешься своими делами. Сегодня вечером у всех нас есть другие дела.

Фут сказал:

— Конечно, хотелось бы не бросаться в это… очертя голову; жаль, что мы не смогли обсудить вопрос более подробно. — Он чувствовал страх. Экстрасенсорным предсказательским чутьем — но и обычный инстинктивный страх. — Хорошо бы у нас было побольше времени, — пожаловался он.

— Полагаете, оно у нас есть? — спросил Лантано.

— Нет, — ответил Фут.

26

Со своей громоздкой свитой из людей и лиди, окружающей его со всех сторон, Джозеф Адамс покинул гостиную виллы; Фут с Лантано последовали за ним.

— Действительно ли Броуз запрограммировал гештальт-махер? — спросил Фут у смуглого юноши — юноши на текущий момент, но, как видел Фут на анимированных фото спутниковой разведки, способного (по своему желанию или случайным образом) приобретать облик любого возраста на своем жизненном пути.

— Ну, поскольку машина располагала записью альфа-ритма…

— Которую мог получить любой Янси-мэн от любого из трех больших компьютеров, — сказал Фут тихо, чтобы не услышал Адамс, которого так или иначе изолировал от звуков лязг его окружения. — И, Лантано, давайте посмотрим правде в глаза, *вы об этом знаете.* Вы в ответе за смерть Линдблома? Я бы хотел знать точно, до того как мы начнем работать.

— А это важно? Есть ли какая-то разница?

— Есть, — ответил Фут. — Но я все равно буду продолжать. — Из-за того, что не продолжать было бы слишком опасно, из-за угрозы их жизням; вопросы морали на этой поздней стадии уже не были определяющими. С того самого момента, как он установил следящее устройство, камеру. Это надо же было оказаться жертвой собственного профессионализма…

— Я запрограммировал гештальт-махер, — сказал тогда Лантано.

— Но зачем? Что совершил Линдблом?

— Ничего. Фактически я был перед ним в глубоком долгу, поскольку именно благодаря ему получил машину времени; без него меня бы тут не было. А до него я… — совсем короткое, неуловимое колебание, — я убил Хига.

— Зачем?

— Хига я убил, — сухо ответил Лантано, — чтобы остановить спецпроект. Чтобы спасти Рансибла. Чтобы спецпроект рухнул — что в итоге и случилось.

— Но Линдблома-то за что? Я могу понять случай с Хигом. Но… — Фут развел руками.

Лантано сказал:

— Вот именно для этого. Чтобы подставить Броуза. Чтобы создать нить рассуждений, которая

убедит Адамса в том, что именно Броуз убил его лучшего друга, единственного друга, насколько я понял, который оставался у Адамса во всем мире. Я рассчитывал, что гештальт-махер сможет уйти; не думал, что лиди Линдблома окажутся настолько выученными и быстрыми. Линдблом, судя по всему, ожидал чего-то подобного, но, видимо, с другой стороны.

— И чего вы добились благодаря этой смерти?

— Она заставляет Адамса действовать. Броуз очень осторожен; без какой бы то ни было рациональной и осознанной причины он не доверяет мне и избегает меня. Броуз никогда не приближался ко мне на расстояние действия оружия и никогда не приблизится; в одиночку, без помощи Адамса, я никогда бы не дотянулся до него. Я заглядывал вперед, и я знаю. Или Броуз погибает завтра утром в офисе Адамса — а это одно из очень немногих мест, куда он выбирается, — или Броуз продолжает жить и действовать, хотите верьте, хотите нет, *еще двадцать лет.*

— В таком случае, — сказал Фут, — вы поступили правильно. — *Если* это было правдой. И не было никакой возможности проверить. Двадцать лет. Пока Броузу не исполнится сто два года. Кошмар, сказал себе Фут. И мы пока еще не вышли из

него; пробуждение только впереди.

— Чего Адамс не знает, — сказал Лантано, — и не узнает никогда, так это одного отвратительного факта, который никогда не должен был стать фактом. Линдблом, вплоть до момента своей смерти, мучился над решением одного вопроса. И на самом деле уже принял решение; он был уже готов донести о моральном сопротивлении Адамса их специальному проекту. Он знал, что Адамс находится на грани того, чтобы сообщить Луису Рансиблу достаточно информации, чтобы тот не был обманут, не попался на крючок; и тогда Рансибл, по подсказке Адамса, обнародовал бы свои археологические находки. Да, он потерял бы свою землю в Юте, но не все состояние полностью. Не свою политическую свободу. Так что в конечном счете Линдблом оказался лоялен Агентству. Броузу. А не своему другу. Я видел это, Фут, поверьте мне. Буквально на следующий день Линдблом собирался обратиться по известным ему каналам — и он точно знал, как, с чьей помощью это сделать, — к Броузу в его крепости в Женеве, и сам Адамс боялся этого; он знал, что его жизнь в руках Линдблома… Жизнь Адамса. И все из-за весьма необычных для Янси-мэна этических норм Адамса, его принципов, высших

устремлений. Из-за того, что он чувствовал зло в этом спецпроекте, от начала и до конца. — Он смолк, наблюдая, как Джозеф Адамс в своем перегруженном флэппле умудряется оторваться от земли и стартовать в ночное небо.

— На вашем месте, — сказал Фут, — я бы никого не убивал. Ни Хига, ни Линдблома. Никого. — В своем бизнесе он видел уже слишком много убийств.

— Но, — сказал Лантано, — теперь вы ведь готовы в этом участвовать. В убийстве Броуза. Так что даже вы в некоторый момент чувствуете — признаете, — что не осталось других методов, кроме последнего. Я прожил шестьсот лет, Фут; я знаю, когда убивать необходимо и когда можно обойтись.

Да, подумал Фут. Ты явно это знаешь.

Но где заканчивается эта цепочка, спросил он у себя. Станет ли Броуз последним? На этот счет не было ровно никаких гарантий.

Его интуиция подсказывала, что на этом дело не закончится. Как только такой способ мышления, метод решения проблем приходил в движение, он начинал разгоняться сам по себе. Лантано — или Тэлбот Янси, как он скоро начнет себя называть, и, судя по всему, не в первый раз, — столетиями

готовился именно к этому. Очевидно, за Броузом могли последовать Рансибл или Адамс и даже, как Фут и предполагал с самого начала, он сам. Кто угодно, если «необходимо», как выразился Лантано.

Любимое слово, подумал Фут, у всех тех, кого ведет жажда власти. Единственной необходимостью являлась внутренняя, удовлетворение собственных желаний. У Броуза она была; у Лантано она была; у бесчисленных рядовых Янси-мэнов и кандидатов в Янси-мэны она была тоже; и у сотен, тысяч политкомиссаров в танках под землей, что правили там как настоящие тираны, осознал Фут, при помощи своей связи с поверхностью, своего владения *гнозисом* — секретным знанием о реальном положении дел тут, наверху.

Но у этого конкретного человека жажда власти была многовековой.

Кто же в таком случае, спросил у себя Фут, следуя за Лантано к запаркованному и ждущему скоростному флэпплу, представляет собой бóльшую угрозу? Шестисотлетний Лантано / Янси / Бегущее Красное Перо, или как там было его исконное имя среди чероки, который в старшей фазе своего цикла превратится в того, кто сей-

час является просто синтетическим манекеном, созданным по его подобию, прикрученным к дубовому столу, — манекеном, который вызовет сильный шок у огромного количества сотрудников Агентства, доминусов своих поместий, когда станет внезапно ожившим и реальным… или это, или правление стареющего и уже действительно впадающего в маразм чудовища, что прячется в Женеве, бормоча и пузырясь планами улучшить и увеличить количество протезов, поддерживающих его существование, — как может вменяемый человек выбирать между ними и остаться вменяемым? Мы прокляты как раса, в самом деле, сказал себе Фут, Книга Бытия права. Если нам никуда не деться от этого решения; если не из чего больше выбирать, если в любом случае придется стать инструментами в руках того или другого из них, пешками, которыми или Лантано, или Стэнтон Броуз будут двигать по своему усмотрению, в рамках своих грандиозных планов.

Но действительно ли выбор столь ограничен? Фут задавался этим вопросом, пока в задумчивости забирался во флэппл и усаживался рядом с Лантано, который тут же запустил двигатель; флэппл взмыл в темноту, оставляя позади шайеннскую горячую зону и полузавершенную виллу

с ее тлеющими огнями… виллу, которая, без сомнения, в конечном счете будет достроена.

— Сборка, представляющая собой оружие, лежит на заднем сиденье, — сказал Лантано. — В своей родной заводской упаковке.

Фут хмыкнул.

— Так вы заранее знали, что я выберу.

— Путешествия во времени, — сказал Лантано, — очень ценная вещь. — Это был и весь его лаконичный ответ; дальше они летели в молчании.

Есть третий выбор, сказал себе Фут. Третий человек, тоже располагающий огромной властью и не являющийся пешкой в руках Лантано или Стэнтона Броуза. На своей кейптаунской курортной вилле, принимая солнечные ванны на затянутой плющом веранде, лежит Луис Рансибл, и если нам нужно найти разумного человека и разумные решения, то их стоит искать в Кейптауне.

— Я сделаю это, как и обещал, — сказал вслух Фут. — Я настрою оружие в офисе Адамса в Нью-Йорке. — *А потом,* решил он, *я полечу в Кейптаун. К Луису Рансиблу.*

Меня физически тошнит, понял он, от этой ауры «необходимости», что окружает человека рядом со мной, — такая глубина политических и

моральных реалий, которую я даже измерить не могу, слишком прост для этого; в конце концов, я прожил всего сорок два года. А не шестьсот.

И как только я доберусь до Кейптауна, сказал себе Фут, я настрою все виды новостных приемников и буду ждать без сна и отдыха, пока не услышу из Нью-Йорка весть о том, что Стэнтон Броуз, жирный и маразматично-хитрый кусок пластилина, мертв — если заговор внутри Агентства, составленный его самым младшим (господи, шестьсот лет от роду, и он младший?) и самым ярким генератором идей и спичрайтером, окажется удачным.

И после этого, возможно — надеюсь, — мы с Луисом Рансиблом сможем заключить договор и подумаем над тем, что нам делать дальше. Посмотрим, что же «необходимо» для нас.

Ибо сию секунду, господь свидетель, он этого не знал.

Он спросил своего спутника:

— А вы лично готовы в тот же момент, когда Броуз умрет, объявить себя перед Дисциплинарным советом единоличной исполнительной властью? Протектором всей Земли, превышающим по должности генерала Хольта в ЗапДеме и маршала…

— А разве не именно это уже известно каждому из сотен миллионов танкеров? Разве верховная власть Протектора не была окончательно установлена уже много лет назад?

— А что насчет лиди? — спросил Фут. — Подчинятся ли они вам? Не Хольту и не Харензани? Если дойдет до этого?

— Вы не учитываете одного: я имею легальный доступ к симулякру, той *вещи* у дубового стола; я программирую его — ввожу в него материалы для чтения через Мегавак 6-V. Так что я в каком-то смысле уже начал передачу власти; я просто сольюсь с симулякром, не отменяя его внезапно, а путем… — Лантано резко махнул рукой. — Правильным термином будет — *объединение.*

Фут усмехнулся.

— Вам не понравится быть прикрученным к тому столу.

— Я думаю, что без этой части как раз можно будет удачно обойтись. Янси может в реальности начать посещать некоторые из убежищ. Как Черчилль посещал разбомбленные районы во Вторую мировую. *Эти* эпизоды Готтлибу Фишеру не пришлось подделывать.

— А скажите, неужели за столетия жизни вы появлялись на публике лишь в одной эпизо-

дической роли в фильме Готтлиба Фишера? В единственном воплощении американского генерала Второй мировой войны? Или… — И его экстрасенсорное чутье вдруг насторожилось; что-то было угадано и вот-вот должно было выйти на свет. — Не были ли вы у власти уже один или несколько раз — ограниченной власти, разумеется… не как сейчас, не всепланетной и верховной?

— Да, я в некотором смысле проявлял активность. В ряде случаев. Моя роль отличается эволюционной, исторической непрерывностью.

— В том числе известные даже мне имена?

Его спутник кивнул.

— Да. Несколько. — Он не уточнил, и было ясно, что он не собирается этого делать; просто молчал, а скоростной флэппл несся над неосвещенной поверхностью Земли в сторону Нью-Йорка.

— Не так давно, — осторожно начал Фут, не слишком надеясь получить ответ на этот довольно прямой вопрос, — некоторые из моих лучших дознавателей, работающие с танкерами, что пробурились и вышли на поверхность, обнаружили удивительный — для меня — факт: слабый телесигнал, не тот, что исходит по кабелю из Эстес-парка, уклончиво намекает, скажем так, на

некоторые неточности в прежних официальных и якобы достоверных…

— Это была моя ошибка, — сказал Лантано.

— То есть за этим тоже стояли вы. — Теперь он знал происхождение загадочного сигнала. И еще раз интуиция не подвела его.

— Да, моя ошибка, — повторил Лантано. — И она чуть было не стоила Рансиблу его свободного существования, что значило бы для него — и физической жизни. Было очевидно, что мне нужно остановиться — как только я узнал, что Броуз считает эту телевизионную врезку и передачу делом рук Рансибла. Я добился лишь того, что жизни Рансибла начала угрожать опасность от рук агентов Броуза. И я вовсе не планировал это. Я убрал врезку в один из периферийных коаксиальных кабелей — но опоздал. Броуз уже разработал этот безумный, извращенный, хитроумный и в то же время инфантильный спецпроект. Шестерни пришли в движение, и это была моя — и только моя — вина; я пришел в ужас от того, что натворил. И в этот момент…

— Вам удалось, — кисло заметил Фут, — довольно серьезно его приостановить.

— Я был обязан; вина была слишком очевидно моей. Смутные подозрения со стороны Броуза

благодаря мне переросли в кризис. Само собой, я не мог во всем признаться. Так что я начал с Хига. Это казалось единственной возможностью вмешаться на столь поздней стадии; единственным способом остановить проект — остановить насовсем, а не на время.

— И при этом, скажем так, не открывая себя.

Лантано сказал:

— Это была тяжелая и опасная ситуация, причем не только для Рансибла… — Он остро глянул на Фута. — Но и для меня. И мне это было абсолютно ни к чему.

Помоги мне, господи, подумал Фут, улизнуть от этого человека. И связаться с Рансиблом по видеофону с борта флэппла над Атлантикой, сказать ему, что я в пути.

А что, если Рансибл не услышит?..

Эта крайне тревожащая мысль, во всех и каждом из ее вариантов, занимала центральное положение среди мыслей Фута — всю дорогу через всю страну, в Нью-Йорк, в здания Агентства, в офис Джозефа Адамса.

А в офисе было темно. Адамс еще не прибыл.

— Понятно, что получение альфа-ритма займет у него некоторое время, — заметил Лантано. Нервный и необычно для себя напряженный,

он справился с наручными часами, с тем циферблатом, на котором было нью-йоркское время. — Возможно, нам стоит получить альфаритм напрямую от Мегавака 6-V. Начинайте пока устанавливать сборку. — Они ненадолго приостановились в коридоре перед кабинетом Адамса на Пятой авеню, 580. — Занимайтесь, а я пока достану образец. — Лантано быстро двинулся прочь.

Фут сказал:

— Но я не могу попасть внутрь. Единственные ключи от кабинета, насколько я знаю, у Адамса и Броуза.

Недоверчиво глядя на него, Лантано начал:

— Неужели вы…

— Моя корпорация, — сказал Фут, — располагает средствами для преодоления любого замка в мире, любой сложности и надежности. Но… — С собой у него ничего не было; все инструменты остались в Лондоне или были разбросаны по отделениям, по всему миру.

— Тогда ничего не остается, как стоять здесь и ждать, — сказал Лантано, явно недовольный, но вынужденный принять как факт: они обязаны были ждать Адамса, причем не только ради альфа-ритма мозга Стэнтона Броуза, чтобы настроить по нему наведение оружия, но и просто для того,

чтобы получить доступ к месту действия, офису, куда огромный, жирный и стареющий Броуз явится ни свет ни заря, задолго до его владельца. Одно из немногих мест, за исключением Женевы, где он, очевидно, чувствовал себя в безопасности. А сама Женева однозначно не входила в рассмотрение; если придется поменять планы и устраивать покушение на Броуза там, то им точно уже конец.

Они ждали.

— Что, если, — вскоре заговорил Фут, — Адамс передумал? И не прибудет?

Лантано сердито воззрился на него.

— Он прибудет. — Темные, глубоко сидящие глаза его, казалось, источали яд даже при одном упоминании такой возможности.

— Я жду еще ровно пятнадцать минут, — со спокойным достоинством сказал Фут, бесстрашно глядя в бешеные темные глаза, — и после этого удаляюсь.

Они продолжали ждать.

И, пока утекали минута за минутой, Фут думал: он не появится, он сдал назад. И если он сдал назад, то следует считать, что он уже связался с Женевой: мы обязаны предположить, что ждем здесь киллеров Броуза. Ждем в этом холле соб-

ственной смерти.

— Будущее, — спросил он у Лантано, — это ведь ряд альтернативных вариантов, верно? И просто некоторые вероятней, чем остальные?

Лантано неопределенно хмыкнул.

— Предвидите ли вы, как в одном из таких альтернативных будущих Адамс информирует Броуза и спасает себя за наш счет?

— Да, — неохотно сказал Лантано. — Но это маловероятно. Примерно один шанс из сорока.

— У меня есть свое экстрасенсорное чутье, — сказал Фут. И, подумал он, мой дар говорит мне, что шансы совсем не такие; что намного, намного вероятнее то, что мы в ловушке и барахтаемся, тонем, словно розовоухие мышата в плошке меда. Что нас уже подали на стол для уничтожения. Для жадного поедания. И потом еще оближут губы.

Это было очень непростое ожидание, неудобное даже психосоматически.

И, несмотря на то что показывали часы Лантано, очень, очень долгое.

Фут задумался, сможет ли он выдержать его.

Или, возможно, с учетом способности Броуза мгновенно перебрасывать своих агентов с места на место, и до конца ждать не придется.

27

Остановившись в поместье Верна Линдблома и снова забрав образец альфа-ритма мозга Стэнтона Броуза у управляющего, лиди типа шесть, Джозеф Адамс вместе со своей свитой из личных лиди и футовских охранников стартовал куда глаза глядят — не в Нью-Йорк, а неизвестно куда.

Ему сошло это с рук буквально первые несколько минут. А потом один из четверки людей Фута наклонился к нему с заднего сиденья и сказал мрачно и четко:

— В Нью-Йорк. Немедленно. Или пристрелю из лазера. — И с этими словами он приставил холодный и округлый ствол своего лазерного пистолета к затылку Адамса.

— Хорош телохранитель, — горько сказал Адамс.

— У вас назначена встреча с мистером Футом и мистером Лантано в вашем офисе, — сказал боец. — Будьте добры сдержать свое обещание.

На себе, а конкретно на левом запястье, Адамс носил сейчас — установил сразу после смерти Линдблома — сигнальное устройство на

принципе «мертвой руки», соединявшее его в микроволновом диапазоне со своими лиди, со всех сторон сейчас набитыми вокруг него в этом флэппле повышенной вместимости. Он задумался: что случится раньше, если он активирует устройство, — застрелит ли его профессионал Фута или все же его лиди, тоже ветераны войны, сумеют первыми убить всех коммандос?

Интересный вопрос.

И от ответа зависела ни много ни мало его собственная жизнь.

Но почему бы и не полететь в Агентство? Что остановило его?

Я боюсь Лантано, понял он. Лантано знал слишком много, в его распоряжении откуда-то были слишком уж подробные данные относительно смерти Верна Линдблома. Но я боюсь и Стэнтона Броуза тоже — такой была следующая мысль, — я боюсь их обоих, но из этих двоих Броуз — страх известный, а вот Лантано — неизвестный. Так что, мне кажется, Лантано создает еще больше этого жуткого всепоглощающего тумана, внешнего и внутреннего, что высасывает из меня жизнь… хотя, видит бог, уже и Броуз был достаточно невыносимым. Его спецпроект был просто вершиной порочности и цинизма, да плюс

еще личная, уникальная его смесь старческой хитрости, мертвых глаз, слюнотечения и почти детского сознательного желания напакостить — *и наслаждаться этим.*

И Броуз, понял он, будет становиться только хуже. Мозг его будет гнить все дальше, крохотные кровеносные сосуды в нем будут схлопываться. И шаг за шагом ткань мозга, лишенная доступа к кислороду и питанию, будет отмирать. Оставляя за собой все более омерзительный след, все более ненадежный — как этически, так и прагматически.

Следующие двадцать лет под дряхлеющей властью Стэнтона Броуза окажутся все более омерзительными, пока разложение центрального управляющего органа будет проникать неуклонно глубже и глубже — и тянуть за собой весь мир. И он сам, и все его коллеги — все будут плясать и подпрыгивать, словно куклы на ниточке безумного дерганого кукловода; и с распадом мозга Броуза они, все его продолжения, будут распадаться в резонанс с ним. Боже, ну и перспектива…

Та сила, над которой Лантано имел уникальную власть — время, — была той же силой, что уничтожала органическую ткань Стэнтона Бро-

уза. А значит…

Одним ударом, одним выстрелом автономного скоростного наводящегося по альфа-ритму дротика с цианидом он устранит эту разлагающуюся и разлагающую силу из их жизни. Ведь в этом же и был весь смысл полета в Нью-Йорк, в его офис, где уже ждали Лантано и Фут.

Но организм Джозефа Адамса все еще не был убежден, он вновь и вновь выбрасывал в нервную систему метаболиты страха. В поисках облегчения — иными словами, понял он, возможности побега. *Я хочу сбежать.*

И ведь Фут тоже, остро осознал он, судя по выражению лица, ощущал нечто подобное. Разве что не так ярко, как я ощущаю сейчас, потому что иначе он бы не полетел в Нью-Йорк, а давно бы сбежал. И Уэбстер Фут нашел бы способ скрыться. А я, понял он, не найду; я не готов к этому так, как готов он.

— Да, конечно, — сказал Адамс бойцу Фута, приставившему к его затылку пистолет. — Небольшое головокружение, но я уже в порядке. — И он повернул флэппл курсом на Нью-Йорк.

Коммандос Фута за его спиной убрал лазерный пистолет и спрятал его в наплечную кобуру, убедившись, что флэппл движется на северо-восток.

Джозеф Адамс же активировал сигнальное устройство на своем левом запястье. Мгновенно и автоматически микроволновый импульс устремился к его лиди и был воспринят, хотя его собственные рецепторы не восприняли ничего. И рецепторы четверых людей Фута — тоже.

И пока Адамс не отрывал взгляда от панели управления перед ним, его лиди в короткой схватке — ужасающе молчаливой — убили четверых людей Фута. Шум стих так быстро, что Адамс не успел даже поверить и принять для себя свершившийся факт; задняя дверь флэппла открылась, и с лязгом, ворчанием и натугой лиди выбросили вон тела четверки людей, прочь, в пустоту пространства и даль ночи, которая, как казалось Адамсу, началась, но никогда не закончится.

Адамс сказал:

— Я просто не могу лететь в Нью-Йорк.

Он закрыл глаза. *In nomine Domini,* подумал он. Четыре человека мертвы; ужасно, и ему теперь всегда носить на себе, носить с собой эту печать: именно *он* отдал приказ — и причем даже не своими руками. Что было еще хуже. Но они приставили мне к голове пистолет, попытался он найти оправдание, и от страха я сошел с ума; они угрожали убить меня, если я не полечу в

Нью-Йорк, а поскольку я этого сделать не могу — помоги нам всем господь. И чтобы жить, мы должны убивать, и эта цена должна быть оплачена, эта нечестная сделка: четыре жизни за одну.

В любом случае дело было сделано. И поэтому он повернул флэппл южнее; теперь он направлялся на юго-восток, в сторону Каролины. Вместо Нью-Йорка. Который он больше никогда не увидит.

Ему потребовалось несколько часов, чтобы обнаружить в темноте под собой освещенное пятно, которое представляло собой место раскопок.

По команде Адамса его флэппл начал по спирали опускаться вниз. К той точке, где Николас Сент-Джеймс, бывший танкер, вел раскопки при помощи лиди Дэвида Лантано, в поисках возможного медицинского склада армии США еще довоенных времен и артифоргов — если они там были и если это была правильно выбранная точка, — где-то глубоко под поверхностью.

Приземлившись, Адамс пошел в сторону места раскопок. Чуть в стороне Николас сидел среди ящиков и коробок, и Адамс понял, что с местом Фут угадал. Склад армии США был найден, и довоенные запасы уже поднимали наверх. На рабочем жаргоне Янси-мэнов это называлось

«рождественское утро».

Увидев первого из чужих лиди, Николас оторопел.

— Кто здесь? — спросил он. Одновременно и лиди Лантано остановили свои работы; без команды они двинулись к Николасу, чтобы защитить его; их аналоги рук опустились туда, где они носили оружие. Все это произошло быстро, бесшумно и, разумеется, синхронно.

Адамс отдал приказ, и его собственные лиди прикрыли его таким же защитным построением. Два человека в итоге оказались разделены двойной шеренгой лиди, которые стояли лицом к лицу, а люди не видели друг друга.

— Сент-Джеймс, помните меня? Я Джо Адамс; мы виделись в поместье Дэйва Лантано. Я заглянул проверить, сопутствует ли вам удача. Нашли ли вы свой артифорг?

— Редкостная удача, — крикнул в ответ Николас. — Но к чему это выстраивание лиди друг против друга? Кто с кем собирается драться и из-за чего?

— Я не хочу сражаться, — сказал Адамс. — Могу ли я отозвать своих лиди? Вы сделаете то же со своими? Дадите мне слово, что между нами не будет враждебных действий?

С искренним удивлением в голосе Николас ответил:

— Но войны ведь нет; так сказал Блэр, и я видел поместья. С чего бы вдруг возникли какие-то враждебные действия между нами?

— Действительно, причин нет. — Адамс подал сигнал своим лиди; они неохотно расступились, ибо все-таки каждый из них был ветераном войны, настоящей войны, окончившейся тринадцать лет назад.

Уже в одиночку Адамс подошел к бывшему танкеру.

— Вы сумели найти тот конкретный артифорг, что искали?

Возбужденно и радостно, как маленький мальчик, Николас воскликнул:

— Да! Три артифорга, сердце, почка — и, я нашел ее, поджелудочная железа, в своей заводской упаковке и запечатана в алюминиевый барабан. — Он с гордостью продемонстрировал находку. — В пластиковой оболочке для защиты от воздуха; без сомнения, в абсолютно новом, нетронутом состоянии. Этот контейнер обещает защиту содержимого — вот, гляньте сюда — в течение пятидесяти лет!

— Что ж, вы добились своего, — сказал Адамс.

Ты нашел то, подумал он, ради чего выбрался на свет дня. Твое путешествие окончено. Ты счастливчик. Жаль, что для меня все не так просто. Ах, если бы то, чего мне не хватает, что нужно, важно для жизни, можно было бы взять в руки, рассмотреть, прочитать чернильный штамп на нем. Поднять и вцепиться; чтобы это был какой-то объект, материальный, твердый — и чтобы мои страхи были столь же реальны. И ограничены, как твои. Для тебя-то единственным страхом было не найти тот единственный конкретный и четко названный аппарат времен войны, а теперь этот аппарат найден и находится в твоей собственности, насколько мы вообще можем чем-то обладать, действительно иметь и хранить. А посмотри только, что я потерял, подумал он. Свое поместье, свою работу; и я собираюсь навсегда отказаться от земной поверхности. Чтобы не последовать за Верном Линдбломом. Потому что я знаю, что это сделал Дэвид Лантано. Я знал это с той самой секунды, когда Лантано признал, что у него есть та оружейная сборка. С теми составляющими, которые всем нам так хорошо известны: скоростным — или, как в случае Верна, низкоскоростным — автономным дротиком с цианидом. И вовсе не ржавая, а вполне рабочая…

как и та машина, что дотянулась до сердца Верна Линдблома.

Абсолютно новая, сказал Лантано. Вытащенная напрямую из военных лет, тринадцатилетней давности, при помощи машины времени Лантано. И эту ловушку надо поставить в моем офисе, чтобы убить Броуза точно так же, как был убит Верн; да, это будет мгновенное и безболезненное, но все же убийство — так же, как и я убил четверых коммандос Фута. Но так обстоят дела. А я ухожу. Спускаюсь. Если смогу.

— Вы возвращаетесь в свой танк? — спросил он Николаса.

— Немедленно. Чем меньше старик Соуза пробудет в заморозке, тем лучше; всегда есть какая-то вероятность повреждения мозга. Я оставлю тут лиди Лантано, чтобы они продолжали раскопки, достали все остальное; думаю, что Лантано с Футом могут поделить добычу или как-то иначе прийти к соглашению.

— Да, — сказал Адамс, — похоже, что они умеют договариваться. Фут предоставил карту, а Лантано — лиди и оборудование для раскопок. Они точно найдут способ разделить сокровища.

Что самое поразительное, подумал он, так это то, что ты получаешь свою поджелудочную про-

сто так. Они ничего не попросили взамен. Так что они не такие уж плохие люди в обычном, повседневном смысле: они вместе, Фут и Лантано, с достоинством и милосердием предоставили тебе возможность получить то, чего тебя лишил Броуз — и всех остальных на свете, — то, что он припрятал для себя. Броуз — вот у кого абсолютно не было милосердия.

— Я думал, что вы планировали повстречаться с ними в Нью-Йорке, — сказал Адамсу Николас.

— Они обойдутся без меня. — Альфа-ритм мозга Броуза они могут получить у Мегавака 6-V; рано или поздно они догадаются это сделать, когда Адамс не появится, — и, вероятнее всего, уже так и поступили. И если они не смогут установить дротик в его кабинете, если они даже с инструментами и навыками Фута не справятся со сложным замком в двери, то они могут — и сделают это — найти подходящее место в коридоре, который является единственным проходом в офис, по которому Стэнтон Броуз вынужден будет пройти, чтобы туда попасть. Он знал, интуитивно чувствовал на глубочайшем уровне, уверенно, что Фут совместно с Лантано каким-то образом найдут возможность справиться.

Они, впрочем, никогда не забудут того, что он

не прибыл на встречу. Если они не убьют Броуза, то этот старый полубезумный кусок жира, без сомнения, уничтожит их, и, вероятно, Адамса тоже; а если убьют — что ж, возможно, когда-то позже, когда им будет удобно, когда Фут и Лантано, особенно Лантано, придут к власти, они выследят его. Для мести будет более чем достаточно времени. И в конце концов, в любом случае, *она его настигнет.* Каким бы ни был результат ловушки, которую в данный момент устанавливали в коридоре или офисе Агентства, по адресу Пятая авеню, 580, Нью-Йорк.

— А вы сказали Лантано, из какого именно танка вы вышли?

— Черта с два, — ответил Николас. — Мой долг защищать людей там, внизу; у меня есть жена и младший брат… — Он осекся. — Я сказал тому бывшему танкеру в руинах Шайенна. Джеку Блэру. — Он пожал плечами с фатализмом. — Но Блэр, скорее всего, не вспомнит; они все там, в руинах, выглядят немножко не в себе. — И на удивление трезво продолжил: — Я избранный президент своего танка. На мне огромная ответственность. Вот почему именно меня послали на поверхность, чтобы раздобыть этот артифорг. — С этими словами Николас повернулся и двинулся к

стоящему флэпплу.

Адамс спросил:

— Можно мне с вами?

— Со мной? — Николас выглядел удивленным, но мысли его явно были далеко; его сейчас больше всего заботил артифорг — сам предмет и задача его безопасной доставки в свой танк. — Вы хотите спуститься вниз со мной — вы об этом? Но зачем?

— Я хочу спрятаться, — просто ответил Адамс.

После паузы Николас произнес:

— Вы имеете в виду Лантано.

— Я имею в виду абсолютно всех, — ответил Адамс. — Они убили моего единственного друга; и они убьют меня. Но если я буду внизу и они не будут точно знать, в каком из танков, то, может быть, если ваш политкомиссар не донесет…

— Мой политкомиссар, — без выражения сказал Николас, — прибыл с поверхности, из Эстес-парка, уже после окончания войны. Он знал. Так что в «Том Микс» не будет никакого больше политкомиссара. По крайней мере, этого точно.

Еще одна смерть, понял Адамс. И тоже «необходимая». Как и любая другая, как и моя, когда-нибудь. И тем не менее это правило, эта необходимость существовала всегда, и для всего

живущего. И у нас здесь всего лишь частный случай, всего только ускорение природного, естественного процесса.

— В общем, да, конечно, — сказал Николас. — Добро пожаловать. Из того, что вы сказали там, в поместье Лантано, я понял, что вы чертовски несчастны, для вас тут просто ад.

— Ад, — эхом откликнулся Адамс. Да, это было буквально место, где горят мертвецы; средоточие костров, мерцания огней, выжженная, испепеленная почва, ямы, все это подытоженное и вызванное той войной тринадцать лет назад — и он прожил все, сперва в испепеляющем огне самой войны, а потом в ее иной, более поздней форме, форме холодного и подступающего тумана, а потом еще раз в ее ужасном, обжигающем виде; воспламеняющим его, заполняющим его новым, на этот раз абсолютно новым страданием: с того самого момента, как он узнал о смерти Верна Линдблома.

— Вам придется привыкать, потому что там, внизу, у нас тесновато, — заметил Николас, когда они шли к припаркованному флэпплу, а лиди Адамса тянулись за ним. — И вы не сможете взять их с собой, — он указал на свиту, — вам придется спускаться одному. Места мало; в нашей ячейке

мы делим даже ванную комнату…

— Сойдет, — сказал Адамс. Он был готов согласиться на все, лишиться всех лиди до последнего, оставить и это — и с радостью. И он был бы невероятно рад делить ванную с теми, кто живет в соседней комнате. Для него это стало бы не мучением, но наслаждением, он упивался бы этим. Потому что это компенсировало бы ему многолетнее одиночество доминуса в огромном, молчаливом и окруженном лесами поместье с его океанскими туманами; о, этот ужасный и пустой тихоокеанский туман!

Танкерам этого не понять. Возможно, они даже восхитятся его способностью приспосабливаться к таким спартанским условиям — после жизни чиновника, как он скажет им, как ему *придется* им сказать, правительства Эстес-парка, правительства ЗапДема. Словно политкомиссар, он спустится в их танк для того, чтобы разделять с ними их трудности и лишения… так они будут думать.

Какая ирония.

28

Вскоре они уже были в воздухе. В ночной темноте флэппл держал курс на северо-запад, в сторону горячей зоны Шайенна. На борту были лишь двое людей. Все лиди, и Адамса, и Лантано, были оставлены, чтобы продолжать раскопки. Адамс подумал, не сцепились ли они уже между собой, если неприязнь между двумя группами из латентной перешла в открытую. Вероятнее всего, да, уже.

Вскрыть вертикальный туннель в «Том Микс» оказалось непростой задачей. Лишь под утро они сумели при помощи оборудования, за которым пришлось слетать в поместье Адамса на побережье, прорезать твердую и запекшуюся корку, которой лиди Лантано запечатали выход из туннеля. Николасу с Адамсом еще повезло, что они вообще нашли этот выход; к счастью, старательность лиди помогла им в этом. Выжженное пятно оказалось заметным даже ночью; его выдавала полная пустота гладкой и безжизненной искусственной поверхности, чуть ли не обсидиановая, из расплавленного стекла рана почвы в окруже-

нии редкой травы и обломков.

И вот вход был вновь открыт. Уже не существующий лиди запечатал туннель очень профессионально; пробку удалось пробить, но на это ушли целые часы.

Джозеф Адамс установил флэппл на автопилот и отослал его; тот взмыл и исчез в сером утреннем свете. Оставленный здесь, он слишком явно выдал бы их. И еще оставалась проблема — как закрыть за собой туннель таким образом, чтобы его нельзя было обнаружить даже при помощи приборов.

С этой целью они с Адамсом смастерили собственную пробку. Кусок дерна с растениями на нем, обтесанный так, чтобы точно закрыть собой выход из туннеля. Это, в общем, оказалось довольно несложно; они с Адамсом спустились в туннель, а потом при помощи цепочек, закрепленных на стальных стержнях, вбитых в пробку снизу, втащили этот кусок грунта с травой за собою и установили сверху; серый утренний свет сразу исчез, и у них остались лишь свои фонари. Они еще подтянули цепочки и надежно закрепили пробку на месте.

Потом они очень тщательно вынули из пробки все металлические детали, и стержни, и цепоч-

ки… ибо детекторы в будущем могли бы учуять присутствие металла и таким образом установить маршрут их движения для гончих, что однажды появятся.

Через пять минут Николас выбил подошвами пробку, установленную на входе в туннель; активисты убежища под опытным руководством Йоргенсона закрепили ее так, чтобы сверху она открывалась легко — в конце концов, если бы Николас вернулся, с артифоргом или без, ему пришлось бы пройти именно этим путем.

Набившись в маленькое складское помещение на первом уровне, их ожидало все руководство комитета, Холлер, Фландерс и Йоргенсон, причем все они были вооружены небольшими лазерными пистолетами, собранными в мастерских танка.

— Мы уже час вас тут слушаем, — сказал Йоргенсон. — Как вы там грохочете и гремите, открывая туннель заново. Понятное дело, мы поставили сигнализацию, она нас и разбудила ровно в четыре утра. Ну как, получилось? — И тут он увидел в руках у Николаса алюминиевый цилиндр.

— Он достал, — сказал Холлер.

Николас подтвердил:

— Я достал. — Он передал цилиндр Йоргенсону и повернулся, чтобы помочь Адамсу вылезти из туннеля в переполненную людьми складскую комнату. — Что там Дэйл Нуньес? Он отправил донесение наверх о…

— Нуньес мертв, — сказал Йоргенсон. — Несчастный случай на работе. В мастерских нижних этажей; он там — ну вы знаете. Мотивировал нас лучше работать. И подошел слишком близко к силовому кабелю. А по какой-то причине — не помню по какой — кабель не был достаточно заизолирован.

Холлер продолжил:

— И какой-то дурак толкнул Нуньеса спиной прямо на этот кабель. И он сгорел. — После паузы он добавил: — Мы уже похоронили его. Или так, или он доложил бы наверх о вашем отсутствии.

— А от вашего имени, — сказал Йоргенсон, — будто бы вы все еще здесь, мы послали официальное сообщение на поверхность, в Эстес-парк. В котором попросили прислать нам нового политкомиссара взамен Нуньеса, ну и, само собой, выразили наше сожаление.

Повисла тишина.

Николас сказал:

— Я отнесу артифорг Кэрол. — И добавил, обра-

щаясь ко всем: — Я принес его сюда не для того, чтобы мы выполнили нашу квоту. Я принес его ради Соузы как человека. Ради его жизни. С квотой покончено.

— Как так? — недоверчиво спросил Йоргенсон. — Что вообще там такое, наверху? — Только сейчас он увидел Адамса и понял, что Николас вернулся не один. — А это кто? Вам стоит объясниться.

— Как настроение будет, расскажу, — сказал Николас.

— Он вообще-то все еще президент танка, — напомнил Йоргенсону Фландерс. — И он может ждать сколько захочет; и, господи боже, он принес поджелудочную; и он как-то не обязан в придачу еще произносить речь.

— Ну я просто так спросил, — пошел на попятную Йоргенсон.

— Где Кэрол? — спросил Николас, пробираясь с Адамсом мимо комитетчиков к выходу из комнаты. Он взялся за ручку двери…

Дверь была заперта.

— Мы не можем выйти отсюда, мистер президент, — сказал Йоргенсон. — Никто из нас не может.

— По чьему указанию? — осведомился Нико-

лас.

— Кэрол, — объяснил Холлер. — Из-за вас. Из-за Пакетной чумы или любой другой болезни; из-за бактерий, что вы или этот парень, — он указал на Адамса, — можете нести на себе. И мы тоже тут все застряли, потому что сказали: ради бога, мы должны быть у входа в туннель. На случай, если это не Ник возвращается, если тревога сработала не на него. А если да… — Он запнулся. — Ну, мы чувствовали, что должны быть тут. Ну типа как бы официально присутствовать. Приветствовать вас. — Он в замешательстве уставился вниз. — Даже если артифорга не было бы. Просто потому что вы попытались.

— Жизнью рисковали, — поддержал его Йоргенсон.

— Под угрозой того, что вы, ребята, меня взорвете, — ехидно напомнил Николас, — и жену мою вместе с братом заодно.

— Может, и так, — сказал Йоргенсон, — но все же вы пошли и принесли что нужно, а могли бы просто высунуть голову наружу, тут же заползти обратно и сказать: извиняйте, не вышло. Вы так не сделали. А ведь мы даже не смогли бы ничего доказать, если б вы не стали пытаться.

Все они сейчас выглядели смущенными. Скорее

даже виноватыми, подумал Николас. Стыдящимися тактики запугивания, при помощи которой они заставили его выйти. А теперь, понял он, их президент вернулся с артифоргом; старого Мори Соузу удастся оживить и вернуть к своим обязанностям. Наш выпуск лиди возобновится, и мы будем выполнять наши квоты. Вот только их президент танка теперь знает правду. Он не знал ее, когда покидал убежище, поднимался по туннелю, выбирался на поверхность земли — чтобы узнать то, что комиссар Дэйл Нуньес знал все это время.

Ничего удивительного, что Нуньес настаивал на том, чтобы все использовали лишь официальные каналы — то есть обращались только через него. Чтобы не устанавливали *прямой* связи с миром наверху.

Ничего удивительного, что в каждом танке обязательно должен был находиться политкомиссар.

Всегда считалось очевидным, что политкомиссар выполняет какое-то важное задание для *кого-то* — и считалось, что для правительства Эстес-парка. Но лишь побывав на поверхности лично и вернувшись назад, он понял наконец, насколько важное задание и для кого конкретно,

для чьей выгоды.

— Окей, — сказал Николас комитетчикам; он отпустил дверную ручку, оставив попытки открыть дверь. — А что Кэрол планирует дальше? Какой-то процесс обеззараживания? — Чтобы истребить бактерии, микробов и вирусы, которых, как он теперь знал, не существует; его подмывало рассказать обо всем прямо сейчас, но он сдержался. Вопрос выбора момента; он понимал, что момент должен быть предельно точным. Здесь нельзя было оплошать, потому что реакция могла оказаться слишком бурной. Гнев, оправданный, — слишком яростным. Они рванутся наверх по главному стволу шахты, по вспомогательным стволам, вырвутся со своими самодельными лазерными пистолетами… и опытные обстрелянные лиди перебьют их всех, как только они появятся наверху. И все для нас закончится.

Йоргенсон сказал:

— Мы уже сообщили Кэрол по интеркому, что это вы; она вот-вот должна прибыть. Потерпите. Соуза в глубокой заморозке; он подождет еще час. Она подсадит ему поджелудочную примерно в полдень. Нам тем временем предлагается полностью раздеться и сложить нашу одежду, а потом

за дверью нас будет ждать та камера, что мы собрали в мастерских; мы пройдем через нее голые один за другим, и там будет дезинфицирующий душ из разных типов…

Адамс сказал Николасу:

— Я никогда, я просто никогда не представлял себе, насколько полно они приняли все это. Невероятно. — Он выглядел абсолютно потрясенным. — Мы думали об этом — ну скорей как о принятии разумом. Но вот *так*… — Он махнул рукой.

— Да, верят на полную, — кивнул Николас. — На каждом из эмоциональных уровней. Включая и самый глубокий из них, базовый животный страх. — Он начал раздеваться, делать было нечего. Пока не настанет момент рассказать им, выбора не было; нужно было пройти все ритуалы.

Адамс тоже стал наконец расстегивать рубашку, словно его подтолкнуло далекое отражение от какого-то смутного и неопределенного источника.

29

В тот же день в час дня Кэрол Тай выполнила — успешно — операцию по вживлению поджелудочной железы все еще замороженному мертвому Мори Соузе, а затем с использованием самого драгоценного медицинского оборудования танка восстановила его кровоснабжение, сердечный ритм и дыхание; сердце заработало само, и тогда один за другим искусственные стимуляторы были осторожно и профессионально отключены.

Следующие несколько часов были критическими, но кардио– и энцефалограммы показывали, что процессы в организме протекают нормально; у старого Соузы появился шанс — очень хороший шанс — выбраться из этого и прожить еще несколько полноценных и очень нужных лет.

Ну что же, Николас, долго стоявший у изголовья старого механика и наблюдавший, как контролирующие его состояние медицинские аппараты извергают длинные ленты, наконец отвернулся, успокоившись.

Настало время для него еще раз повстречаться

со своей маленькой, живущей в тесноте семьей — в их соседних ячейках с общей, что ни день оспариваемой ванной комнатой. И еще раз он продолжит прежнюю жизнь танка.

На какое-то время.

А потом, сказал он себе, в одиночку проходя по коридору клиники и спускаясь на пандус, ведущий на его этаж, жилой этаж, прозвучат трубы, и — нет, не мертвые, но обманутые — восстанут. Не сказать, чтобы неуязвимые, к сожалению, но весьма смертные, тленные и очень злые.

Гнездо разъяренных ос, что поднимаются для атаки. Первым будет этот танк, но мы установим контакт и с соседями и сообщим им тоже. И скажем: передай дальше! Пока не узнают все. И в конце концов это станет всемирной сетью разозленных ос; и если они все взмоют в воздух одновременно, то никакая армия лиди их не остановит. Лишь *некоторых*. Может быть, треть. Но не более.

В любом случае все зависело от телепередач в ближайшие сутки. От того, что скажет им Тэлбот Янси, настоящий или воображаемый.

И сначала он дождется этого.

И кто это будет, Броуз или Лантано? Кто на этот час выжил и остался у власти, а кто погиб?

Следующая речь Янси, следующий материал для чтения подскажет ему. Вероятнее всего, первые же десять слов с экрана.

А кого, спросил он у себя, подходя к дверям своей крохотной ячейки, мы бы предпочли? Адамсу наверняка виднее, чем мне; Дэвид Лантано был добр ко мне, позволил получить артифорг. Но его лиди до этого чуть не убили меня… и убили бы, если бы он сам в своем старшем, более бледнокожем облике Янси не вмешался. А может быть, что-то иное возникло там или возникнет со временем; не Лантано и не Броуз, а новая группировка — Джозеф Адамс выдвинул такое предположение, пока они вместе раскапывали туннель, — новый союз между Уэбстером Футом с его всемирной полицейской структурой и Луисом Рансиблом с его громоздкой, сверхгигантской, разросшейся экономической империей. Союз, противостоящий Агентству с его армией лиди, многие из которых старые, битые волки, помнящие войну и готовые подраться вновь по любому поводу… под командой Стэнтона Броуза или Дэвида Лантано.

Он открыл дверь в свою ячейку.

Рита сидела собранная, ждущая.

— Привет, — тихо сказала она.

— Привет. — Он неловко застыл на пороге, не

понимая, входить ему или нет, пытаясь прочесть ее настроение.

Поднимаясь, Рита сказала:

— Я так рада, что ты вернулся! Рада видеть тебя. Привет. — Она подошла к нему так же неуверенно и настороженно, как и он чувствовал себя. — Значит, ты не подхватил Пакетную чуму. Я этого больше всего боялась. Из-за того, что видела и слышала по телевизору, и того, что рассказывал Дэйл Нуньес, пока не… пропал.

Он обнял ее и прижал к себе.

— Так хорошо, — сказала Рита, с жаром отвечая на его объятия. — Но, Ник, буквально несколько секунд назад было оповещение для всех; нам нужно всем собраться в Колесном зале прямо сейчас и слушать Протектора, но я не пойду — Нуньес, как ты знаешь, мертв, и прямо сейчас некому *заставить* нас пойти. И я останусь здесь. С тобой. — Она прижалась к нему, но он очень быстро высвободился из ее объятий. — Что такое? — спросила она удивленно.

— Я отправляюсь в Колесный зал. — Он быстро пошел к двери.

— Но какая разница…

Не тратя времени на ответ, он буквально побежал по пандусу вниз, в зал.

Буквально мгновение спустя Николас Сент-Джеймс вошел в Колесный зал вместе с не более чем пятой или шестой частью населения убежища. Заметив Джозефа Адамса, он пробрался к тому и быстро занял место рядом с ним.

Гигантский телеэкран, от пола до потолка, был включен и работал; он пульсировал, но изображения не было.

Адамс коротко сказал:

— Мы ждем. Диктор только что объявил о некоей задержке. — Лицо его было бледным и застывшим. — Он, то есть Янси, уже было появился; но потом изображение пропало. Словно… — он глянул на Николаса, — словно кабель был перерезан.

— Иисусе, — сказал Николас, почувствовав, как его сердце пропустило удар и лишь после этого забилось ровно. — То есть они все еще дерутся.

— Мы узнаем, — спокойно и профессионально сказал Адамс. — Долго это не продлится. — Его напряженность выглядела сознательной, искусственной. И он ее поддерживал.

— Был ли он за своим большим дубовым столом? С флагом позади?

— Невозможно сказать. Слишком мало времени; все продолжалось — они смогли продержать

изображение — всего долю секунды. Я полагаю… — Голос Адамса был тихим, но отчетливо слышимым на фоне того, как вокруг них танкеры лениво, без особенного беспокойства занимали места, зевали, бормотали, беседовали. Они не знали; они просто не знали, что все это означает для них, для всех их будущих и личных, персональных, индивидуальных жизней. — …сказать по правде, выступление, судя по всему, не началось в девять утра по нью-йоркскому времени. И, похоже, оно выходит только сейчас. — Он взглянул на часы. — В Агентстве шесть вечера. Значит, что-то, бог знает что, продолжалось целый день. — Он снова перевел взгляд на огромный телеэкран. И замолк. В ожидании.

— Значит, — сказал Николас, — дротик прошел мимо.

— Возможно. Но это не конец. Лантано не сдастся и не ляжет умирать. Разберем ситуацию шаг за шагом. Первое — это пресловутая оружейная сборка; если она не попадает в цель, то уведомляет об этом владельца. Так что где угодно, даже за тысячу миль, Лантано тут же узнает о дурном известии. И Фут — ему надо где-то пересидеть это время, так или иначе; я надеюсь, что в Кейптауне. Если у него есть мозги, а я знаю, что есть, то точно

в Кейптауне. И он раскроет Рансиблу всю эту историю со спецпроектом. И не забудь: у Рансибла в его конаптах тысячи и тысячи бывших танкеров, которых Рансибл мог заранее натренировать, вооружить, подготовить для… — Он умолк на середине фразы.

На экране появились знакомые — 3D и в полном цвете — грубоватые, но загорелые и здоровые, жесткие черты Тэлбота Янси.

— Друзья мои, американцы, — сказал Янси своим глубоким и твердым, внушительным, но при этом проникновенным и даже доброжелательным голосом. — С робостью перед ликом божьим я должен объявить вам новость столь огромного значения, что могу лишь молиться Всевышнему и благодарить его за то, что мы с вами вместе дожили до этого дня. Друзья мои… — Голос его оказался перехвачен эмоциями, которые, однако, подчинились железной военной выучке, стоицизму. Как всегда мужественный, но тем не менее охваченный бурей эмоций; таким выглядел Тэлбот Янси в эту секунду, и Николас просто не мог осознать то, что он видит: был ли это тот симулякр, что всегда обращался к ним с телеэкрана, или же…

Камера отъехала. Дубовый стол. Флаг. Как

всегда.

Николас шепнул Адамсу:

— Броуз добрался до них первым, раньше, чем они до него. — Он почувствовал себя отяжелевшим, безвольным. Все было кончено.

Что же, так тому и быть. Может, оно и к лучшему. Кто знает? Кто вообще может знать? И все равно действительно великая задача стояла впереди для него, для всех танкеров. Не менее, чем тотальная, абсолютная война до конца, за право прорваться на поверхность Земли и остаться там.

На экране звенящим и взволнованным голосом Тэлбот Янси говорил:

— Сегодня я могу сообщить вам, каждому из вас под землей, где вы так долго работали, год за годом…

Адамс прошипел:

– К делу.

— …не жалуясь, терпя тяготы и лишения, страдая, но не теряя надежды… сегодня, друзья мои, эта вера, что так долго подвергалась испытаниям, была вознаграждена. Война, друзья мои, окончена.

После секундной паузы — зал и разбросанные по нему люди замерли, застыли — Николас по-

вернулся; они с Адамсом переглянулись.

— И вскоре, друзья мои, — продолжал Янси своим глубоким торжественным голосом, — вы вновь выйдете в ваш собственный, залитый солнцем мир. Сперва вас шокирует то, что вы увидите; это не будет легко, и это не будет быстро, должен я вам сказать; это предстоит делать шаг за шагом. Но мы будем это делать. Все военные действия прекращены. Советский Союз, Куба, все страны НарБлока как единое целое сдались, согласившись наконец на…

— Лантано, — неверяще прошептал Адамс.

Поднявшись, Николас пошел по проходу, прочь из Колесного зала.

В коридоре, оставшись один, он стоял в молчании, размышляя. Очевидно было, что Лантано с помощью Уэбстера Фута или без нее в конце концов покончил с Броузом либо ранним утром, используя скоростной дротик, либо — если не в тот момент и не тем оружием — в какое-то время потом. И каким-то иным, но абсолютно профессиональным и равно доступным способом. Целясь по необходимости непосредственно в сам старый мозг, ибо он один не мог быть никак протезирован. Когда погибнет этот орган, все кончится. И все кончилось.

Броуз, понял он, мертв. В этом не осталось сомнений. Это и было доказательством, которого мы и ждали. Тот один-единственный знак, который мы здесь, внизу, могли получить. Правление Янси-мэнов, тринадцатилетний обман — или сорокатрехлетний, если отсчитывать от фильмов Фишера, — позади. К добру или к худу.

Возникший позади него Адамс застыл на мгновение; оба молчали, а потом Адамс сказал:

— Сейчас все зависит от Рансибла и Фута, в данный момент. Может быть, они смогут загнать Лантано в патовую ситуацию. Обуздать его. То, что в старом американском правительстве называлось балансом властей. Возможно, они обратятся в Дисциплинарный совет; станут настаивать на… — Он махнул рукой. — Бог его знает. Я могу только надеяться, что они это сделают. Там сейчас бардак, Ник; богом клянусь — я это знаю, даже не находясь там и не наблюдая лично; ужасный бардак, и он останется таким еще долгое время.

— Но, — сказал Николас, — мы должны начать подниматься.

Адамс сказал:

— Чего я сейчас жду, так это того, как Лантано, или кто там сейчас управляет симулякром,

или как уж там они сейчас передают, — я хочу увидеть, как они объяснят эти тысячи миль травы и леса. Вместо бескрайней пустыни с радиоактивными обломками. — Он улыбнулся; улыбка превратилась в гримасу, лицо дернулось; добрых полдюжины все более глубоких, сильных и конфликтующих друг с другом идей и эмоций промчались по лицу по мере того, как он быстро перебирал в голове один вариант за другим: человек идей, Янси-мэн в нем, та личность, которой он был, в условиях возбуждения, страха и стресса вновь вышел на свет. — Что, черт побери, — сказал он, — могут они — кто бы ни были эти «они» — вообще сказать? *Возможна ли в принципе* непротиворечивая, объясняющая все история? Боже, я даже придумать ничего не могу. По крайней мере, прямо сейчас, на месте. Но вот Лантано… ты не представляешь, Ник; он сможет. Он великолепен. Да, очень вероятно, что он сможет.

— Полагаешь, — сказал Николас, — что самая большая ложь у нас еще впереди?

Адамс долго молчал, и на лице его отобразилось страдание.

— Да.

— Они не могут просто сказать правду?

— Не знаю такого слова. Слушай, Ник; кем бы они ни были, какая бы из комбинаций из всех возможных безумных партнерств, обманов, коварства и предательства партнеров, какая бы группа или отдельная личность ни наложила свои лапы, пусть и временно, на выигрыш, после целого дня… чего бы то ни было; у них есть задача, Ник: а сейчас у них есть ЗАДАЧА. Как объяснить, что целая планета представляет собой зеленый, аккуратно подстриженный заботливыми садовниками-лиди парк? *Это главное.* И не просто удовлетворительно объяснить тебе, или мне, или кучке бывших танкеров там и тут, но сотням и сотням миллионов враждебных и бешено злых скептиков, которые отныне будут под микроскопом изучать каждое слово, сказанное по телевизору — кем угодно! — с этого момента и навсегда впредь. Тебе такая задача, такая работа понравилась бы, Ник? Как тебе понравилась бы обязанность ее выполнять?

— Я бы не стал, — сказал Николас.

— А я бы стал. — Лицо Адамса исказилось страданием и, как показалось Николасу, самым настоящим, убийственно острым ностальгическим и тоскливым желанием. — Все бы отдал, чтобы заниматься этим; как я хотел бы сидеть

сейчас в своем офисе в Агентстве, Пятая авеню, 580, наблюдая за этой передачей по кабелю. Это моя работа. Это *была* моя работа. Но меня напугал туман, туман и одиночество; я позволил им победить себя. Но сейчас я могу вернуться, и он не достанет меня; я не позволю ему. Потому что это настолько важно; мы все время работали, имея это в виду: момент, когда нам придется отчитываться за все. Даже если мы сами не знали. И вот оно пришло, *и я не там*, когда этот момент наконец настал; я не там, и я прячусь — я сбежал. — Его страдание, чувство потери, осознание отстраненности от коллег и дела росло с каждой секундой, он захлебнулся, словно от удара прикладом в живот; словно физически отброшенный назад, он беспомощно падал, и не за что было ухватиться: Адамс взмахнул руками в воздухе, жалко и безнадежно. И все же он по-прежнему пытался.

— Все кончено, — сказал ему Николас, не пытаясь да и не желая быть мягким. — Кончено лично для тебя и для них всех. — *Потому что,* сказал он себе, *я собираюсь рассказать им правду.*

Они молча смотрели друг на друга. Адамс — словно из пропасти, в которую он падал и падал, бесконечно. Оба без дружелюбия и без малейшей

теплоты. Разделенные друг с другом, абсолютно; по разные стороны баррикад. И с каждой секундой эта пустота между ними все росла. Пока наконец даже Николас не почувствовал ее, почувствовал хватку того, что Джозеф Адамс всегда называл туманом. Внутренним, беззвучным туманом.

— Окей, — выдохнул Адамс. — Давай, выдавай свою правду; собери десятиваттный передатчик и подними соседний танк, передавай дальше свое Слово Правды — но я возвращаюсь в свое поместье и собираюсь забраться в свою библиотеку, туда, где я должен быть сейчас и писать речь. Без сомнения и без лишней скромности — лучшую из всех, что я написал за свою жизнь. Кульминацию всего. Потому что это то, что всем нам нужно. Лучше даже, чем смог бы Лантано; когда я действительно должен, я могу превзойти даже его — в моей работе нет никого лучше меня; я знаю свои силы. И мы посмотрим, Ник; подождем немного и увидим, кто победит, кто будет верить кому и во что, когда все это наконец завершится; у тебя есть твой шанс, и я не упущу свой — я не позволю выбросить себя, отбросить в сторону.

Он яростно взглянул на Николаса.

Рита, задыхающаяся и взволнованная, подбе-

жала через холл к мужу.

— Николас, я только что услышала — война окончена и мы скоро сможем подниматься! Мы наконец сможем начать…

— Пока еще не совсем, — сказал Николас. — Пока еще не все готово, условия на поверхности еще не вполне подходящие. — Он вернул Адамсу его застывший, вызывающий и страдающий взгляд. — Ведь так?

— Нет, пока еще нет, — ответил Адамс медленно и безжизненно, как будто он уже удалился и оставил здесь лишь малую часть себя, только чтобы отвечать. — Но условия появятся, — сказал он. — Как ты и говоришь. Все будет хорошо со временем.

— Но это правда, — задыхаясь, продолжала Рита. — Мы победили; они, НарБлок, они сдались нашим армиям лиди. Янси так сказал, это прошло по всем ячейкам танка, я услышала это у нас. — Заметив, с каким выражением на лице стоит ее муж, она сбивчиво повторила: — Это не слухи. Сам Янси, сам Протектор, лично сказал это.

Николас сказал Адамсу:

— А как насчет такого? Ты можешь сказать им — сказать нам, — что это сюрприз. На наш день рождения.

— Нет, — энергично сказал Адамс, вновь размышляя на высокой скорости, взвешивая каждое из слов Николаса. — Нет, недостаточно хорошо; не подойдет.

— Уровень радиации, — сказал Николас. Он чувствовал себя уставшим, учитывая все произошедшее, но вовсе не отчаявшимся; в нем не было пессимизма. Несмотря на то что они оба с Адамсом видели задачу, которая шаг за шагом незаметно приблизилась к ним за все эти годы ожидания, бесцельно потерянные для них обоих. — Радиоактивность, — сказал Николас.

И тут глаза Адамса мгновенно загорелись.

— Радиоактивность, — повторил Николас, — только сейчас наконец, после всех этих лет, снизилась до приемлемого уровня. Вот и все, годится? И все эти годы вы были вынуждены заявлять — причем у вас не было выбора, просто не было выбора относительно этого; это было и морально, и практически *необходимо* заявлять, — что война все еще продолжается. Иначе люди, а вы знаете, как они обычно себя ведут, ринулись бы на поверхность.

— Как стадо баранов, — согласился Адамс, медленно кивая.

— Слишком рано, — сказал Николас. — Как они

обычно поступают по своей глупости — и радиация; она убила бы их. Так что на самом деле, если посмотреть объективно, с вашей стороны это было самопожертвованием ради людей. Той моральной ответственностью, которую вынуждена была принять на себя ваша власть. Как насчет этого?

— Я уверен, — тихо сказал Адамс, — что мы что-то непременно придумаем.

Николас сказал:

— Я тоже уверен, что вы сможете.

Но есть один нюанс, сказал он себе, и обнял жену.

Вы этого не сделаете.

Потому что мы вам не позволим.